

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 5 2020 NO 2

К

РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 NO 2

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 NО 2

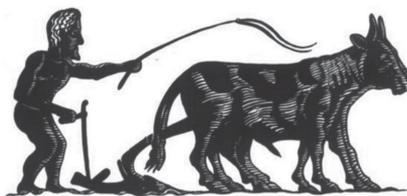
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. В. Бабашкин, РАНХиГС

С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

Э. Н. Крылатых, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

В. А. Мау, РАНХиГС

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова

Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Крель;

дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Бабы». С.А. Виноградов. 1893. Государственная Третьяковская
галерея, Москва

© РАНХиГС, 2020

Содержание

Теория

<i>Chayanov A.V.</i> Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 2)	6
--	---

История

<i>Merl S.</i> Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective	56
<i>Гордеева И.А.</i> «Малые дела» в российском коммунитарном движении	88

Современность

<i>Гусаков Т.Ю.</i> Сельский Крым и его агрохолдинги	106
<i>Рогова М.В.</i> Территориальная трансформация прибрежных поселений и их окрестностей	130
<i>Лепетюхина Я.О., Нерода М.А.</i> Жилищное товарищество Uferwerk, или Реализация социальной утопии	141
<i>Смирнова А.А.</i> Свет, вода и детские площадки: проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории.	151

Интервью с исследователем

<i>Лисичкин Г.С., Пугачева М.Г., Ярмолук С.Ф.</i> «Я хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству».	159
---	-----

Рецензии

<i>Троцук И.В.</i> Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения	175
<i>Бабашкин В.В.</i> Уроки Кулунды	195

Научная жизнь

<i>Полецук И.К.</i> Инновационное развитие в России: Agriculture 4.0.	204
--	-----

Russian peasant studies

Vol. 5. 2020. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

Chayanov A. V. Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 2) 6

HISTORY

Merl S. Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present:

Successes and failures in the international comparative perspective 56

Gordeeva I.A. “Small deeds” in the Russian communitarian movement 88

THE PRESENT TIME

Gusakov T.Yu. Rural Crimea and its agroholdings 106

Rogova M.V. Territorial transformation of coastal settlements

and their neighborhood 130

Lepetyukhina Yf.O., Neroda M.A. Uferwerk partnership, or Implementation
of social utopia 141

Smirnova A.A. Light, water and playgrounds: Local initiatives
in the Tver Region as reflecting the territorial challenges 151

INTERVIEWS

Lisichkin G.S., Pugacheva M.G., Yarmolyuk S.F. “I wanted to draw
the society’s attention to agriculture” 159

REVIEWS

Trotsuk I.V. The social-economic meaning of culture: Conceptual
and methodological findings of an imperfect observation. 175

Babashkin V.V. Lessons of Kulunda 195

SCIENTIFIC LIFE

Poleshchuk I.K. Innovative development in Russia: Agriculture 4.0 204

Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 2)¹

A.V. Chayanov

Moscow: Moscow Publishing Partnership on Agricultural Economy and Policy, 1918

Publication: *Alexander M. Nikulin*, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Translation: *Irina V. Trotsuk*, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

The second part of Chayanov's book *Main Ideas and Methods of Social Agronomy* consists of chapters presenting the specific features of the Russian social-agronomic work among the peasantry. In the first chapters (published in the previous issue of the *Russian Peasant Studies*), Chayanov focused on the strategic and worldview aspects of social agronomy; in the second part, he analyzes tactical directions of social-agronomic work: methods of oral, social-agronomic propaganda; conversations, lectures, courses and agronomic consulting; agricultural exhibitions, demonstration plots, model farms and peasant excursions; agricultural warehouses, rental points and grain-cleaning stations; organizational work of the agronomist; social agronomy and cooperation; the equipment of the agronomic station; registration and evaluation of social-agronomic activities. In all these chapters, Chayanov shows how creative the work of the social agronomist should be, how many diverse and unexpected challenges he faces when interacting with peasant communities, audiences and households. The interaction of social agronomy with another influential institution — agricultural cooperation — is of particular interest. Chayanov analyzes in detail the contradictions and distinctions in the work of agronomists and cooperators, in their common tasks of developing and improving the peasant life. Despite the fact that the book was published a hundred years ago, it is not only of historical interest but presents many valuable answers and practical recommendations for the contemporary agricultural consulting and rural development activists.

Key words: social agronomy, peasants, agricultural education, agrarian reform, agricultural cooperation

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-6-55

-
1. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project "The school of A. V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage."

The main weapon of the social agronomist is his words. Live speech is the most important means of changing minds and the only way for extensive social work. The social agronomist spends most of his time on oral, pedagogical work — talking with groups of peasants in taverns and teahouses — sometimes at peasant gatherings, cooperative meetings, or “meetings of the agricultural society”; giving lectures; and organizing training courses.

In his cultural, pedagogical work, the social agronomist is not alone — *zemstvo* organizers with education obtained out of school, political propagandists, and cooperative instructors work with him. Thousands of conversations and lectures, hundreds of peasant courses, people’s houses, libraries, cooperative meetings, and the Russian rural theater movement prove the pedagogical significance of the current period in the history of the Russian peasantry. Our village was never under such a powerful, educational influence. Certainly, its success will depend mainly on how well its actors are trained for their pedagogical work.

The majority of today’s workers — agronomists, lawyers, natural scientists, economists, and philologists — have no theoretical training in pedagogy. Therefore, when taking up the task of mass pedagogical work, they are forced to find its methods with great difficulty, by trial and error. The lack of special training dooms them to making unacceptable mistakes, about which we constantly hear. They often take several years to discover the pedagogical Americas that were already known in the days of Jan Amos Komenský. Thus, we have to include the huge pedagogical experience of humankind in the training of future cultural workers of the village.

Someone might object that the lecturer’s work is a part art, and that no science can make someone a good lecturer. We agree but still argue that if science cannot make someone a lecturer, it can help him to become a lecturer. If someone is to become an educator, knowledge of the organized experiences of humans would certainly help his work. Knowledge of the key features of the object of pedagogical work, of the methods to influence his mind, memory, and will according to his mental abilities, of the techniques of such influence — these are the necessary weapons of every agronomist, cooperative organizer, and lecturer.

The need for such training has long been known and recognized. We do not see it in real life primarily because of a lack of relevant works. Most theoretical teachers focus on teaching methods for children and youth rather than on the out-of-school methods for uncultured adults. In the Tula or Yaroslavl Provinces, the psychology of a forty-year-old peasant as an object of pedagogical influence is significantly different from a seven-year-old, American schoolboy. There-

fore, pedagogical techniques successfully applied to the latter do not guarantee success when applied to the former. Thus, in addition to already collected, and systematized, pedagogical experiences, it is necessary to conduct a special study of our object and use the still unsystematized experience accumulated by the work of agronomists, cooperation instructors, and lecturers of people's universities.

Certainly, this book does not aim to fill the above-mentioned gap in pedagogical work but rather sets a more modest task — to outline in the most general terms those pedagogical issues, which every lecturer faces when speaking to people and about which the author of this book and his colleagues in the cooperative and agronomic work have repeatedly thought.

The first of these issues is the task of the lecturer in speaking to people. The assessment of the methods and results of his work is possible only if we know its goals and only in terms of their achievement. There are four groups of the numerous tasks of the people's lecturer: first, to provide the audience with new ideas and, thus, to broaden its worldview. In many of the darkest corners of our homeland, this task is the most important. For instance, the cultural workers of the Volyn Province visited villages in which the whole world of the peasants was limited to a radius of five *versts* (1.06 km). In the regions of commercial seasonal work, this radius is larger, but the peasant's worldview is still very constricted. In such circumstances, the lecturer has to enrich the peasant's worldview not only with new representations related to his course — separators, chemical analysis, artificial fertilizers, consumer shops, secretaries, accounting books, etc. — but also with many general cultural, geographical, and natural-historical representations.

The second task of the lecturer, which is much more complex, is to explain new concepts and systematize the old ones for the peasant audience. The first part of this task — the presentation of the concepts still unknown in the village (cooperation, production credit, Raiffeisen principles, chemical processes, and elements, etc.) — is very complex. Nevertheless, it does not face the obstacles of the second part of the task, which is the rational organization of the traditional concepts.

The peasant's thinking is empirical in nature, a common example of which is folk omens, such as “red sunset means windy tomorrow”, “on St. George's Day take your cattle to pasture”, etc. The peasant's mind mechanically connects two representations or concepts as constantly related without rationalizing or explaining their relationship, and uses it as an empirically established law. In the same way, there is a historically established, empirical relationship of some concepts that make up the peasant worldview — “women are long of hair and short of brains”, “it's a sin to plow on a Holy Day”, etc. Different peasant representations and concepts are connected by the elementary empirical relationships-statements. The entire, centuries-old life of a peasant consists of everyday skills and a rigid col-

lection of disconnected statements that lack flexibility and cannot be logically systematized.

The people's lecturers have the honorary task of rationalizing this experience, making it flexible and changeable, and transferring the peasant from the path of empirical thinking to the path of logical thinking. In other words, the lecturer is to radically change the entire organization of peasant thinking by replacing everyday experience with logical reasoning.

These two key tasks are not the most important ones. Informing the peasant audience about new ideas and concepts and systematizing the centuries-old, peasant experience allow the peasants to stay completely passive. However, if we seek the revival of the Russian village, the most valuable path for the peasant audience is the active and deedful perception of the foundations of the new culture. We have to raise a number of urgent pressing questions and draw the attention and will of our listeners to them.

Moreover, these questions should not be rhetorical, should not be determined by the construction of our lecture, but should be clear for our listeners. These questions should interest the listener; in his soul, there should be a persistent thought — "How can we really solve this question?" Without such a thought in the listener's soul, our lecture loses two-thirds of its meaning, because our main task is not to inform the population of as many new ideas and facts as possible, but to wake up the initiative of the population and direct it to the right path.

It would be a miserable utopia to think that the reform of the Russian economic and cultural foundations can be implemented by creating recipes and by having agronomists or cooperative instructors instruct all peasant economies individually. We play the role of the fermentation enzyme that sets in motion powerful spontaneous forces. Only the self-active peasantry can implement the economic reforms that we dream about.

This ultimate goal of our work determines the fourth task of our lecturer — to give his audience an emotional impetus, to share with his audience the social energy inherent in the powerful stream of the Russian revival. Without such an emotional impulse, our lectures are just curious stories about how the German peasant sowed clover or how profitably the Danish peasants sold eggs in cooperation, but such lectures would lack the necessary feature of the social progress engine.

Thus, the lecturer of the people's audience faces four groups of tasks: 1) to broaden the listeners' horizon of thinking and enrich it with new ideas; 2) to create a series of new concepts in the minds of listeners and organize all their empirical experience; 3) to pose a number of questions to the audience; and 4) to give listeners an emotional impulse to awaken their initiative.

When starting to achieve these tasks, the thoughtful lecturer has to think about an issue that requires very careful consideration. In

addition to the concepts from the peasant worldview and experience, upon which we can build our lectures, there are many concepts and ideas that contradict contemporary science and ethics — for instance, the well-known idea of the chariot of Elijah-the-Prophet as the generator of heavenly thunder. Should we fight these false concepts and try to erase them from the peasant consciousness, or should we accept the amorphous and fragmented nature of such outlooks and ignore those false ideas when developing a scientific worldview in the peasant mind? The latter is the only acceptable path for the lecturer. If he starts a debate about the centuries-old images and concepts, he often does not have enough authority to refute them, but, in the attempt, he revives these false images and ideas in the listener's mind. Moreover, we cannot answer the straightforward question: does a drill-seeder or the chariot of Elijah-the-Prophet rumble in the thunderclouds?

It seems that the task of the Russian revival is to enrich the peasant thinking with a contemporary, scientific worldview without breaking the centuries-old epic: in the practical world, the chariot of Elijah-the-Prophet must give way to the electric charge, but outside the practical life, it should become a legend and take a place of honor in peasant everyday life.

When identifying how to solve the above-set tasks, we first have to consider the object of our influence — the peasant audience — in a pedagogical perspective, because its nature and features are the starting point for developing our training courses. People's lectures should be based on the ideas and concepts of the listener. When starting his course, every lecturer should mobilize all elements of the peasant experience that he needs and use them as a basis for new ideas and representations. If the lecturer forgets this basic rule, he risks losing firm ground and speaking incomprehensibly to his audience.

However, despite the fact that all the above has long been recognized by all representatives of out-of-school education, there is still no detailed analysis of the adult-peasant audience as a pedagogical object. Nevertheless, it is obvious, that this audience is fundamentally different from both children and students. In many ways, the soul of a child is a blank sheet for the teacher. It has few representations and almost no concepts or general ideas, which allows the teacher to choose the circle of representations and ideas that will become the content of this young soul and set the sequence of their perception. In other words, the teacher is free in his pedagogical plans.

The situation is different when the educator meets an already grown adult. He has limited freedom, and, in his pedagogical work, he should proceed from his student's type of thinking. In one of his conversations with agronomic students, V.A. Kilchevsky compared student and peasant audiences and identified their difference. He concluded that the student audience is exceptionally full of general ideas and concepts and, to the same extent, lacks specific representations,

whereas the peasant audience, on the contrary, is full of practical ideas and has almost no abstract concepts.

Such a difference determined two completely different pedagogical tasks for these one-sided worldviews with different types of one-sidedness. According to one of the greatest thinkers of the 19th century, “Thoughts *without* content are *empty*; intuitions *without* concepts are *blind*.” These words describe the difference in our pedagogical tasks: in one case, we have to help the blind to see; in the other case, we have to fill the emptiness of abstract representations with specific content.

It would be strange for the lecturer to a peasant audience to develop his course as a series of syllogisms based on some general idea absent in the minds of his listeners. Certainly, the more relevant way for argumentation would be an analysis of specific examples and a purely inductive approach to the general idea.

Besides the above-mentioned features of the peasant audience common to all its listeners, we should take into account its typical diversity. This is not a student audience made homogenous by monotonous preparation of the secondary school and by selection procedures of the higher education; this is not a children’s audience homogenous due to the lack of life experience. This is an audience that consists of both old peasants hardened by the three-field agricultural life, foster-children of the *zemstvo* school, and experienced city industrialists, literate and illiterate, who either read newspapers every day or never read a line, etc. It is impossible to identify an “average listener” to whom to adapt your presentation, because this audience consists of separate groups that differ by readiness to listen to your words.

The experienced lecturer takes this fact into account and acts differently depending on his goals. When the task is wide, mass propaganda, he focuses on the least prepared group and either bores the more informed and well-read listeners or carries them away with an interesting form of presentation. When the course focuses on a few trained workers, the lecturer ignores the least prepared groups. Many lecturers develop their courses for all groups — repeat each section of the program twice or thrice with varying degrees of popularity and completeness; if the lecturer is experienced and talented, this method gives good results. However, we recommend, whenever possible, to divide listeners into groups according to their level of knowledge and training and to give lectures to each group separately.

In general terms, these are our tasks and the object of our influence. What pedagogical techniques should we use to enrich this object with ideas, concepts, and representations that make up the content of our courses? Certainly, pedagogy does not provide us with any universal method of giving lectures. The individuality of the lecturer, the nature of the data presented, the task of the lecturer, and, fi-

nally, the type of audience determine the choices and changes of pedagogical techniques.

Therefore, when studying how to present different issues, first we have to abandon the idea of finding a universal recipe and limit our task to the critical consideration of the existing methods for organizing courses. The most famous among them is Herbart's scheme — “formal steps in teaching”: 1) preparation, 2) presentation, 3) association, 4) generalization, and 5) application.

As a first step — preparation — the lecturer reminds the audience about already known facts, he mobilizes the listeners' experience, which he needs, and connects this experience with his presentation, i.e., he prepares the basis for his lecture. The preparation step should be sufficient for the listener to remember the whole set of ideas and concepts necessary for understanding the further presentation. This step should not be too long so as not to tire the listener nor waste a significant part of his attention necessary for further and more important sections of the course. The American psychologist-educator Dewey compared the audience's holding up the process for a long time at the preparation step with a jumper who takes such a long run that he can hardly jump over the hurdle.

At the second step — presentation — our task is to enrich the audience's experience with new ideas and data. We have to be extremely choosy and economical when selecting them so as not to overload our lecture with unnecessary content, which is, unfortunately, very typical for beginning lecturers. Human memory, attention, and perceptive ability are very limited, and their overload rusts and hinders the understanding of ideas and data. For instance, lecturers make a huge mistake when they press the semester course on soil science at the Petrovsky Agricultural Academy into a two-hour peasant lecture. The amount of information presented should be both necessary and sufficient; unfortunately, only the lecturer's personal experience can provide him with a sense of proportion in giving lectures.

At the third step — association — we systematize information, compare it with the previous experience and eliminate particularities of the examples considered. This gradually leads to the fourth step — generalization of the new and old experiences of the audience and recognition of some new concepts. Thus, according to Herbart, in the first part of the scheme, the lecturer first approaches the solution of two tasks set in the introduction in a purely inductive way. Having enriched the minds of his listeners with new concepts, the lecturer has to fix them and make them effective elements of peasant thinking, which is achieved by relating them to the rest of the peasant world and by describing their application in some cases. The fifth step — application — is purely deductive in nature and completes the scheme of “formal steps in teaching”.

Thus, the full scheme of “formal steps in teaching” is mainly inductive: the lecturer mobilizes his experience and accepts some new

ideas; then he generalizes this systematized and concentrated information to identify the necessary concepts and generalized conclusions. There can be (and it is often used) a completely opposite, purely deductive type of the course. At the preparation step, the lecturer reminds the audience of some general concepts and ideas, then, by a series of reasoning, he puts them into a desired form and makes some deductive conclusions that make up the subject of his course.

Two examples will be enough to prove the difference. For instance, when developing a general course on cooperation, the inductive method of presentation allows the identification of needs and hopes of the peasant economy. Then a description of the types of cooperatives, their work, and benefits of cooperation illustrates all the above with specific examples. To compare cooperative institutions with capitalist enterprises, identify the Raiffeisen and Rochdale principles and conclude by the main cooperative ideas, tasks of cooperation, its significance for social life, and its future.

This course could be organized in a completely different way based on the deductive method of presentation. First, we have to remind the listeners about ideas of solidarity, mutual assistance, and community by appealing to their knowledge and life experience, and explain the role of these ideas in different aspects of social life and in the peasant economic life. Then we should describe the benefits of mutual assistance and joint efforts in various areas of the economy together with the specific types of cooperatives. Their organizational foundations (Rochdale and Raiffeisen principles) should be deduced from the requirements of the basic ideas of solidarity and equality. We should conclude by presenting some examples of the meaning of cooperatives for meeting the needs of the peasant economy.

Another example is teaching cooperative bookkeeping. With the deductive method, the lecturer presents the ideas of economic accounting to emphasize their importance for cooperation and to explain the basics of double accounting and its features determined by the cooperative requirements. Then, to prove all the above, the lecturer explains that it is based on the analysis of the main book of accounting and its balance. This should be followed by a description of auxiliary books and, finally, by an explanation of separate notes on the phenomena under study.

The course based on the inductive method of presentation is organized differently. First, the lecturer considers some economic operations of the cooperative, identifies their key features that require registration and describes the auxiliary books needed for it. After making sure that the listeners have learned the nature and method of preparing auxiliary books, the lecturer copies all records to the main book to check the balance and calculate profitability. When analyzing the already studied data, he explains the accounting system under consideration, compares it with other systems, and concludes by

emphasizing the importance of proper accounting and the very idea of accounting in economic life.

When comparing both methods as applied to the peasant audience, we give preference to the inductive method of presentation. This is because, according to the deductive method, the lecturer starts from general concepts and ideas, which are often missing in the minds of his listeners. Moreover, peasant thinking is traditionally very specific; therefore, it very slowly perceives logical reasoning and lags behind the course of deductions of the intelligent lecturer who is used to quick logical thinking gained in his profession and training.

Peasants lack a habit of logical reasoning and abstract ideas. This has been determined by the general rule that the peasant audience follows more easily the lecturer who proceeds from representations to concepts rather than from concepts to representations. Therefore, we prefer the inductive method for the peasant audience, whereas the widespread use of deductive representations for the more highly educated audience is absolutely right and saves much time.

Critics of both methods argue that they require tremendous and active listeners' attention for they do not provide any incentive for attention or interest in the subject. For the peasant audience, this critical remark is of particular importance. When the peasant not used to mental work listens to a long presentation, comparison, and generalization or deductive construction of the general ideas, he often does not understand the logic of the presentation, becomes distracted, and turns a deaf ear to many important points of the "concentrated information".

Once I visited a lecture organized according to Herbart's full scheme: after the practical conclusion of the lecturer ("application"), the listeners demanded that he repeat the middle part of the lecture for they had not listened to it at all and did not understand its meaning, but, at the end of the lecture, they realized how important the middle part was. The critics suggest to change the logical structure of the presentation according to its aims, i.e., to begin with a clear and accurate explanation of its practical meaning and tasks, to continue with a list of issues that will be considered, and, having drawn the attention of the audience, to proceed to the gradual solution of the tasks. Certainly, the solution of the tasks can be both inductive and deductive.

In addition to the above-mentioned logical types of the course's program, lecturers often choose other types of presentation which are based not on the logical development of discussion but on other forms of connecting different aspects of the training program. One of the typical examples is a very common historical presentation, i.e., the presentation of scientific knowledge as a description of the history of science. For instance, according to one basic, biological law, individual development reproduces the development of the whole species in all its phases. Proponents of the historical method apply this

law to spiritual development and argue that for every person the easiest way to learn contemporary, scientific knowledge is to study it in the exact sequence of its historical development.

The detailed reconstruction of the history of science for presenting its foundations is often used in higher education for courses in philosophy, the natural sciences, and other disciplines, because this method has obvious advantages. It contributes to the understanding of concepts by analyzing their origins in a specific historical period, which facilitates the further use of these concepts. On the other hand, by the logical analysis of every era of scientific data and findings, the lecturer repeatedly considers the same subjects and deepens their analysis, thus, taking full advantage of the concentric teaching method.

We can recommend this method for the peasant cooperative courses too, although its meaning for a peasant audience is somewhat different from a student audience. In peasant courses, a general course on cooperation can have the following program: the beginnings of cooperation among people and animals; cooperative initiatives before the early 19th century; a history of Rochdale pioneers; development of cooperation in England; Raiffeisen and Schulze-Delitzsch; a history of cooperation in Germany; unions of cooperators in Western Europe; the power of the contemporary cooperative movement in Russia. Such a method of presentation broadens peasant horizons with new, historical and geographical representations, and lectures take the form of a curious and interesting story.

For the lecturer, such a program implies a chronological sequence of presentation, and the narrative form of lectures means less stress than logical proofs and the above-mentioned types of presentation. However, the lecturer must remember that his task is still to describe the foundations of the cooperative movement with the historical method of presentation rather than to inform his listeners about the historical development of the contemporary cooperative movement. Therefore, the lecturer should not overload his course with historical details and comparisons unnecessary for understanding the basic principles of the cooperative movement. Another limitation of the historical method is its weakness in organizing the peasant experience and in teaching logical thinking to the peasant audience.

All the above-mentioned teaching methods are based on a positive presentation of the subject, i.e., on describing and assessing its inherent features. An opposite method presents the subject by identifying its differences from other important subjects. "B is not A due to the following difference, but B is not C due to the following difference." In a general course on cooperation, this method would determine the following program: the differences between cooperative and forced unions (state and local government); the differences between the cooperative as a union of economically-individual members and the communist community; the differences of the cooperative

from other freely organized economic unions, such as partnerships on shares, joint-stock companies, etc.

This method of presentation sorts the necessary concepts by their selection and division into parts. If there is skillful practical implementation, this method ensures great clarity and understandability of the concepts presented to the listeners. However, we would not recommend this method to the beginning lecturer, because, in a boring presentation, the statement “B is not A” can lose the part “not”, which would make it “B is A” in the perception and memory of the listener.

I remember from my childhood a book *Demonstrative Inconsistencies* that showed a cow at the top of a spruce, a man cutting down the branch on which he is sitting, a water-carrier with two sieves on a rocker, and so on. I do not know the benefits of this book for other children, but for many years I could not get rid of false associations that unconsciously became a part of my memory. The same can happen with listeners to a course based on the negative method (denial).

These are five types of presentation designed for the conscious perception of the subject. However, the consciousness of perception cannot be considered a necessary part of teaching. Pedagogical practice has methods for the purely mechanical introduction of concepts and ideas into the mind of listeners. A direct statement made with sufficient conviction and repeated many times often achieves greater results than a complex system of arguments and evidence.

It is believed that Napoleon said, “Repetition is the best evidence”, which is fairly true, especially for an audience that is empirically minded and unable to think logically. This method is the basis of many demagogical tricks and of the power of short political slogans; thus, it would be a mistake for the lecturer not to use such a powerful pedagogical weapon for the people’s audience. Such a dogmatic method of presentation is especially relevant for the first stages of cooperative propaganda. However, the principle of repetition can and should be applied within all methods of presentation, and it is the basis of the most advanced “concentric teaching method”. Its main idea is that when the lecturer starts the presentation of the subject, he first describes it in the most general terms and then presents it again in more detail. Finally, having prepared listeners with two presentations and having introduced into their minds some very important concepts, the lecturer proceeds to the last detailed presentation.

A gradual presentation, repetition, and diversity of the analysis allow the concentric teaching method to ensure the most profound and conscious perception. At the final step, the audience is well prepared and understands the relative importance of each part of the course. In 1913, at the old-believers’ agricultural courses at the Rogozhsky cemetery, I tried to organize my general course on cooperation on the basis of the concentric method by arranging the course in the following three stages: 1) a general presentation of the foundations of cooper-

ation by the inductive method; 2) a more detailed presentation of the basic principles of the cooperative movement by the historical method; and 3) a detailed description of the organizational forms of various types of cooperation by the deductive method. The most important issue in organizing a course on the basis of the concentric method is a different presentation or grouping of the data at each stage, because simple repetition of the already presented information, albeit in an expanded form, would be extremely boring for the audience and would significantly reduce its attention.

These are the most important types of lecture programs. The description of the concentric method shows that it allows a mixed type of presentation: the lecturer divides the course into sections and presents each by the most relevant method. However, regardless of the method chosen for the program, this very choice constitutes only the first preparatory part of work: having developed a logical program, we should still think about forms of its pedagogical implementation.

The development of the program depends not only on lectures but also on the lecturer's knowledge and skills. He has to select data according to the program, sort them, systematize them, arrange them in the required sequence and choose the form of their oral presentation. It is not enough to structure the lecture; it has to be staged perfectly. The latter circumstance is especially important, because the logical structure does not exhaust the possibilities of the lecturer. When he mounts the rostrum, the lecturer has to remember that his audience is not a mechanical perceiving apparatus; it is something alive and constantly changing. Moreover, the audience's attention is very fragile and quickly wanes. At the beginning of the lecture, it is completely different from at its end; therefore, the lecturer should monitor the state of attention, refresh it, and arrange his presentation according to the expected changes in the audience's attention.

Also, the lecturer should remember that the speed of his speech often exceeds the speed of the people's audience perception, and that the audience's perception ability can be accelerated and deepened by including visual illustrations or special techniques of verbal presentation in the oral lecture. If the lecturer takes into account all these psychological aspects, he can use some techniques to quadruple his pedagogical impact.

We have already mentioned the meaning of repetition — one of the most favorite and developed techniques of oratorical eloquence. In addition to the simple repetition of word-for-word or repetition of the same phrase, which are important for the lecturer, there is also another very common type of repetition: after introducing an idea, the lecturer repeats it in a slightly different combination of words, representations, and concepts. Such a masked repetition does not annoy the audience, it enhances perception and plays for time of the subject perception, which is especially important for the peasant audience;

therefore, this type of repetition is one of the favorite techniques of the spiritual eloquence that prevails in the people's audience.

One of the most skillful forms of this technique is a quotation that strengthens an idea by the authority of the cited author. Another type of the technique is repetition of what was just said written in chalk on the blackboard — final conclusions, names of the authors cited, historical names, dates, or some numbers.

Analogy is also a form of this technique, and it often affects the people's audience more effectively than any logical proof. It is much easier for the peasant whose thinking is not flexible and who is not used to logical reasoning, to identify the issue under consideration as related to some other issue, with similar elements that have already been solved by ordinary everyday skills, than to develop long argumentation. In general, logical evidence plays a completely different role for the peasant audience than for higher education and literature. With peasants, one has to be extremely economical so as not to overload the lecture, because the number and exhaustive completeness of the argument are less important than its strength. Therefore, the lecturer should choose two or three most convincing arguments that would be better preserved in the peasant memory than ten or twenty arguments of equal value but more boring for the audience.

It goes without saying that the sequence of arguments should ensure the constant increase in the power of argumentation; therefore, it is of no use to present weaker arguments after the stronger ones. Despite the desirability of saving arguments, their duration should be sufficient for the peasant audience to perceive them, i.e., being very convincing but too short in argumentation can be missed by the slowly perceiving peasant mind. Moreover, for the peasant audience, the power of evidence depends mainly on the emotional side of the lecture. Thus, the people's lecturer should appeal not only to the minds but also to the hearts of his listeners.

This is especially important for the cooperative lecturer. By calling for cooperation and emphasizing its necessity and usefulness, the lecturer has to enrich his audience with the powerful social energy inherent in the cooperative movement. In the souls of his listeners he has to light sparks of the great flame of the creative social activity that can lead to the revival of the Russian countryside.

However, we should always remember a sense of proportion to avoid excessive pathos and blatancy, for true pathos is a great movement of the soul, which cannot be falsified. If there is no great emotional uplift in the lecturer's soul or if he tries to imitate it, we will have only a loud lecture instead of the emotional stress of the entire audience.

Finally, we have to consider the visual staging of lectures, or, simply put, the use of visual aids by lecturers. There are many misconceptions about visual aids, so we have to somewhat annoyingly and constantly repeat that visualization of teaching is not only posters,

pictures, and other manuals but different pedagogical means for enhancing understanding and aural perception by parallel perception by other senses. Therefore, the use of visual aids should correspond to the method of presentation chosen by the lecturer for the specific audience. For schoolchildren, we use one group of visual teaching methods; in the peasant classroom, another group; in higher education institutions, a quite different group.

Pedagogy distinguishes three forms of visualization. First, natural visualization — when the teacher considers the subject and demonstrates it to the audience: the botanist illustrates his lecture with live plants, the physicist shows experiments, the geologist makes tours with his students to study the exposed surface, etc. Second, artificial visualization — when for demonstration the teacher does not use the subject but its picture, model, scheme, etc. There are different levels of schematization: in some cases, we present all details of the subject in its picture; in other cases, we emphasize only the most important aspects and omit all insignificant details. The third type of visualization is when the lecturer illustrates his presentation not with some visual aids but by recalling from the listeners' memory their well-known images and ideas.

All three types of visualization should be used strictly according to the type of audience. The more illiterate and less prepared for abstract thinking, the closer to the naturalness the “visual aids” should be. The level of schematization can be increased only with the development of the audience's abstract thinking to enhance the impact of what is said. The ability to choose visual aids according to the type of the audience is the essence of visual presentation.

Besides these general recommendations, visual aids should be relevant for some particular tasks. Let us set aside all other visual aids and consider in more detail the theoretical foundations of the composition and use of wall paintings or posters. This type of visual aids can be divided into four groups with special tasks and, accordingly, with special requirements. The first group consists of lecture pictures and tables, i.e., graphic images that are accompanied by verbal presentation and illustrate the lecture. This group of visual aids needs no printed text. The second group consists of traditional posters, i.e., visual aids that aim to influence the audience with a purely visual image accompanied by a concisely-styled text. The third group consists of leaflets and posters that try to affect the audience by their text. Verbal presentation is partly illustrated by drawings or paintings, i.e., leaflets that are a kind of a popular brochure unfolded on the wall, and there can be no illustrations. Finally, the fourth group stands somewhat apart from the ones mentioned above and consists of different wall reference tables, such as percent tables, tables for calculating the fat content of milk, etc.

This classification proves that the tasks of each group of visual aids are extremely different; posters from one group can rarely achieve the

goals of the other group, which determines different assessment criteria for each group according to its specific tasks. In the first group, the picture does not have a self-sufficient value; both in its content and image it is determined by the lecture it illustrates, and it cannot be considered separately from the lecture. Thus, the emphasis is on the living word, and we are to consider the meaning of the lecture table only together with other visual aids used by the lecturer.

Let us set aside the demonstration of objects in kind and their simplified models due only to their significant size and focus on ordinary poster images: screen, projection lamp, picture-table, and schematic drawings by the lecturer on the board. From this list, the most powerful and vivid impression would be made by the vague picture; however, it has a number of shortcomings, the most obvious of which is its extreme transience. As a rule, the lecturer familiar with his illustrations quickly recalls the image on the screen and proceeds to the next after a few explanations. However, the listener sees the picture on the screen for the first time and needs more time to consider it carefully before proceeding to its analysis. Yet, at this very moment the lecturer finishes his explanations and removes the picture from the screen; the same happens to the second, third, and fourth picture. Thus, the attention of the listener is divided between an almost impossible perception of visual images and attempts to follow the words of the lecturer, which leaves only fragmentary representations in the audience's memory.

To avoid this, the lecturer who uses vague pictures must keep each of them on the screen for at least three minutes to spend some time on a brief description of the picture. Only after making sure that the audience has perceived the picture, should he proceed to its analysis. The perception is more complete with the table-picture that the audience can see before the lecture, during it, during the break, and after the lecture, because every listener can consider the picture several times. Therefore, it is necessary to illustrate the most important ideas of the presentation with lecture-pictures or, even better, to duplicate them on the screen.

The power of the light image is greater compared to the printed table, and it increases with naturalness (natural visualization), whereas its advantages are negligible for abstract schemes. Another disadvantage of the light image is the impossibility for parallel, simultaneous consideration and comparison of several images, which is possible with wall paintings. Finally, in the dark, the ordinary projection lights do not allow listeners to copy pictures, which has great pedagogical value.

Wall tables have such disadvantages as low brightness and lack of necessary materials on the market, which limits the choice and forces the lecturer to make this kind of visual aid himself. In most cases, the latter circumstance limits the variety of wall tables to schemes, diagrams, and cartograms. Here the light image is not superior to the

wall lecture-table, and it mainly competes with the schematic drawing of the lecturer on the blackboard.

Hand drawing in chalk (provided the lecturer is skillful) has a number of advantages: 1) it appears in a certain sequence that often corresponds to the line of reasoning, which facilitates its understanding; 2) drawing takes time and, thus, ensures the duration of perception; 3) the low speed of drawing in chalk provides enough time for copying in pencil. However, these advantages are valuable only if there are few such drawings, they are quite simple, and do not require much time; otherwise the lecturer's drawing would minimize the narrative part of the lecture and extremely tire the audience. Therefore, the experienced lecturer uses drawing only for the most important parts of the lecture and demonstrates the prepared-in-advance tables or light images for all other parts.

The same applies to the numeric content of lectures. Only those indicators for which absolute value is of great importance and a few most important numeric comparisons that should be copied by the audience should be written on the board. All the rest should be demonstrated with the prepared-in-advance tables, diagrams, and cartograms.

This combination of demonstration methods gives the best result.

To conclude our essay on the lecture visual aids, we have to warn their developers against overloading images with excessive content. If possible, they should divide their content into elementary components and provide each with a special image rather than distract or overload the listeners' attention by combining many illustrations in one drawing.

Among other types of visual aids that are not related to the methods of presentation, we will now focus on the poster, for all lecturers use it in one form or another. The theory of the poster as a complex visual aid has not yet been developed. Unlike the lecture picture based on the living word, the poster is a separate entity and independently solves a number of pedagogical tasks. First, it has to attract the attention of a person passing-by. It must inform him of a number of facts (representations) in the most clear form, combine these facts into a system that constitutes a certain position, provide evidence for this position, and, finally, affect the viewer emotionally and awaken his activity related to the position. The author of the poster has to carefully select elements for the poster that would solve these very difficult tasks most successfully.

Our agronomic experience allows us to make a list of requirements for the poster. The first and main requirement is correct content ("scientific content"), which goes without saying. However, some posters, especially for a cooperative, often make us consider this requirement. Probably everyone knows the usual type of posters that shows "the peasant economy before and after grass cultivation", etc. As a rule, such posters present the peasant economy before the re-

form in gloomy colors, but after the reform in exaggerated rainbow hues. We have to question the admissibility of such a technique. Certainly, it correctly presents the trend of the reform, but the emphasis is exorbitantly exaggerated and often unlikely.

Does this technique follow the first requirement? We would say no, if such an exaggerated comparison has an independent meaning and prevails on the poster; we would certainly say yes, if such an exaggerated comparison has an auxiliary meaning, illustrates and visualizes the poster, and draws attention to it. Thus, the well-known cooperative poster, “Remember and Do not Forget” should be considered successful and correct, because its main idea is based on the tested statements that were just visualized by some vivid comparisons of “before and after”.

The second most important condition for the poster’s success is its relevant content. It is desirable that the poster vividly and clearly presents some position or idea, which the viewer remembers at first glance. The poster should not be overloaded with content, because any overload prevents understanding and deprives perception of brightness and integrity. Posters should be looked at rather than considered. Their authors make a huge mistake when, “in the interest of completeness”, they try to press the content of several book volumes into one poster. Such overloaded posters, for example, the well-known “World of Cooperation”, look like an entertaining rebus rather than a meaningful poster. On the other hand, posters with insufficient content look empty and pale. Thus, considerable pedagogical and artistic tact are needed to find the necessary content-richness.

The third requirement applies to the illustration of the poster content, i.e., to its composition, which should not have unnecessary details. All pictures should be styled to some extent. The most important ones should be put forward and emphasized, because otherwise the peasant attention not guided by the living word can focus on minor details and miss the most important ones. I know some agronomic posters that are good examples of violations of this rule. For instance, on the poster, there is a village in a beautiful landscape, surrounded by gardens and rich in livestock and implements. Among other things, the viewer sees two piles of bags near a hut, one of which is slightly larger than the other. Beneath the picture, there is a surprising explanation in small letters explaining that it presents the impact of early plowing on yields. Certainly, this example is extreme, but we can see similar mistakes on other posters, which seems inevitable for photographs. An extremely detailed and difficult to be styled, pale, and gray photographic image is necessary for books but absolutely unacceptable for posters and should give way to the artist’s colorful brush.

According to the fourth requirement, the poster as a piece of art has to follow all the rules for works of art. It should ensure the unity of artistic conception and composition, and the latter should inevitably lead the viewer to the main position presented in the poster’s

content. If the design demands a combination of images or inscriptions, the compositional unity can be achieved by ornaments, the example of which we see on the well-known poster, "Successes of the Peasant Economy and Cooperation".

The fifth requirement applies to poster statements that have to be laconic, dogmatic, and with no reasoning or extensive evidence. Social agronomists should take into account the decades-long experience of commercial advertising. A laconic phrase repeated many times and accompanied by a vivid visual image affects the consciousness more strongly and deeper than a detailed and long reasoning. Statements, such as "If shells, then only those of Katyk" or many times repeated words, such as "Shustov's cognac" are a more powerful weapon of mass psychological influence than one hundred pages of thought-out logical evidence. Residents of Moscow and other big cities felt the power of the systematic propaganda by posters that were perfectly designed to promote the war loan in 1916.

However, despite the wide experience of commercial advertising, we should not identify our tasks with those of advertisers. The designer of commercial advertising aims to introduce the name of the advertised product into the consciousness and memory of the general public regardless of the means necessary to achieve this goal. He claims that his product is the best in the world and would cure all diseases; he even promises a happy married life to those who would buy a dowry from him. However, the advertiser does not claim that people believe his words; moreover, he does not need to be taken seriously. It is enough that his advertisements attract attention, because commercial advertising aims at the semi-conscious introduction of ideas into the head of the average person.

The agronomist cannot use these tricks just as he cannot use falsification and short weights. If we use exaggerations, we inevitably make them decorated like legendary, cheap, popular prints. To attract attention and enhance impression we should not emphasize the content of the poster but use auxiliary means, such as bright colors, skillful images, and so on.

Finally, to conclude our long consideration of the poster, it is necessary to mention that its content and images should be relevant for the audience and location. For instance, posters for fences on the market square should differ in design and content from posters for the cooperative board office or peasant hut walls. Posters for peasants and cooperative members should be designed differently; posters for the initial propaganda have to differ from the fancy posters statements of the Moscow Union of Consumer Societies, with which the faithful cooperator decorates his shop like the orthodox Muslim decorates the mosque with pieces of fabric with the embroidered Surahs of the Koran.

These are a few generalizations that outline the path for the further development of a poster theory. We did not consider leaflets and

reference tables, because they are not directly related to the methods of presentation. Lecturers give them to listeners after the lecture for better memorization of the material.

The issue of keeping the content of courses in the consciousness and memory of listeners is quite new and interesting for out-of-school education. Practical methods such as testing conversations, questionnaires, distribution of notes, and popular literature have a too short history to make generalizations in this field. However, the issue is important and requires a comprehensive analysis.

To conclude our essay, let us consider the preparation of the lecturer for the oral presentation of his course. All of the above describe the preparation of materials for lectures, their arrangement and systematization, i.e., the work of the lecturer before the lecture. When the lecturer mounts the rostrum, he has to creatively transform the prepared material into the living word, which is a most subtle art. As in all other areas of spiritual creativity, it is inconceivable to make generalizations here, so we present only two general positions, probably subjective in nature. First, if the lecturer selects data and visual aids according to the theoretical structure of the future lecture, it would follow only the available material, which often makes the lecturer change his plan. Second, we would recommend that skillful speakers not prepare a text but a general plan and leave the rest to one's creativity when giving the lecture. The resulting narrative roughness would be more than covered by the freshness and brightness of direct creativity.

These are the first grains of experience in the study of presentation methods for the peasant audience.

Chapter 7. Conversations, lectures, courses, and agronomic consulting

In the previous chapter, we considered in detail the methods of oral, agronomic propaganda. The exceptional importance of this issue for every social-agronomic worker makes us also consider in detail the organizational forms of this type of agronomic activity. In the search for ways for ideas about agronomic progress to enter peasant thinking, we can identify four groups of factors that can influence the mind and will of every peasant: 1) words of the agronomist addressed to the peasant personally (all forms of oral and written influence of social agronomy on the mind, will, and imagination of the peasant); 2) words of peasant neighbors on issues of agronomic propaganda; 3) neighbors who have followed some advice of the agronomist; and 4) testing the agronomist's advice in one's own economy.

To ensure the success of agronomic propaganda, it is necessary to use all these factors and organize this propaganda in such a way that the words of the agronomist will affect as many peasants as possible

and that all peasants' neighbors will talk about issues promoted by social agronomy. Also that there will be peasant pioneers who will implement the promoted actions, and that the access to seeds, fertilizers, and implement rental will be facilitated.

The forms of oral propaganda practiced by agronomists usually take into account these tasks. Agronomists try to solve them by developing specific methods for each task.

The most extensive forms of the agronomic propaganda are chance conversations at rural peasant gatherings and episodic lectures. This form of propaganda is the most widespread, affects the largest number of peasants, and, thus, should be considered a weapon of the strongest impact on the general population. However, to make conversations and lectures a mass factor, it is absolutely necessary that they involve large groups and do not consist of separate speeches in the randomly selected settlements.

We have to create a network of lecture centers so that the entire population of the region will visit them without long trips. We have to make a lecture calendar so that the days and hours of conversations are convenient for the local population. It is necessary to advertise the scheduled lectures and discussions to gather as many listeners as possible. Topics and content of lectures should be coordinated with all other social-agronomic events. Lectures on advanced agricultural machinery should be supported by the work of rental offices, exhibitions, demonstrations of machinery in operation, and agricultural warehouses. Lectures on dairy farming should be supported by the organization of tugging offices, experimental feeding, young stock exhibitions, and dairy cooperatives.

Such a series of lectures and conversations can have a significant impact on the peasant mass consciousness. However, the nature of this impact is superficial. It only prepares the ground for more intensive methods of agronomic propaganda. Moreover, lectures should be given systematically and repeatedly.

The agronomist's words first heard by the peasant audience are not perceived by its majority. Only repetitions and long discussions can ensure that the words of the agronomic propaganda will affect the peasant consciousness. One of the first Russian agronomists, M.E. Shaternikov, described the mechanism of the peasant perception as follows: "The agronomist who came to the village for the first time to promote grass sowing is usually met with distrust and shouts of misunderstanding: "We in it, in this clover, not a bite understand." "*Barins* take care of the cattle, while we have nothing to eat," etc. The agronomist should not be confused by such misunderstanding, for it is quite natural. Listeners simply do not want to think; they deny everything strange and unfamiliar. The agronomist should continue to talk, study his audience carefully, and try to find one or two attentive listeners with a spark of interest in their eyes. After the conversation, they usually come to the lecturer; if they do not, he has

to find them to talk in more detail about grass cultivation to ensure their full understanding.

Having achieved this, the agronomist can leave and then return to the village in a week or two to meet a reborn audience — one without stupid denial, still with doubts and mistrust in the use of clover, but with more specific and practical questions: “Where do we make the fourth field, where can we get seeds, etc.” Such questions mean that there had been numerous debates and disputes between believers and deniers. That the questions concern the technical basis means that the agronomist will find necessary decisive arguments and specific solutions.

This is the power of propaganda among peasants as believing masters who often become fanatics of the agronomic progress. Therefore, the primary task of social agronomy is the formation of a group of such peasants-pioneers. Social agronomy strives to solve this task by organizing short agricultural courses for the most educated peasants. These courses are such a powerful tool of agronomic work that we have to consider their various forms in detail.

Practical work determines the basic types of peasant courses. Their most elementary form is a series of lectures given by different lecturers in some place for several days. This series is intended for a general audience of “everyone interested”. Despite its wider opportunities compared to separate lectures, this series is still systematic readings rather than courses.

The distinctive features of courses are the same audience, practical lessons, and a kind of individualized teaching. Courses vary in content, duration, and composition of listeners. There are general agricultural courses as an elementary encyclopedia of agriculture and special courses on different branches of agriculture; five-day, two-week and monthly courses — depending on the volume and detailing of the subject and content; courses for peasants in general, for book-keepers, cooperative partnerships, people’s teachers, etc. Each type of course has its peculiarities in both goals and organization, which are described in special literature.

If we want to turn listeners of the peasant courses into future pioneers of agricultural progress, we have to pay special attention to their selection. Some agronomic workers believe that the very desire to attend courses is a sufficient indicator of peasant development and culture. They use restrictions only if the number of applicants exceeds the possible number of listeners. Other agronomic workers consider this method of automatic selection too random and unable to guarantee the social effect of the course. They suggest that local agronomists choose and recruit listeners, or that local cooperatives make up the audience by sending listeners.

Pedagogy requires a homogenous audience for it is extremely difficult to have classes in which some students can barely read, but others have graduated from a four-year, specialized school. We need a

preliminary testing conversation to sort listeners. We also know of attempts to prepare untrained listeners for the courses by group classes or by distributing brochures. The total number of listeners is determined by the ability to organize practical classes for each of them. The number of 30-50 listeners is optimal.

Great skill and pedagogical instinct are required to develop the course program. As a rule, general peasant courses are too multidisciplinary and overloaded with content. Pedagogically inexperienced agronomists try to press the four-year program of the Petrovsky Agricultural Academy into a one-month peasant course.

In the previous chapter, we considered in detail the reasons for not overloading the presentation with content. We will not repeat those considerations and note only that we do not deny the value of general agricultural courses but believe that special courses are preferable in terms of social profitability. In any event, multidisciplinary courses, in which sciences and lecturers change with kaleidoscopic speed before the perplexed audience, are unacceptable. Courses for the special peasant type of thinking should be practical. They combine general ideas that teach the peasant audience about logical thinking with such data and advice that every listener can use in his economy when he returns home. The presentation should be based on local data, i.e., the lecturer should use facts about the local reality in his evidence, examples, illustrations, and statements, but this technique should not be overused. Certainly, facts from abroad and about both agricultural and cooperative life make the presentation more interesting and broaden the mental horizons of the audience. Still, the programs of lecturers should be coordinated to avoid repetitions and omissions in the hope that some other lecturer will fill the gap.

Practical classes are an indispensable part of the course. However, they should not aim to teach someone to do something or develop some professional skills. Their goal is more modest — to strengthen the perception, because the action can be perceived in two ways: by either imagining or implementing it. The latter is more vivid and, thus preferable for a specifically thinking audience.

Let us consider the organization of lecture staff. Despite the great advantages of relying on the local pedagogical staff, mainly the local agronomist as someone who knows the local conditions, a significant part of the lectures is given by outsiders, for no man is a prophet in his own land. New faces, even agronomists from the neighboring areas, give the course a touch of novelty and festivity, which greatly refreshes the impressions of the audience.

The internal organization of the course is not well developed. According to the educators, the classes should last no more than six hours and leave some time for reading tutorials, individual reflection, and conversations with other listeners. Only these conditions ensure the normal perception of the new information — without overloading the consciousness and with remembering all the perceived. A part

of the free time can be used for general cultural development — concerts, reading books, excursions to local churches or estates, if they have historical or artistic value, etc. This form of recreation is often as beneficial for listeners as lectures.

The course should end with an evaluation procedure, a kind of examination. Some lecturers consider it unnecessary and even harmful, because after the exam the listener expects a certificate, a kind of diploma, and after getting it seeks a better place. Such an outflow of educated people from the peasant economy is the main scourge of the courses, primarily special and long courses that really provide some kind of professional training. Thus, the main goal of courses — to educate pioneers about agricultural progress in the very thick of the peasant population — is destroyed by this outflow, and social agronomy has to resist it by a very careful selection of listeners.

The most important issue is not so much testing the listeners' knowledge as consolidating it, because the content of lectures and practical classes is often learned superficially and is lost when peasants return to their everyday life. The lecturers try to prevent this by providing the graduates with lecture notes and small collections of books. However, the main form of consolidating knowledge is a constant relationship of the agronomic organization with the graduates — lecturers' visits to their households, their involvement in cooperative work, sending agricultural journals them, etc. Only when this active connection with the local agronomic staff is provided, can the graduates play the role of the second and third factors mentioned at the beginning of this chapter.

Individual consulting is also desirable, especially when the graduates try to implement the advice of social agronomy. In general, individual consultation at the request of individual peasants is a feature of the developed stage of the agronomic work. This not when the agronomist comes to the peasant and tries to gain his confidence, but when the peasant comes to the agronomist on his own initiative. Agronomists of Belgium and some other European countries with old agronomic organizations pay particular attention to this form of work, which is usually stationary. Many come and often wait in line to get advice and instructions on specific issues of their economies. The agronomist waits for visitors in his specially designed office or on appointed days and hours in some another place, such as the premises of the local cooperative or a cafe.

Written consulting is usually more widespread. In some periods of agronomic work, the demand for consulting is so great and so valued by the population that in some western regions even private, social agronomists appear.

In addition to the already mentioned forms of oral propaganda, there are also various, local, agricultural meetings and congresses. By involving local cooperative figures and members of small, regional, agricultural societies, by asking them questions about the local,

agricultural life and encouraging them to consider such issues, social agronomy creates a local, public, agricultural opinion and involves wide peasant circles in the social life. Certainly, this gives a strong impetus to local self-organized activity, and the agronomic word falls into the most fertile soil at the local, peasant, agricultural meetings, the general meetings of local cooperatives, and the economic councils of the democratic *zemstvo*.

These are forms of the social-agronomic work, in which the agronomic “tale” plays a leading role. In the following chapters we will consider forms of agronomic “presentation”.

Chapter 8. Agricultural exhibitions, demonstration events, model farms, and peasant excursions

The impression made by our words and thoughts depends on the psychological state of people and on the importance for them of the issue. Quite often, useful and practical advice of the agronomist pronounced unconvincingly, boringly, and in an everyday situation does not affect the peasant’s thinking because he is still not used to assessing the benefits of the agronomic knowledge. Therefore, the workers of social agronomy decided to organize presentations in forms that would inevitably attract the attention of broad peasant masses, affect their imagination, and make an extremely significant impression.

One of such forms is a mobile, agricultural exhibition, which is always a significant event for the village, a kind of a holiday that attracts all the population. The active center of the mobile, agricultural exhibition is the living word supported by many visual aids. Usually, this exhibition consists of some agricultural machines promoted by social agronomy, which are shown to visitors in operation. They also include collections of fertilizers, weeds, seeds, models, and all kinds of agronomic and cooperative posters and pictures.

Because the main feature of such exhibitions is mobility, the set of its elements should be transportable and equipped with transportation means. If the exhibition moves by rail and makes stops at stations, it should have special carriages. However, usually such exhibitions move by dirt roads and transport their exhibits by ordinary cars. Practical experience has shown that such exhibitions need their own or at least permanent horses that will be used not only for transportation but also for demonstrating machinery. This is difficult to organize with horses hired by chance. We also know of attempts to make a special wagon-rostrum for the exhibition, but they were not successful.

After the material part of the exhibition has been organized and the program of lectures prepared, it is necessary to plan the route of the exhibition, provide it with premises, and advertise it widely. When planning the route, one has to take into account: 1) villages that have suitable lecture rooms and at the same time are the center

of gravity for surrounding settlements and 2) duration of trips and road conditions. All other things being equal, if there is no agronomic work in the area, the exhibition should visit those settlements in which agronomic stations will be opened. If there is some social-agronomic work in the area, the exhibition should visit those settlements that, for some reason, are poorly served by agronomists.

The population is informed about the exhibition by wall posters, leaflets given to schoolchildren for their parents, and other notification methods. In the village, the exhibition is located either on school premises or in people's houses, where it hangs posters and arranges its collections. Machines and implements are usually shown outdoors or under a canopy, if there is one. The exhibition house and all its premises are decorated with flags, flowers, and colorful fabrics, which makes the exhibition look festive and affects the imagination of visitors.

The exhibition usually spends four to five days in one village: one day to arrange the exhibits, two or three days for visitors, and one day to pack up.

Lecturers at the exhibition give two or three lectures-talks a day, and the rest of the time they spend at the exhibition by giving explanations to visitors and trying to meet people. The topics of lectures are usually very general — “needs of agriculture”, “grass seeding”, “dairy cattle”, “machinery”, etc.

The lecturers and the agronomist — the head of the exhibition — are local agronomists and invited persons. In addition to the lecture staff, the practice determined that it was necessary to include the special manager of the economic section and permanent workers.

Lectures and exhibits usually make a very strong impression on the peasants. The task of the permanent agronomic organization is to ensure that this impression remains along with the social ties with the local population established by the exhibition. The exhibition tries to deepen and consolidate the knowledge provided by distributing lecture notes and popular agronomic and cooperative literature.

It is interesting to add some local exhibits to the mobile exhibition: the results of local agronomic experiments, crop samples, livestock, etc. By strengthening the local part of the exhibition, we gradually move from mobile exhibitions to small, regional, agricultural exhibitions, which add to the exhibits presented by social agronomy for pedagogical purposes. These include a series of contests of local producers presenting their livestock, crop products, fruits and vegetables, handicraft products, etc. At small, regional, agricultural exhibitions, the exhibits of social agronomy can be presented more fully and in more detail than at mobile exhibitions, because the former do not face transportation obstacles.

Besides sets of machinery, seed collections, fertilizers, and posters, and graphs explaining the results of regional experimental fields, some exhibitions demonstrate different models of fireproof roofs and even ways to harden ravines. Items exhibited at the contest have the

owner's address and the explanatory notes of agronomists. The special export commission examines all exhibits and identifies the best, awards their owners with honorary diplomas, valuable gifts, and often cash. The results of this examination with explanations are announced and hung out for public display.

Competitions of bulls with their young stock and competitions of dairy cows require particularly careful organization to be successful.

Besides lectures, exhibitions should have group managers who explain the significance of exhibits to the visitors.

Small, regional exhibitions have a fourfold meaning. 1) As a part of lectures and explanations, they play the role of a huge visual aid that stimulates visitors' thinking. 2) They make the local population compare exhibits with each other and with the products of their economy; instructions of the export commission develop the population's ability to evaluate the results of farming. 3) Competitions at the exhibition lead to the economies' contests, thus, encouraging economic initiative and creativity. 4) Exhibitions allow the estimation of economic assets of the region, i.e., they are a very important educational tool of social agronomy.

The main task of small, regional exhibitions is to serve as the most convincing material proof of the advantages of new, agricultural implements over the old ones. This meaning of small, regional exhibitions is very important, although it is quite superficial and not always convincing. When the visitor sees huge pumpkins and cabbages, gorgeous bulls and calves, large and full-grain wheat, he does not know the economic conditions that made such results possible. Perhaps a bag of wheat was filled by selecting the best grain in the barn by hand, or a bull was brought from abroad, and other products cost the household a fortune.

Therefore, to increase the power of our argument and to make the advantages of improved methods of farming and cattle breeding obvious and convincing, we have to show not only the results achieved but also the process of their achievement, and not only on the experimental field but also in the peasant economy. This task can be solved by special demonstration plots on peasant fields and by demonstrations of feeding cattle in peasant stalls. Agronomists agree with some peasants on using a strip of land to demonstrate the use of chemical fertilizers, early plowing, etc. The allotted land is divided into plots with different conditions of cultivation or fertilizers. The demonstration of feeding of cattle includes selection of two animals of approximately the same weight and productivity, which are fed in different ways — in the ordinary peasant way and according to the requirements of rational agronomy. The results make the advantages of the improved technology obvious.

Some agronomists have tried to organize entire model economies, but they usually required large funding, which weakened their authority in the eyes of the peasants. Moreover, their small number had

less mass impact than numerous demonstration plots easily organized and scattered across the region.

The demonstration plot mainly affects the peasant on whose field it is located. When the peasant is convinced of the superiority of the improved technology, he becomes a pioneer of the agronomic progress.

Agronomists often try to make such plots experimental rather than used for demonstration, which is why a set of them is called a collective experiment. Such an experimental approach is necessary for regions with no old experimental institutions. However, the practice proved that the collective experiment on peasant fields cannot substitute for special experimental institutions; collective experiments are a good addition to the experimental field and can transfer results to the peasant economy. Therefore, the collective experiment should be conducted and studied by experimental workers rather than social agronomists in the narrow sense of the word.

Among demonstration activities, we should also mention rental points that provide peasants with trial agricultural machinery and implements for a small fee. We will consider such rental points in one of the following chapters.

These are forms of the social-agronomic demonstration that prove the advantages of new agricultural methods. These forms also include peasant excursions to experimental fields and other agronomic institutions, to the regions of rational agriculture, and even abroad. These excursions broaden the horizons of peasant thinking and strongly affect the peasant mind, feelings, and will with unforgettable experiences. Provided there is a good organization, they become the most powerful means of agronomic influence. Certainly, these excursions are very expensive, but their value for the agricultural culture of peasants more than covers their costs.

Chapter 9. The agricultural warehouse, rental points, and grain-cleaning stations

The distribution of improved agricultural implements and machinery is one of the most important issues in the programs of social-agronomic work. Because the promotion required the provision to peasants of a reliable source of agricultural implements, social agronomy suggested the organization of the public trade of agricultural machinery and implements and to use it as an agronomic propaganda tool.

When implementing this idea, agronomists set the following four tasks for the agricultural warehouse: 1) to provide the local economy with good implements of those types and brands that are the most suitable for local, agricultural production; 2) to provide such supplies at the lowest possible prices, thus, decreasing the prices of private traders; 3) to inform the population of the new types of improved implements by supplying their economies on beneficial terms;

4) to use the warehouse and its customers as an audience for agronomic conversations and a place to meet with peasants and establish strong social ties between the agronomist with the population of the region.

Because these tasks are precisely set, comparatively simple, and ensure quick and obvious results, it is no wonder that there were *zemstvo* agricultural warehouses already in the 1860s. They became widespread in the early 20th century and replaced purchasing partnerships. Their decline has begun recently, when the strong and fully developed agricultural cooperation decided to supply the peasant economy with a means of production. However, such warehouses still function, and we have to consider the basic principles of warehousing, because there is a complex, organizational problem determined by the duality of its tasks. On the one hand, the agricultural warehouse is a commercial enterprise; if it does not make a profit, at least it has to pay for itself. On the other hand, the agricultural warehouse is a tool of social-agronomic work that is aimed primarily at peasant education. This duality determines internal contradictions in the selection of goods, methods for setting prices, and other economic decisions.

Let us first consider hundreds of goods sold in the warehouse — sowing seeds, fertilizers, and agricultural implements which are the most difficult in terms of supplies. From the commercial point of view, it is necessary primarily to have implements and machinery, which are well known to the population and are in great and steady demand regardless of their agronomic estimates. From the social-agronomic point of view, it is necessary to have only those machinery and implements that are promoted by agronomists as the best for local production and those that should replace all others.

These two tasks often do not match. Peasants demand the machines they know, even if they do not meet the contemporary, technological requirements, whereas the improved plows, sorting machines, etc., do not interest customers for years and become commercially unacceptable, shop-soiled goods. As the agronomic work succeeds, this contradiction is resolved; however, we still look for some organizational compromise. For instance, quite often the task of distributing and demonstrating brand new machines is commercially separated from the warehouse and assigned to rental points that are very desirable for every agricultural warehouse.

Another acute issue in the selection of goods is the number of types and varieties sold. Social-agronomic tasks require only the sale of basic peasant implements, which makes all other goods unnecessary. However, the peasant buyer demands that he can buy everything he needs in one shop — not only a plow, but also nails, wheel grease, files, and other small household items. Therefore, only organizational instinct and skill can help to find a necessary and sufficient compromise between trade and agronomic work.

Another difficult issue is setting prices, especially because prices in the agronomic warehouse usually determine prices on the free market. Commercial practice demands the highest charges on the costs of goods with slow, capital turnover, the smallest, shop-soiled share, and the highest demand. Social agronomy promotes the beneficial terms of purchasing new machines and implements, i.e., the goods in lowest demand and with the largest, shop-soiled share. The lack of profit and direct losses from such goods could be covered by the most popular goods, especially if the warehouse were managed culturally and pursued social-agronomic goals.

Antagonism reaches a tragic level on credit issues. The poverty of the peasantry that is accustomed to usurious, private, consumer credit requires both beneficial and long-term credit for the wide use of the promoted machinery. However, the warehouse does not have sufficient working capital to provide such credit, is unable to assess the creditworthiness of the buyer, whom the agronomist first saw, and lacks sufficient staff to collect debts from debtors scattered across tens of *versts*. Social agronomy made warehouses open wide and long-term credit, but warehousing was gradually undermined by huge arrears and the share of long-term loans in the working capital.

These drastic consequences of the credit trade gradually determined that credit was to be separated from trade and transferred from the warehouse to the *zemstvo* small-credit funds supported by credit cooperatives. In this form of crediting, the customer receives a credit order from the local cooperative or *zemstvo* small-credit fund proving that he got a loan for a specific purchase. The warehouse accepts this order for payment and receives money from the credit partnership or *zemstvo* small-credit fund, thus making a cash turnover and transferring the liquidation of credit relations to the special credit institution, which has all the means for the proper organization of crediting.

Under such organizational conditions, a very important question is who should manage the warehouse. The use of the warehouse as a tool of the social-agronomic work presupposes that it should be managed by the local agronomist. However, the warehousing development requires so much work that it cannot be managed as a side business; moreover, the best agronomists are often worthless merchants. Therefore, the warehouse should be managed by a special person familiar with trading, but the general regulations of warehousing should be set in the instructions and supervised by the agronomic board.

Some practitioners believe that in the interests of the warehouse, its manager should get both a salary and a share of turnover. In any case, the warehouse manager should not become an ordinary clerk. He must be a member of the agronomic board and is a part of the common cause as a warehousing specialist just as the grassland farmer is a meadow specialist and the zoo technician is a livestock specialist.

In other organizational aspects, the warehouse is partly similar to traditional trading companies and partly different from them. The most important issue is the method of purchasing goods. Only unions of *zemstvos* with warehouses, which can conduct multimillion operations, can strengthen public warehouses on the wholesale market, which is proved by the history of the Russian *zemstvo* purchasing partnerships uniting dozens of *zemstvos*.

The organization of credit for the warehouse is also very important. The better and easier the credit, the less working capital is needed.

Unlike the private merchant, the public warehouse monitors the situation with the machinery sold to the peasant economy. By checking the general situation of implements in its region, social agronomy seeks to establish strong ties with its customers — the owners of the implements — to study in detail their economy, the condition of the implements, and life of the machinery. The best warehouses often keep detailed customer records and sometimes conduct complex studies.

To conclude our brief description of the warehouse organization, let us consider a very pressing issue — the very possibility of the warehouse's understanding of the population needs. One agricultural warehouse working in a *uyezd* town cannot create a large client base or ensure a mass impact on the peasant economy. Many practitioners insist on the development of a network of warehouse departments with a simple assortment of goods in the very thick of the peasant population. These departments can be managed by either a local *zemstvo* employee or a local cooperative. Certainly, the latter is preferable if the local cooperative institutions are sufficiently strong and sustainable. Cooperatives are people's organizations; their management of warehousing ensures the best understanding of the peasant needs. In general, trade functions are not a feature of the *zemstvo* self-government bodies, and if sometimes circumstances force our *zemstvos* to perform them, this should be only temporary.

With the sufficient development of the cooperative movement in the *uyezd* and province, when *uyezd* and provincial unions of rural cooperatives start broad intermediary operations, the warehousing work of the *zemstvo* loses its meaning and should be transferred to cooperation. However, social agronomy should make every effort to preserve its agronomic influence on the agricultural warehouse. The cooperative supply of the population with implements and other means of production should preserve its cultural meaning and should not turn into an ordinary commercial operation.

It is necessary to say a few words about the organization of rental points and grain-cleaning stations. We believe that both should be organized on the cooperative basis, but if cooperation in the area of social agronomy is not sufficient for the broad cultural work, rental points and grain-cleaning stations should be managed by the agronomic organization.

Rental points can have a double meaning: 1) they introduce new, agricultural machines to the peasant economy by providing them in temporary use; 2) they ensure the access of the small, peasant economy to such complex machines that can be fully used only on large fields and are not profitable for the small economy where they would stand idle for most of the season (harvesting and sorting machines, root pullers, meadow plows, etc.). Social-agronomic rental points can solve only the first task. They cannot set and solve the second task, which can only be solved by a dense network of the cooperative machine partnerships. This difference of tasks between *zemstvo* rental points and machine partnerships determines differences in selection of implements and machines and in systems of payment. Whereas the machine partnership prefers complex machines inaccessible to small economies, the *zemstvo* rental point can have all kinds of machines promoted by social agronomy and accessible to small economies.

Whereas the profitability of machine use and the break-even balance of the rental point are decisive for the machine partnership and determine a complex and flexible system of rental rates, these issues are of almost no importance for the social-agronomic rental point that focuses on the first task. Certainly, when there are insufficient agronomic funds, rental rates should cover a part of the rental point costs; however, it is equally certain that these rates should be beneficial. The only exception when social agronomy takes up the second task are grain-cleaning stations, because their goal is not the promotion of grain graders or cockle separators but the supply of economies with cleaned grain. In other words, grain-cleaning stations provide the peasant economy with a technology inaccessible to small economies. This exception is determined by the importance of good seed for social agronomy and by the comparative simplicity of the technical organization of grain cleaning.

Chapter 10. Organizational work of the agronomist

Among the tasks of social agronomy, we mentioned not only the promotion of improved methods of farming and livestock breeding but also the change in the organizational plan of the peasant economy towards greater compliance with the current conditions of the economic life. It is necessary to focus on the latter, because this field of the social-agronomic work is full of disagreements and misinterpretations. The task of this chapter is extremely important and perhaps prevails over other tasks of social agronomy.

According to the basic law of agronomy, if the agronomist wants to increase soil fertility, he has to analyze the fertility factors and strengthen the factor that remains at a minimum level. When studying the structure and life of our peasant economy, we can see that many provinces suffer from the lack of an organizational plan of the

peasant economy rather than from the lack of water, phosphorus, or nitrogen. Therefore, the first task of the social agronomist is to develop the organization of the peasant economy. However, this seems to contradict the above-mentioned position that the social agronomist as a public figure cannot and should not deal with the organization of specific economies. The Russian agronomic practice rarely succeeds in reconciling these two positions.

Sometimes when the agronomist is convinced of the necessity of organizational work, he simply and unpretentiously spends all his efforts on organizing the individual economies of Sidors Karpovs, Vasiliys Mosyagins, and two or three other agreeable peasants, thus not achieving any mass effect. In most cases, despite all his efforts, the local agronomist, who recognizes the need for organizational work but wants to stay within social work cannot find specific forms of the organizational work, which makes us carefully consider the organizational activities of social agronomy.

First, we should note that almost any major technical reform, especially the introduction of new economic methods, has organizational consequences that are sometimes quite major. The early introduction of fallow on the arable land in the south of Russia deprives peasant herds of pastures and raises an acute question of foraging, which makes us think about stable keeping or artificial pastures. The introduction of grass rotation provides the economy with a forage base that often exceeds the needs of the livestock, which determines the development of industrial cattle breeding. The use of the separator provides the economy with surplus skim milk, which gives an impetus to the fattening of pigs.

Thus, technical reforms and organizational consequences inevitably change all other aspects of the organizational plan, just like a small leakage destroys the whole dam. Therefore, a system of promoted techniques, balanced and supportive of the reform of the organizational plan, is itself an organizational activity. Social agronomy examines the economic system, develops a plan for the necessary organizational changes, describes their technical elements, and puts them into practice, which inevitably restructures the organizational plan of economies.

The organizational work consists not so much of the local activities of the local, social agronomist but rather of diagnostics and planning. A typical example is the work of Moscow agronomists promoting grass cultivation in the Moscow Province. Their study of the economic structure of the Moscow village proved an urgent need for fodder grass thus enslaving terms of meadow rent, and dairy cattle breeding as a path for progressive development. The last achievement would be impossible without fodder supplies. Therefore, after the organizational analysis and identification of the desired path for organizational reform, the local agronomic workers developed and promoted a number of technical methods for fodder grass cultivation. Twenty

years of work led to the serious reorganization of the entire organizational structure of economies affected by social-agronomic propaganda. In this case, as in many similar cases, the head of the peasant economy was a reformer and organizer of the specific economy, but social agronomy gave him only the idea of reform and helped him with the organizational work.

As all kinds of organizational reforms finally determine the transition from one combination of technical elements to another, the organizational work of social agronomy will always consist of both economic and organizational development of the promoted system of technical measures. Besides the above-mentioned assistance to the head of the peasant economy, social agronomy can help him by introducing scientific methods of accounting and calculation into his economic routine.

The knowledge of measures and weights is a powerful factor of economic life, which is, unfortunately, far from being fully used by our peasant economy. Therefore, among numerous courses and lectures for peasants, courses on organizing the economy should take the main place. With the numbers that describe the economies of the peasant listeners the lecturer can easily explain to them the most important economic calculations. What are the costs of producing a *pozd* of oats or a bucket of milk? Is a mowing machine profitable for the economy of ten *desiatinas*? What is more profitable — flax or oats? These are questions of agricultural arithmetic that can lead to the most difficult issues in organizing the peasant economy.

Due to the fundamental differences between the labor economy and the capitalist economy and to the poor development of the theory of the labor economy, contemporary economics does not provide objective methods for organizing the peasant economy. If we cannot provide the small producer with objective methods for organizing his economy, we have to give him the above-mentioned techniques of economic calculations, developed economic arithmetic, and basic economic concepts that would help him in the economic activity.

Given the specific peasant thinking, such a course should begin with accounting tasks for the listeners, which would help them learn basic concepts of the agricultural economy. After the listeners have learned the organizational foundations of their economies and the most important concepts of the agricultural economy, the lecturer should present a critical assessment of the current agricultural situation and identify the economic significance of the *zemstvo* agronomic reform.

A suggested program for a course on organizing the peasant economy can be as follows:

1. Family composition and its consumer budget (in kind and cash).
2. What products and how much of them should be produced for the peasant family in kind?

3. Analysis of the organization of field cultivation. Farming systems, crop rotation, and various methods for restoring soil fertility.
4. Analysis of the organization of cattle-breeding.
5. Analysis of the organization of fertilization. Fertilizing methods and norms.
6. Analysis of the organization of productive cattle-breeding. Possible types of cattle-breeding.
7. Organization of fodder production. Criticism of the existing system. Methods for calculating feed reserves.
8. Analysis of organization and methods of accounting for dead stock. The concept of depreciation. The value of machinery in agriculture. The advantages of small and large economies. The importance of cooperation for smallholders.
9. Analysis of organization and methods of accounting for out-buildings. Long-term loans, fixed capital, and short-term loans. Productive and non-productive loans.
10. Calculating the cost value of a horse's working day. Estimates of manure and other nonmarket products.
11. Accounting for field cultivation. Profitability of crops. The cost value of one's working day. The price of a *pood* of grain. Organization of sales. Market doctrine and pricing.
12. Accounting for the meadow, garden, and so on.
13. Accounting for productive livestock — an assessment of straw, payment for fodder in kind. Principles of livestock selection. Unions in cattle-breeding.
14. Consolidated balance of the economy. General organization of labor and monetary budget. Machinery. Short-term loans. Calculations of profitability per *desiatina*. The concept of rent and the origin of land prices.

Our peasants rarely keep economic records, and in most cases, the available peasant account books have only records of cash receipts and payments, which does not allow the evaluation of the profitability of the economy. We know the very sad experience of the more cultured Western-European peasantry and have little hope that in the near future peasant bookkeeping will become mass in Russia. However, exact numbers describing the elements of the organizational plan of the peasant economy are so important for both the agronomist and the peasant reforming his economy that the organization of peasant bookkeeping and scientific analysis of its data are the key tasks of social agronomy.

Besides bookkeeping for the entire, economic turnover, there are much more successful attempts at accurate accounting for separate economic transactions, especially if accounting is of particular importance for them. For instance, the so-called “control partnerships” aim to calculate the cost of milk, the cost of a *pood* of feed in milk, and of other organizational elements in dairy husbandry. Peasant economies

unite as a control partnership and invite a “control assistant” who collects weekly data on the composition and amount of feed per cow, milk yields, and fat content. Then the control assistant calculates the cost value of a bucket of milk and a *pood* of fat and also the share of a *pood* of feed in the price of milk, which allows peasants, on the one hand, to get rid of bad cows with a high share of feed in the price of milk. On the other hand, it allows them to introduce the most profitable and rational feed rations. The well-known Danish feed standards are based on the mass data of Danish control partnerships.

The organization of peasant bookkeeping is accompanied by another method of the organizational work with completely different tasks. Contests of economies are very common in Western Europe and quite regular in the south of Russia. The winner is awarded an honorary challenge cup, an honorary diploma, some valuable or household item, and sometimes a sum of money.

The competing farms are periodically inspected by a special commission — the jury — to be described in detail for further accounting. They maintain detailed bookkeeping and are compared at the end of the financial year. The evaluation criteria depend on the goals set by the contest organizers. Sometimes the jury considers technical advantages, sometimes the gross yield per *desiatina*, or the price of a unit of labor and capital invested. In most cases, the jury’s decision is based not on the objective indicators but on the general subjective impression of how the competing economies “made use of the labor forces and material means of production.” At the same time, such contests provide considerable accounting data.

The main goals of the economies’ contests are as follows: 1) to revitalize the creative initiative of participants, to expand their organizational experience by comparing their economy with other competing economies and by communicating with the jury members; 2) to point the rural population’s attention to organizational issues and to use the results of such contests for pedagogical purposes; 3) to use the competing economies as model economies. In the following chapters, we will consider in detail the importance of model economies in social agronomy, which still have a very modest place among other methods of its work.

Thus, we considered those sections of the organizational work of the social agronomist, in which he observes, keeps account, and analyzes the organization of peasant economies and uses these data to develop a system of agronomic activities and for pedagogical purposes.

In what cases does the social agronomist become a direct organizer of economic activity? As we have already mentioned, the organization and management of individual peasant economies diffuses the agronomist’s efforts and cannot have a mass effect. However, there are some cases in which the direct organizational work of the social agronomist is not a waste of effort and is of great mass importance. These include: 1) the organization of auxiliary social-agronomic in-

stitutions — rental points, grain-cleaning stations, breeding-coupling stations, experimental plots, agricultural warehouses, etc.; 2) organizational assistance to public and cooperative economies and undertakings, e.g., the organization of a dairy farm, a calf-breeding station, a cooperative seed farming; organization of the intermediary operations of local cooperatives in the sales of flax, eggs, etc.; organization of land improvement and public land management (like other organizational work, they can be done by specialized staff, but, as a part of the social-agronomic work, they should be directed by the local agronomist in full accordance with other aspects of agronomic work, especially under the reform of land relations, such as getting rid of strip farming, straightening and rounding of plot borders, etc.); 3) the most controversial and difficult type of social-agronomic work — the organization of model or experimental economies, in which the social agronomist aims not to increase the wealth of the individual peasant economy but to use it as a means of agronomic work and a kind of visual aid in agronomic propaganda.

Supporters of the third type of the social-agronomic work believe that the model and experimental economies scattered in the very thickness of the peasantry should be a living example that puts all their neighbors on the path of agronomic progress. There was a time when model economies were very popular, received a lot of funding, were generously subsidized, supplied with implements, and provided with soft loans and other benefits. Such enhanced support put model economies in an exceptional position and deprived their success of any significance from an organizational perspective. Moreover, attempts to organize model economies without such support and only with advisory assistance were not successful. Given the passivity of our population, they attracted very few visitors and, given the limited number of such economies, they had no mass impact.

For these purposes, the economies' contests are much more effective: they require fewer efforts from social agronomy, but, due to the large number of participants and public attention, they have a greater social impact. The demonstration fields, experiments, and sowing, which many peasant economies introduced to show different techniques for a small payments, were even more successful and ensured both mass scale and mass impact. However, demonstration events have nothing to do with the organization of economies. The organization of individual economies is not of great demonstration importance but is very useful as an experimental event.

Even if the program of social agronomy is based on a detailed, organizational analysis of the existing and emerging economic systems, in the organizational perspective it still has an abstract character. Therefore, it is extremely important to make its economic ideal more specific to assess its economic realizability and possible practical forms. Such a practical specification of the theoretical economic ideal enriches the agricultural experience of the agronomist and makes

him revise the program more than once to eliminate elements that are difficult to implement and to add elements revealed during the practical organizational work.

Thus, to lead the peasant economy to a new economic ideal, the agronomist should know the degree and forms of this ideal realizability. And just as there is usually not an experiment or model near the agronomic station but rather a test plot for sowing new crops and testing a new plow or sowing machine, there is always a neighbor or a whole village to willingly become involved in all economic undertakings, even if unpredictable in terms of success. In the agronomic progress perspective, this test economy or village is many years ahead of the whole district, because it develops specific forms of the new economic structure and serves as the best school for social agronomy. We use the word “school” because the agronomist has teachers. His theoretical knowledge and skills of cultural management are supplemented by the peasant’s practical norms and centuries-old skills. Only their synthesis can create a sustainable form of the peasant, progressive economy.

Chapter 11. Social agronomy and cooperation

In social agronomy, there is no more important, difficult, and even painful task than “to organize the local population in unions and groups that, on the one hand, would use cooperation to provide the small economy with all the advantages of the large one; and, on the other hand, would take on consolidation and strengthening of the new economic principles.” It goes without saying that the cooperative movement is of great economic importance, and that the contemporary progressive peasant economy is unthinkable without cooperative associations just as modern industry is unthinkable without capitalist forms. Moreover, cooperation is essentially important for the social development of the village.

Not so long ago, centuries-old silence reigned on our rural plains, while metropolises lived an interesting and intensive cultural life full of developing and failing systems of social reforms and stubborn struggles of various directions in the name and on behalf of the broad masses of the Russian plain. However, this life rarely affected the peasant masses, who had no voice, no creative will, and no social thought because they were scattered. The Russian people was only a *demos*, a backwoods mass, but it had to be a democracy, a self-aware people. The Russian people could not turn from a *demos* into a democracy because of a lack of organization, social skills, and organized social thought.

These basic elements of the democratic culture cannot be created by binding decrees or appear all of a sudden from nowhere. This culture is based on the long and invisible work of social forces, on the

unnoticeable but deep rebirth of the nation. The Russian Revolution revealed this truth with amazing clarity and showed that we still do not have a nation and that even the decree of the Constituent Assembly cannot turn the Russian *demos* into a democracy.

However, the researchers of Russian life discovered in the Russian village the smallest processes preparing a future democracy, and the most important such process is rural cooperation. The everyday routine work of boards, supervisory councils, and general meetings, union building, and endless debates about building a mill or selling flax created new people who would take on responsibility for the future of our country. This social meaning of cooperation is especially important for social agronomy.

We constantly emphasize that agronomic work can be successful only on the basis of people's initiative, and cooperation is such an initiative in the most organized forms. Cooperatives are centers of social relations, and, by influencing them, we can affect very broad masses. By focusing our agronomic propaganda on cooperative groups consisting of the most active and conscious rural strata, we reinforce our propaganda by the authority of the cooperative initiative. Because our propaganda affects the conscious cooperative circles that provide it with conscious support of the living word, personal examples and material assistance, our agronomic influence becomes exceptionally massive and powerful. Therefore, it is true that cooperatives are a resonator of agronomic propaganda.

Agronomic lectures at the general meetings of cooperatives, the distribution of agricultural literature through cooperatives, the organization of cooperative libraries, experimental fields, breeding-coupling and grain-cleaning cooperative stations, the cooperative purchase of seeds, implements, and fertilizers, loans for agricultural improvements, the pedagogical significance of the cooperative sorting out the joint sales of flax, eggs and milk, etc. — all of this is an invaluable help of local cooperatives to social agronomy. Without cooperatives the social agronomist can establish no organized ties with the population, without which his voice would be lonely and lost among thousands of economies. That is why almost everywhere agronomists start their work by promoting and directing the cooperative movement.

However, exaggerated forms of this work are harmful for both social agronomy and cooperation. Some agronomists develop a whole network of cooperative institutions in a region that has no prerequisites for cooperation. Thus, they acquire cooperation without cooperators, i.e., agronomists are forced to manage cooperatives almost single-handedly. By neglecting the self-sufficiency of the cooperative movement, they tend to consider cooperatives as a tool and means of agronomic assistance similar to warehouses, breeding-coupling stations, and other institutions of social agronomy. Other agronomists, in contrast, forget about their *zemstvo* service and become figures of the cooperative movement, members of cooperative boards and other

cooperative bodies, and often differ from other cooperative members only by sources of income.

Certainly, both extremes are pathological and often lead to painful conflicts under the development and strengthening of the cooperative movement. The lack of a proper fundamental demarcation between the tasks of cooperatives and self-government bodies has repeatedly led to struggles, especially in the field of cultural-educational and commercial-intermediary work. Previously, many such conflicts were determined by the distrust of democratic cooperation with the qualified *zemstvo*. Today, after the Revolution and the introduction of the *volost zemstvo*, the task of the proper demarcation between these two democratic institutions in agronomy and other areas of the local work causes us to consider this issue in more detail.

Unfortunately, this general issue was rarely considered in our cooperative and agricultural press, and its solutions were often absurd. For instance, I have met some ardent cooperators who believed that the broad development of the cooperative movement would eventually abolish all *zemstvo* institutions. At the same time, until very recently, many members of the *zemstvo* believed that the development of small *zemstvo* units would eliminate the need to organize cooperatives.

It is obvious that both positions are wrong. There is a fundamental distinction between the work of *zemstvos* and the work of cooperatives determined by the nature of these institutions in economic life. Thus, under both — the developed, small *zemstvo* unit and the ideally developed and strengthened cooperative movement — *zemstvos* and cooperation would continue to exist. The question is how to prevent their competition in economic life and rationally separate them on the basis of their essential features.

Zemstvo is a forced union of all people living in the area; any assistance to the *zemstvo* in its economic activities consists of events and measures that would be beneficial not to Peter, Sidor, Ivan or Fedor, but to the entire population included in this forced union. Such assistance is possible only when the *zemstvo* improves and organizes, not its economic activity but its conditions. If the economic conditions are improved, every economic agent will feel the beneficial influence of the *zemstvo* work proportional to his economic activity. Therefore, the *zemstvo* aims to improve roads, organize local trade, develop public medical and veterinary care, a public network of school, out-of-school and vocational education, organize local mail, telephone communication and small credit offices that open the way for the wide financial market, etc. All these *zemstvo* activities are necessary conditions for the development of the local, national economy.

Cooperation is a combination of some aspects of economic activity. In its organizational plan, the small economy identifies those economic processes, in which a large economy has undoubted advantages over a small one, and unites with other interested economies

into a cooperative to achieve the economic scale of the large economy. The cooperative combines credit, sales, and purchase; processes potatoes, flax, vegetables, milk, resin, etc.; sorts flax, breeds pedigree cattle — in other words, rationalizes all economic activities.

Thus, although the *zemstvo*'s task is to create the best conditions for economic life, the cooperative's task is the best organization of economic activity. This is a schematic distinction of the economic tasks that is not always achievable. First, all economic enterprises including cooperatives are one of the conditions of economic life for all other enterprises. However, they are a condition by the very fact of their existence, but they do not set a task "to be a condition" and do not work according to this task. On the contrary, many *zemstvo* activities — road construction, insurance, agricultural warehousing, small crediting — are conditions of the economic activities of all economies in the *zemstvo* area and grand economic projects. Such projects aim not to ensure the greatest profit on the capital invested but rather to create the best conditions for individual economies in the area served by the *zemstvo*. Profitability of the new roadway or *zemstvo* insurance system is measured not by income (fares or insurance premiums) but by the growth of the general regional welfare determined by the use of the roadway or insurance system as conditions of economic activity.

This is the difference in incomes from organizing an economic activity in cooperative form or in the form of the *zemstvo* institution. Cooperation provides the population with incomes from those economic operations that are combined in the cooperative. *Zemstvo* economic undertakings, however, often bring greater incomes due not to a *zemstvo* enterprise turnover but to an increase in profitability in various branches of individual economies, which is determined by the conditions created by the *zemstvo* institution. For instance, the roadway increases incomes not by collecting fares but by saving transportation costs.

Certainly, the *zemstvo* often takes on cooperative functions, especially if cooperation is not developed, and vice versa — the cooperative aims to improve general economic conditions. However, the identified fundamental distinction allows an understanding of the complicated circumstances and helps answer the question of whether the agronomist should work in cooperatives.

We have already mentioned that cooperation is an economic action, because cooperatives are an essential condition of economic life. Without cooperatives, all agronomists' educational activities will be reduced to nothing. To buy the promoted implements and seeds, the peasant needs credit; to use the feed reserves of the introduced grass sowing project, the peasant needs industrial dairy farming, which is unthinkable without cooperation. That is why, if the *zemstvo* does not want to reduce its educational work to nothing, it should strive to create this necessary "condition" by promoting the cooperative idea and

organizing a network of cooperatives, which is absolutely essential for the successful educational work of the agronomist.

This is not the only task of *zemstvo* cooperative work. A network of cooperatives can become the best economic condition, only under normal and flawless cooperative work. Therefore, if cooperation is not developed, the *zemstvo* should support it with the advice and instructions of the agronomist or special instructor. The *zemstvo* should also provide good credit terms for young organizations. However, neither the *zemstvo* nor *zemstvo* agronomists should do the cooperative work; the agronomist cannot and should not replace the cooperator, board member, or accountant. Such a replacement would make the agronomist's work economic, which contradicts the basic tasks of the *zemstvo*. If the cooperative does not have members capable of bookkeeping and organizational work, the *zemstvo* should teach them the cooperative work by organizing special cooperative bookkeeping courses or by instructing. But, in no case should the *zemstvo* make its representative a cooperator, because this contradicts both cooperative and *zemstvo* principles.

Chapter 12. The equipment of the agronomic station

Almost every aspect of social-agronomic activities needs specific implements. Successful, and at the same time economical, equipment for social-agronomic work is a difficult task. Often the success or failure of social-agronomic work depends to a large extent on its material means. It goes without saying that the main condition of success is the agronomic staff, and, if it is poorly trained, then no implements will help. However, a good agronomist without good implements could do little, and most of his efforts would be wasted. When following the path of social agronomy and spending large funds to invite agronomists, self-governing bodies, cooperatives, and other public organizations should recognize that the success of their work requires no less funding for material means.

The issue of the composition of these means is poorly developed theoretically and, by its very nature, does not allow the provision of recipes. Moreover, social-agronomic work varies at its different stages. Its content changes and differs at the initial propaganda stage; after several years, at the stage of intensification in relation to the cooperative movement; and a few years later, at the stage of deep differentiation and functional specialization of the social-agronomic staff.

The differences in social-agronomic work are also determined by the economic, natural, and everyday features of its area. Thus, the implements of social agronomy in the Champagne vineyards and on the slopes of Vesuvius would differ from the implements of the *zemstvo* agronomic area in the Vologda Province or Western Siberia. However, the same general idea would determine the selection of imple-

ments for any agronomic area regardless of its longitude and latitude. Every material means of social-agronomic work should correspond to its nature, its content, and the specific local economic conditions.

That is why it is impossible to write any recipes for equipping an agronomic station or the wholesale production of implements. Commercial companies easily equip beet-sugar and other factories or select items for equipping chemical laboratories, because they know that all those processes are the same for all these factories and laboratories wherever they are located. The peculiarity and variety of agronomic work exclude such a possibility. Even if there were a possibility for the wholesale equipment of an agronomic station, a large share of funds would be spent in vain, because the agronomist would never use many of the implements and would suffer from the lack of many others.

It is unacceptable to equip an agronomic station before or at the very beginning of its work. Nobody knows in advance the content of local agronomic work. Therefore, every implement should be purchased at the very moment it is needed, so that it will be used on the next day of purchase. Thus, equipment for an agronomic station should be determined by social-agronomic work. The collection of implements is never complete, because the social-agronomic work never stops at one stage but always develops and updates its content.

Although we cannot give any general recipes, we should identify those basic principles that social agronomy worked out for the agronomist. The first step in equipping an agronomic station is to choose its location. It should be an economically and historically homogeneous area that usually consists of individual economies that concentrate around one market center. The system of the village market is an economically and socially isolated group of villages whose borders often do not coincide with the administrative regions. In most cases, the personal ties and economic and social relations of the population are limited to this little world, and our economic plans should consider it an indivisible national-economic unit. Our agronomic station should be located in the natural center of this little world near the market that every peasant would certainly visit several times a year.

Having chosen the location of the agronomic station, we have to answer the question of the facilities that are necessary for social-agronomic work, which actually consists of two questions: 1) an apartment for the agronomist and his family; 2) facilities for the social-agronomic work. The first question is beyond the scope of our book; we merely emphasize the necessity of its satisfactory solution. The necessary conditions for the successful work of the local agronomist are the guaranteed minimum conditions of everyday life. In our Russian village, it is almost impossible to find a suitable apartment for rent, so we often have to build a house for the agronomist and his family. Unfortunately, this seemingly insignificant question sometimes be-

comes extremely pressing, and we know many cases in which the agronomist left his station because of the unbearable living conditions.

The facilities for social-agronomic work consist of a reception room, an agronomist's office, an agricultural museum, and auxiliary outbuildings such as rental, breeding, and grain-cleaning stations. Finally, rooms are needed for lectures and exhibitions, which are important not only for social agronomy but also for out-of-school education, cooperatives, and other sectors of the local public work. For reasons of economy and convenience, they cooperate to develop a network of lecture and theater facilities in people's houses and schools and also to build special halls if there are no suitable facilities. When developing this network, it is necessary to identify the social-agronomic area as an optimal radius from the market center. Buildings that constitute the agronomic station should ideally form an estate near the market square as the center of local life.

For the agronomist, the issue of moving around the agronomic area is no less pressing than the issue of an apartment and facilities. Unlike the medical work station, by nature, agronomic work is mainly traveling, especially in its first years. The social significance of the agronomist deprived of the ability to travel around his area is close to zero. Therefore, organizers of social agronomy have to guarantee their employees the complete independence of travelling. Cutting travel expenses brings all agronomists' work to nothing. Total travel expenses are usually so high that it is better to purchase a means of transportation.

Besides an apartment, facilities, and travelling, the agronomist needs some items for research and organizational work. One of the previous chapters, which described methods for developing an agronomic program, allows one to imagine the whole set of items necessary for the agronomist in his office. Its central part is the library with the most important books on natural sciences, agriculture, agricultural economy, law, all kinds of reference books, major agronomic and cooperative journals. The library should pay special attention to all kinds of materials concerning the area of the agronomist's activity. Historical and ethnographic studies of the province, works of geological, botanical, soil, entomological, and other expeditions in the agronomic area and surrounding regions, works of the nearby experimental institutions, descriptions of individual economies and areas of the region, reports of all local institutions, collections of statistical information on the agronomic area, albums of newspaper and magazine cuttings that describe local life — these are sources absolutely necessary for the library of the local agronomist.

In addition to the library, the agronomist's office should have devices and tools necessary for research. These include instruments for soil and seed analysis, chemical reagents, barometer, scales, a plant press, geodesic measuring tools, and all sorts of other items necessary for agronomic work according to the local conditions and the stage of social-agronomic development.

Finally, the third group of items in the agronomist's office consists of the research results of the agronomic staff. It is a kind of a museum of the surrounding area and holds herbariums of local flora, collections of weeds, cultivated plants, pests, soil monoliths, examples of soil, results of seed and other types of analysis, results of experiments of the agronomist, neighboring experimental fields and local collective experiments. There are also graphs and cartograms of the main economic elements of the region, which also reflect social-agronomic work.

The agronomist's office is not limited to the indoor premises and includes some meteorological instruments necessary for simple observations and a small plot for test planting and testing new machines, etc.

In addition to implements to serve the agronomist as a researcher, the agronomic station should be equipped with some aids necessary for the agronomist as a propagandist and lecturer. We have already described such visual aids, so let us make a few comments. First, the agronomic station should have lecture equipment — a projection lamp and cinematograph, collections of slides and tapes, lecture tables, pictures, and posters, a portable blackboard, tools for presenting physical, chemical, and physiological experiments, implements for the simplest analysis, models of flowers, grain ears, livestock, and so on. It should have all sorts of items for conversations and practical demonstrations, a portable set of butter-making machines, models of agricultural machines, and implements promoted by the agronomist; wall posters, leaflets, and brochures to be distributed or sold to listeners after lectures. Sometimes these items are combined into special collections to decorate the agronomist's reception room or to serve as a portable lecture set or a special, mobile, agricultural exhibition. Some agronomists designed special mobile vans for agricultural exhibitions, but this form of visual aid has not become widespread.

It is necessary to emphasize that the visual aids should correspond to the tasks and needs of the local, social-agronomic work and, if possible, be based on the local material. This rule, recognized by all practitioners, is the reason the local workers are disappointed by visual aids bought in the market that sells wholesale goods and cannot offer visual aids that reflect the local regional features. Therefore, a significant part of posters and tables is made by local agronomic workers.

To conclude our brief description of the agronomic station equipment, it is necessary to mention a regional network of small libraries of popular and reference literature on the agricultural issues, which should be organized on the basis of small agricultural societies, cooperatives, and people's houses. Agronomic libraries are closely related to the organization of library services in the village in general. Therefore, the network of agronomic libraries should be developed by agronomists in cooperation with the figures of out-of-school education.

The agronomic station often includes grain-cleaning stations, rental points, breeding-coupling stations, and agricultural warehous-

es. We have already discussed the organization of these in the previous chapters.

Thus, social-agronomic work requires diverse and numerous equipment and, thus, considerable funding. At the beginning of the chapter we mentioned that these costs are inevitable. In many cases, the needs would certainly exceed the financial opportunities, which would reduce the agronomic budget. It would make the agronomist choose between its positions and compare agronomic expenses with other branches of the economy. It is impossible to give recipes or general rules for such reductions, because it depends on the case and local conditions. However, it is better not to begin social-agronomic work at all if there is no way to provide the invited agronomic staff with all necessary material means.

Chapter 13. Registration and evaluation of social-agronomic work

We have described all basic forms of social-agronomic work and can finally proceed to its economic and social results. Unfortunately, the methodology for evaluating social-agronomic work and its results has not yet been developed. If we consider hundreds of reports of numerous social-agronomic organizations to find out the methods their authors used to evaluate their work, we would discover very diverse methods and measures of success. Some authors measure the success of social-agronomic work by the development of a regional agronomic network, by the number of rental points, breeding and grain-cleaning stations, or simply by an increase in the *zemstvo* funding of social agronomy. Other authors rely on the number of the agronomist's visits to the area and the number of conversations and lectures given. Still other authors mention the attendance of agronomic interviews, customer expansion of rental points and other stations and an increase in the demand for agronomic consulting. Some American reports compare the costs of agronomic measures with an increase in the profitability of the regional economy due to the growth in yields determined by the promoted improvements.

All methods of evaluation have different tasks and are based on different indicators. By comparing them we can distinguish four objects of evaluation: 1) scientific research of social agronomy that allows the identification of the local agricultural needs and development of a program of social-agronomic work; 2) activities of social agronomy, agronomic bodies, personnel and auxiliary institutions; 3) the social effect of these activities — the number of heads of peasant economies affected by social agronomy, their impression of agronomic propaganda, their economic activity, and the social ties between the population and bodies of social agronomy; 4) the economic consequences of the population's response to agronomic propaganda. Thus, we have to consider, on the one hand, the organizational and technologi-

cal changes that the local population makes in their economies under the influence of agronomic propaganda; on the other hand, the economic results of innovations.

According to these four objects of evaluation, agronomic reports should have the same theoretical structure as academic research reports. However, the authors of agronomic reports usually do not analyze their work and its results and merely present short protocols of their actions. Such a limitation of the tasks of the agronomic report is extremely harmful. Without the agronomist's careful analysis of his observations, activities, and their results, social agronomy would work blindly, its success would be accidental, and its failures incomprehensible and inexplicable.

When the agronomist is overloaded with all kinds of urgent work, writing a report is often his only time for undisturbed reflection on his activities and his only opportunity to break loose from the everyday agronomic routine, to look at himself and his work from the outside, and to see a general picture and compare tasks and achievements. Thus, the agronomic report is of great importance as a collection of indicators for evaluating the whole social-agronomic work.

It might seem that we contradict ourselves and set tasks for the local workers that obviously exceed their means. Often a great agricultural practitioner, who is very skillful and has a deserved, huge impact on the local population, has neither sufficient literary talent nor interest in paperwork. In other words, he is not able to write even a satisfactory protocol report. We understand this and set the task not for individual agronomic workers but for the agronomic organization as a single collective will that organizes and directs the activities of individual workers. Moreover, our requirements are for *uyezd* and mainly provincial reports, whereas reports of local workers must follow the same principles but can be limited to a good protocol as a source material for the report of the whole agronomic organization.

Concerning the methodology of social-agronomic work, its results, and reports, let us consider first the tasks of the local agronomist and then the general report of the whole organization.

Every description should begin with an accurate registration of the phenomenon. Some agronomic institutions — warehouses of agricultural implements and machinery, breeding-coupling, rental and grain-cleaning stations — have their own accounts, but the agronomist needs a diary or relies on his memory for other branches of work. Using only memory to register numerous phenomena is an unreliable path, especially in social agronomy, because our agronomists often change their locations. Because of this staff turnover, the whole work experience and knowledge of local features, sometimes very extensive, leave the agronomic station together with the agronomist, and his successor has to start all over again. He often repeats the mistakes of his predecessor and spends great efforts to collect information that was already collected. That is why social-agronomic activ-

ities and all agronomist's observations should be registered in detail and, if possible, written every day.

Besides the most accurate protocol of all social-agronomic actions, the diary should include all the agronomist's observations of the local agricultural and everyday life, his thoughts, considerations, the results of the analysis, and other facts of agronomic life. This can be a simple diary or records can be analyzed, for instance, grouped into categories. The latter allows some further analysis, for example, making a cartogram of the current agronomic work by putting on a big schematic map of the agronomic area the numbers indicating agronomic measures near the names of villages in which such measures were taken. Some agronomists even have a "file" for each village — a kind of a current report on the work in the village.

A diary and simple methods of its analysis constitute the basis of the local agronomist's report. If he wants to make an independent, detailed report, he relies on his registered observations, memory, statistical, and other local data to proceed to the monographic description of his social-agronomic work. If, for some reason, the local agronomist cannot make a detailed report, he can write a brief protocol, which is necessary for *uyezd* and provincial reports.

For the general report of the agronomic organization, the reports and protocols of local agronomists are used as source material; the main requirement is their comparability. As a rule, agronomic organizations design special questionnaires for making protocols. They are necessary even for agronomists who prepared their detailed reports, because, despite their advantages in terms of content and structure, often such reports are so different from the general questionnaire that they cannot be compared. One such questionnaire was developed by the Moscow provincial *zemstvo* agronomic organization. The Moscow questionnaire-report is somewhat cumbersome, but many of its questions are general and do not need to be asked annually. In other words, such questionnaire-reports can be (1) annual reports in the form of a protocol and (2) more complex and complete reports prepared periodically, for instance, every five years.

Questionnaire-reports, individual reports of local agronomists, reports of experimental fields and other auxiliary agronomic organizations, statistical, meteorological and other data serve as source material for the general report of a social-agronomic organization. This general report should be based on the analysis of all four sections mentioned at the beginning of the chapter. It should present the research work of the agronomist, explain tasks of the agronomic organization, describe in detail and critically analyze actions of the agronomic organization for achieving the goals of its program and, finally, carefully assess the social and economic consequences of the social-agronomic work.

A critical analysis of all four sections serves as a starting point for revising the program and developing directions for future work,

which can form a special part of the report. However, these four sections do not represent a plan of the report — they are only four elements that should be taken into account in any report plan. There is still no form for the general agronomic report, and its development is certainly a matter of practice rather than of theoretical analysis. Therefore, the general report should differ significantly from the agronomist's report by describing the work of many dozens of agronomic workers, by interpreting mass material, and by appropriate techniques, including those of comparison.

The dependence of the agronomic program and the work of agronomists on the duration of the social-agronomic work in the area, the dependence of the agronomic service on the villages' distance from the agronomist's house, a comparison of agronomic programs with the organizational plans of the peasant economies, the dependence of the peasant responsiveness on literacy, prosperity, and commercialization, a critical comparison of the success of various branches of agronomic propaganda, the mass economic effects of social-agronomic work, etc. — they all should be measured in the report with special coefficients and methods for assessing the intensity of agronomic work, its susceptibility, and social and economic success.

The most difficult part of this undeveloped method for assessing social-agronomic work is the evaluation of the economic effect. For instance, if yields grow in some province, pig-breeding develops, and the export of agricultural products abroad increases rapidly, how is this agricultural progress related to the local social-agronomic work and to what extent can social agronomy regard an increase in national income as its own merit? How many rubles did the national economy receive per each ruble spent on social agronomy? Perhaps the development of the Volokolamsk grass-sowing or Kherson black-earth fallow farming would be just as cooperative and fast without any agronomic work. Perhaps social agronomy provided only a few thousand out of a million rubles increase in the value of the Poltava crop, when only seven kopecks per each ruble were spent on it. How to answer all these questions? Where to find the necessary evaluation criteria?

The increasing profitability of agriculture is an extremely complex phenomenon determined by a huge number of reasons, and social agronomy is only one of them. It is almost impossible to distinguish its separate effect in the general result. Moreover, social agronomy aims not to create new forms of production but to accelerate the economic evolution and introduce a new economic system earlier than it would develop without the social-agronomic influence. Such an impact of the social-agronomic work complicates its accurate evaluation even more.

American agronomists tried to compare the costs of experimental fields with their benefits for the national economy. They decided to consider one of their most sustainable and obvious agronom-

ic achievements (a new, selected variety of corn, a special technique of plowing the fallow or a combination of fertilizers), they calculated the effect of this innovation compared to the old methods in dollars per hectare, and multiplied it by the number of hectares on which the innovation was applied. This is a very rough approach, but it is quite illustrative.

Certainly, there are more subtle methods of analysis such as a comparison of increasing yields in different villages with the level of agronomic propaganda influence, etc. However, they all prove only the trend but do not provide a quantitative estimate of the effect of agronomic propaganda.

In the most general terms, this is the essence of social-agronomic reports: if they meet our requirements, they turn into voluminous works that are not convenient for reading at *zemstvo* or cooperative meetings and are incomprehensible for peasants. Therefore, the social-agronomic organization should add to the extensive academic report both a short summary of its activities to be read at the *zemstvo* meeting and a popular brochure to present the social-agronomic work to the general public. The latter is certainly of great importance for popularizing not only social agronomy but also the agronomic innovations it promotes.

Основные идеи и методы работы общественной агрономии (Часть 2)²

Чаянов А.В.

Москва: Московское товарищеское книгоиздательство по вопросам сельскохозяйственной экономики и политики, 1918.

Составитель: Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Перевод на английский язык: Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; сотрудник Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Публикуемый здесь перевод окончания книги Чаянова «Основные идеи и методы работы Общественной Агрономии» содержит главы, посвященные различным конкретным особенностям деятельности русского агронома среди крестьянского населения. Если в первых главах своей работы (опубликованной

---

2. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

в предыдущем номере журнала «Крестьяноведение» 2020 № 1) Чаянов концентрировался на стратегических и мировоззренческих особенностях общественной агрономии, то во второй части своей книги он основное внимание уделяет разнообразным тактическим направлениям общественно-агрономической деятельности: методы устной, общественно-агрономической пропаганды; беседы, лекции, курсы и агрономическое консультирование; сельскохозяйственные выставки, демонстрационные мероприятия, образцовые фермы и крестьянские экскурсии; сельскохозяйственный склад, пункты проката и зерноочистительные станции; организационная работа агронома; общественная агрономия и кооперация; оборудование агрономической станции; регистрация и учет общественно-агрономических работ. Во всех этих главах и параграфах Чаянов показывает, каким творческим и изобретательным должен быть труд деятеля общественной агрономии, сколько самых разнообразных и неожиданных вопросов часто встает на его пути взаимодействия с крестьянскими обществами, аудиториями и домохозяйствами. Особый интерес здесь вызывает взаимодействие института общественной агрономии с другим влиятельным институтом — сельскохозяйственной кооперацией. Чаянов подробно анализирует, какие противоречия и какие разделения в сферах деятельности могут быть на путях взаимодействия агронома и кооператора в их общих задачах развития и улучшения крестьянской жизни. Несмотря на то что чаяновская книга опубликована 100 лет назад, она по-прежнему представляет не только исторический интерес, но содержит много ценных мировоззренческих ответов и практических рекомендаций и для современных работников агроконсалтинга и активистов сельского развития.

Ключевые слова: общественная агрономия, крестьяне, сельскохозяйственное образование, аграрная реформа, сельскохозяйственная кооперация

Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective

S. Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University; Universitätsstr., 25, 33615, Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de.

Despite its initial backwardness, the agricultural sector played a decisive role in the Russian/Soviet history. Until the 1950s, it was the main sector of occupation; it had contributed greatly to the gross domestic product and gross value added until forced collectivization destroyed huge agricultural resources. The article argues that emancipation paved the way for agricultural modernization by promoting a new agricultural structure based on the market and the skills of the heads of large-scale and family farms. The author identifies three Russian/Soviet approaches to the agrarian reform (1856–1928, 1929–1987, from 1987) in terms of contribution to the modernization of agriculture and of catching up with the developed countries. The article argues that until 1928 and (after the agricultural depression of the 1990s) from 2000, Russia was successful in both modernization and catching up, while Stalin's forced collectivization at first led to stagnation. After the World War II, forced collectivization prevented any "green revolution" (i.e. application of the agricultural scientific research findings). Under the state command system in agriculture, poor mechanization did not increase the labor productivity. Although Russia was known for agricultural surpluses before collectivization, the late Soviet Union became a major grain importer. Only the reform that started in 1987 removed the state command system to make the agricultural producers masters of their fields again, which led to a considerable increase in agricultural productivity since 2005. Basing the reappraisal of the agrarian reforms on the recent successes, the article likes to encourage further discussion. It proposes to regard the use of the available rural labor force, the quality of the industrial inputs in agriculture and the extent to which the producers were allowed to be masters of their agricultural production as the most appropriate criteria for assessing the agrarian reforms' results.

Key words: agrarian reform, efficiency of agricultural production, emancipation, forced collectivization, green revolution, mechanization of agriculture, modernization, peasant farms, rural underemployment, socialist industrialized agriculture, Alexander II, Stalin, Brezhnev, Khrushchev, Gorbachev, Putin.

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-56-87

Introduction

Unlike Western Europe, the Russian emancipation focused on giving the peasants personal freedom and some land. Therefore, measures of agricultural modernization as ensuring free surplus labor and im-

proving its use were only the tasks of the Stolypin reform in 1906 and Bolshevik's "turning to the village" (*litsom k derevne*) in 1924. I consider the time from 1861 to 1928 as one period of peasant farms developing to adapt to the market.

Forced collectivization abruptly ended the development of private farming and put agriculture under the state command (1929–1987), which had disastrous consequences not only for agriculture. Peasants were forced to join the so-called "collective" farms that were in every aspect under the state control. They did not pay workers and kept their members at their home places in the status similar to the forced workers. Instead of returning to private agriculture after Stalin's death, Khrushchev and Brezhnev kept agriculture under the state command. Their attempts to increase efficiency by complex mechanization failed. Thus, the basic questions are: Why the efficiency of the socialist large-scale agriculture was so extremely poor in the international comparative perspective and why did it miss the "green revolution"? How can the extreme waste of invested resources under Brezhnev be explained? Why did agrarian science, highly developed in the international perspective and affecting the development of peasant farms in the early 20th century, have so little impact on policies and practice of agricultural production?

Under the failure of the state command system, the third reform period started in 1987 and aimed at reviving peasant consciousness to make the heads of agricultural enterprises "masters" of their fields again. Putin's food security program contributed to overcoming the agricultural depression of the 1990s and stabilized agricultural production. The use of economic levers still put the production risks on producers, but the reform brought Russia back on the successful path of agricultural modernization. Today plant and animal yields significantly exceed the highest Soviet numbers. As the agricultural gross production today is not higher than at the beginning of the 1990s, the enormous waste of resources before is evident.

There are many studies of separate reforms but not of the whole modernization of the Russian agriculture from 1856 to the present. In 2011, Carol Leonard published a book on the agrarian reforms in Russia *The Road from Serfdom*, and I will show that today's issues are the legacy of collectivization. Her book provides many references on recent studies of the agricultural reform (Leonard, 2011: 299–398). This article is based on my previous research (Merl, 1981; 1985b; 1990a; 1993; 2002a; 2016; 2019) and recent work in the archives. The most important recent research of the Russian peasantry pre-collectivization was conducted by David Moon (1999; 2001) and of the Russian agriculture from 2000 to the present — by Wegren, Nikulin, and Trotsuk (2018).

The study of agrarian reforms means to consider modernization for a successful reform only partly depends on the state — actions "from above". The impulses "from below", the needs of the production

process itself and of producers are of crucial importance. To achieve its goals, the reform needs their support, people have to understand its tasks and accept them in their agricultural activities. Therefore, to be successful the agrarian reform has to change people's behavior, which explains why it takes so much time, about a generation, to assess the results. It is also necessary to consider the reformers' views. They were not, as Leonard argues (2011: 6, 271), "bureaucrats" in the negative meaning of the word. The 1861 emancipation act was introduced by a small group of "enlightened bureaucrats" with a clear, though "ideological", concept of the reform, who wanted to create a better world without bonded labor. The so-called "Stolypin reform" was developed by excellent specialists under the guidance of Witte already in the 1890s. The program of collectivization within the first five-year plan was at first developed by highly qualified specialists of the State Planning Commission (*Gosplan*) and Commission on Agriculture. There was no organizational work on collectivization under Stalin in 1929, which neglected all recommendations and warnings of the experts.

On the path from emancipation to peasant family farms (1856–1928)

In his address to the Moscow nobles on March 30, 1856, Alexander II first announced his intention to abolish serfdom and asked the nobles to make suggestions. The period between 1856 and the emancipation act of 1861 was described in detail (Beyrau, 1981; Scheibert, 1973; Moon, 2001) — Alexander II did not know how to implement his plan. The majority of the nobles objected to it and made no suggestions hoping that nothing would happen. Only a tiny group of "enlightened bureaucrats" (Lincoln, 1972) in the state apparatus finally took necessary measures and significantly shaped the emancipation act with their ideas and views.

Alexander II mainly wanted to get rid of the morally questionable institution without social unrest. He tried not to hurt the contradictory interests of both nobles and serfs, which was a difficult task. Every peasant household got the right to get a land allotment but had to pay for it — in peasants' perception it was god's land belonging to those working on it. They never thought that after becoming free they would have to work for two more years for landowners. During this period, representatives of the peasant land communes were to settle with their nobles the local arrangement of redemption. However, peasants in general did not rebel for the tsar for the first time in history addressed them in the emancipation decree and made them equal partners of the nobles in bargaining (Merl, 2018). It was the nobles and not the peasants, as Leonard argues (2011: 42–43), who started the politically dangerous protest: many nobles felt betrayed by the

tsar. For the first time in the Russian history they required constitutional participation in the state legislation, which was granted only 45 years later with the 1905 October decree.

To keep social peace, the state declared that to get the land property rights the peasants were to pay only 20 percent of the land price to the nobles — for 80 percent the state granted loans to the peasant communes, which were to be repaid in small rates in the next 50 years. To ensure it, peasants were made collectively responsible and bound to their land communes for this period. Peasant emancipation without land was not acceptable for land redemption was to guarantee that peasants would be able to pay taxes and fees to the state (Beyrau 1981; Moon 2001; Hildermeier, 2013: 879-899). Special rules put pressure on both sides to make an arrangement. If peasants refused to pay for land, they could get a small free “beggar’s share”. If nobles did not want to wait for the arrangement set, they could renounce 20 percent paid by peasants and get 80 percent paid by the state immediately. The “beggar’s share” is important for it allowed peasants to leave agriculture though emancipation was to provide every rural household with a land allotment; therefore, in the non-black-earth districts, many peasants previously engaged primarily in cottage industry or migrant labor used this opportunity (Gorshkov, 2018).

In 1856 and 1861, Alexander II’s appeals to the nobles and serfs can be considered as a fascinating modern political approach to solving problems. In the political system called “autocracy”, the autocrat asked the sides involved to discuss the local regulations instead of declaring the rules “from above” (Merl, 2018). Such an “enlightened” procedure was not possible under the Soviet rule: Stalin, Khrushchev and Brezhnev’ decisions did not take into account the opinions of the rural workforce. With the local contracts between noble landowners and peasant communes entering into force after 1863, the former serfs could become peasants. In the land communes, rural households used to work individually, now they got the right to freely develop farming. When the loan was repaid, they became proprietors of their land allotments.

Emancipation in many parts of Europe was decisive for strengthening family farms for it distributed the land in communal use to consolidate the land of family farms. Rural households without sufficient land left agriculture. The result was twofold: the newly independent and free peasants got enough land to start a viable farm and improve the technology of production by investments; at the same time the market demand for agricultural products increased for those who left agriculture had to buy food in the market. Thus, due to emancipation, those who got the full farmstead won better opportunities to increase production: the distribution of previously communal land and stall-feeding in the summer provided them with more arable land. Better crop rotations and the use of animal fertilizers allowed them to increase yields. Thus, emancipation in the German countries led to

the “agricultural revolution” ensuring necessary food for industrialization — fewer peasants could feed more people and increase incomes.

The situation in Russia in the mid-19th century was significantly different. Even in 1913, only 16 percent of the population (in Germany — 49 percent) lived in the cities, and the need for labor outside agriculture could still be satisfied by migrant labor from the countryside, although communal households were restricted in migration. The industrial development started only in the late 1880s, and the textile and coal sectors industrialization affected mostly rural areas by offering additional sources of seasonal incomes to households. The “agrarian crisis” of the 1890s was a crisis of overpopulation due to the rapid population growth, primarily in the central black-earth regions. Here, due to the fertile soil and drudgery under serfdom, rural households were primarily engaged in agriculture with the limited tradition of migrant labor or cottage industry. The rapid growth of population reduced the average share of land; however, the problem was not the size but rather the use of land for grain was not a highly valued agricultural product.

The Russian historiography was concerned mostly with the question whether peasants won or lost land due to emancipation. This controversy did not pay attention to what the peasants won: land property. The result of emancipation was only leveling the allotments. The majority of peasants got enough arable land (about 6 hectares — more than the average Germany) to produce agricultural surpluses for the market, which was the most important result in the long run. After a few decades, the value of land was well above the price the peasant paid, especially in the black-earth regions (Hoch, 2004). At the end of the century, it was out of question that the peasants were the winners of the reform: while in the 1860s the arable land was divided roughly in half between nobles and former serfs, in the following decades, it was the peasantry that increased the share of land. Already in 1900, 80 percent of the arable land was property of peasant communes or peasants, if taking into account the land leased from the nobles — about 90 percent.

By the end of the 19th century, rural underemployment and insufficient demand for agricultural products still hindered intensification of the Russian agriculture. The increase in need for labor outside agriculture did not cope with the high rural birthrate, and still about 80 percent produced at least a part of their food. Therefore, there was no basis for the development of viable peasant farms in the center of Russia. There were no “peasants” in the contemporary meaning of the word in the central non-black-earth regions of Russia before 1914. While rural households in general earned incomes from different activities, in the non-black-earth regions only very few got main incomes from agriculture (Gorshkov, 2018). With differentiation increasing, two groups appeared: those earning money primarily from migrant labor, handicraft or cottage industry, and those earning mon-

ey mainly from agriculture. The term “peasant” should be used only for the latter. Among those earning money not from agriculture, only a few had already stopped working on their land. Those focusing on agriculture often wanted to extend their production by leasing land. To allow some households to get main income from agriculture, the market demand for agricultural products had to grow. The path for the majority of rural households was “proletarianization” — a process of upward social mobility under the miserable living conditions in the countryside as compared to the city (Merl, 1990b).

Modernization of agriculture normally begins under the pressure from outside: intensification starts when the urban demand for food increased. Mechanization is a reaction to the outmigration of cheap labor. Horticulture, animal husbandry and industrial crops not only need a higher labor input, but their products are sold at more attractive prices than grain, which contributed to the growth of per-capita incomes. The increasing urban demand allows peasants to specialize in agriculture and improve technology. Modernization by intensification (crop rotation, developing animal husbandry, growing labor intensive industrial crops, use of better and more expensive seeds) is possible without mechanization, and under the rural underemployment primarily allows a better use of the available workforce. While animal traction power and cheap labor (due to the hidden unemployment) are abundant, there is no need for expensive mechanization. The cost calculations of the German agricultural concessions in Russia before 1933 prove this (Schmieder, 2017: 109-111): mechanization normally takes place when the rural labor is not enough and, thus, more expensive than the use of mechanical equipment. With the investments in industrial inputs (machinery, fertilizers, tractors), the rural labor productivity increases significantly together with the demand for qualified and trained workers. Thus, industrialization was a basic precondition for the agricultural modernization in Russia — it increased the urban demand for food and gave incentives for outmigration.

In the 1870s, the slow but steady growth of the grain yields started (about 1 percent per year). However, while the input of seeds and fodder was the same, 30 percent over in 30 years meant net growth providing more grain for export and even a slow increase in the per capita consumption (Gregory, 1982). The drive for the agricultural demand before 1914 was primarily exports and not the urban demand. The increasing global grain prices were a strong stimulus for the Russian agriculture during most of this period.

Stolypin reform

In the late 19th century, noble and non-noble estate proprietors started to modernize agriculture by introducing new crops (such as sugar

beet) and/or processing. In the early 20th century, this modernization led to the peasant unrest for it questioned the post-emancipation compromise between peasants and land owners: the use of machinery meant that the estate owners hired less agricultural workers thus many rural households lost additional seasonal incomes. Moreover, intensification of production violated the traditional peasants “rights” to use estate meadows as pastures and nobles’ forests (Schedewie, 2006; Merl 2017b). From the 1890s, some peasants, especially in the less densely populated south-eastern borderlands, tried to improve their agricultural production by using machinery imported or domestically produced (for instance, by the Volga Germans). The number of those interested in modernizing their farms was growing, but they still were a minority among rural households.

The pressure to complete emancipation by an additional agrarian reform was determined politically — by the peasants’ participation in the revolution of 1905. However, the reform was primarily due to the new requirements of agriculture after the industrial “take-off”. The reform draft was ready in the 1890s to support modernization of agriculture with such measures as land consolidation, land settlement, developed crop rotation and a better quality of seeds and cattle breeds. The request for land consolidation was “from below”: some peasants wanted their land to be separated from land communes as *khutors* and *otrubs*. Therefore, the Stolypin reform did not fail, and its limitation to land privatization is misleading. Only the political intention to create strong peasant family farms to support the autocracy failed. The peasant lack of interest in private land property was determined by their traditional legal perception of private property as a part of serfdom, i.e. property was an abstract legal category for them. Peasants used to work on the land individually regardless of its legal status. Therefore, the Bolshevik nationalization of land in 1917 was not a rupture for them on the path to peasant family farms (Merl, 1999).

The importance of the reform is evident if we consider it through the activities of all state agencies in agriculture. To stabilize peasant farms, in 1905, the state started to participate in the agricultural modernization and to support peasant agriculture significantly. Agricultural machinery was provided, especially in land-rich regions. Regional self-governments (*zemstvos*) played an important role — employed agricultural specialists and regularly showed agricultural improvements and new machinery at the regional exhibitions. The Russian Ministry of Finance followed the German model (*Preußenkasse*) and founded in 1905 a special state foundation to support agricultural credit cooperatives. What was important in the long run is that the state laid the foundation for training agricultural specialists at universities. Agricultural technical schools were opened and the training of agrarian scientists started. The graduates found jobs in newly opened agricultural and *zemstvo* administrations.

The state support gave a strong impulse to rural credit cooper-

ation. In just a decade, in 1914, every second rural household was a member of rural credit cooperatives. They provided loans on good terms, ensured that the state bank inspectors did not disturb the peasants. The inspectors reported annually on the development of cooperative finances providing at the same time valuable information on how the peasants reacted (Merl, 2008). Credit cooperatives managed to overcome the peasants' skepticism. The state control ensured that cooperative credits were not gifts to people in need, which was previously typical for cooperatives founded by the intelligentsia, and were to improve agricultural production. Measures against those who did not repay loans showed a paradox: they strengthened the peasants' trust in new cooperatives, and the inspectors' control even encouraged them to make small deposits.

By organizing the rural trade and by processing the agricultural raw materials, credit cooperatives put an end to the preindustrial monopoly of usurers, private traders and proprietors of processing plants. Credit cooperatives provided peasants with production inputs (seeds, fodder, fertilizers, farm equipment) at reasonable prices and consumer goods (including kerosene and salt). The state inspectors' reports show to what extent the market access at reasonable prices was necessary for Russia before 1905 (Merl, 2008; 2013). Thus, the rural underdevelopment and backwardness in Russia were determined primarily not by "exploitation" but by the preindustrial weakness of the rural markets.

To consider the peasant thinking is difficult for most of the sources available were written by the intelligentsia and reflect its interpretations. The intelligentsia defined peasants as uncivilized and irrational. Even the autobiographical works of Bonch-Bruевич, Rubakin and others presented peasants as to be civilized based on the conviction that to become human beings they had to leave their peasant surrounding (Herzberg, 2013). Despite the contemporary views, there was no impoverishment though the majority of rural people were poor and had little free money for consumption (Hoch, 1994). Not the "capitalist exploitation" was the main problem as Lenin and the Bolsheviks believed. On the contrary, the poverty of most rural households was rather a pre-capitalist phenomenon determined by the impossibility to find work/to be "exploited" (Merl, 1985b).

"Turning to the village" (1921–1928)

After the interruption of the land redistribution under the peasant revolution of 1917–1918 and war communism, the New Economic Policy returned the market and co-operatives to develop agriculture based on the findings of the Russian agrarian science and education of the world's level (Bruisch, 2014). *Zemstvo* statistical data was the best basis for studying the peasant agriculture and developing rational meas-

ures for the first five-year plan. The theory of peasant economy was introduced by Aleksandr Chayanov (Shanin, 1972). In 1924, the Bolsheviks adopted a new agrarian program focusing on the most acute rural problems such as underemployment of the rural workforce. *Litsom k derevne* was to create and promote new jobs in the countryside. Industrialization based on modern technologies was to be capital—and not labor-intensive; therefore, it was not expected to create many new jobs for the untrained labor (as industrialization in capitalist countries). The rural underemployment was to be reduced by helping peasants to create new jobs in processing and handicraft and to intensify agricultural production. Hired labor and land lease were legalized (Merl, 1981; 1993: 144-176). To promote agricultural technologies, many Stolypin measures were prolonged, for instance, land consolidation in the form of *khutors* and *otrubs*, scientific crop rotation and improved seeds. This policy was a necessary step to create viable peasant family farms and was accompanied by the state support of agricultural investments, credits and mechanization. The peasant reaction in the mid-1920s was very positive: a significant part of rural households, often about 10 percent in the region, wanted to improve their agriculture. Based on the policy name — “*Litsom k derevne*” — they were called “*kulturniki*” and tried to modernize their agriculture with the state support (Merl, 1981; 1993).

The experts calculated the real hidden unemployment in the mid-1920s: about 10 million of the able-bodied rural population were not needed for the agricultural and handicraft production. As the total employment outside agriculture (urban workers) was also about 10 million, this was a huge number (Merl, 1993: 270-276). Any rapid mechanization of agriculture would reduce the labor demand and set labor free, thus, exacerbating rural underemployment (Volf, 1928).

Due to the ideological fight between the leading party members rather than to its failures, the *Litsom k derevne* policy was implemented only until 1926. By that time, agricultural cooperatives became a part of the state procurement system. They bought up grain far from the railway stations and at the lowest prices, which determined peasants' mistrust in cooperatives and reduced the amount of grain in the market (Merl, 1981). The disfranchisement of the so-called “petty capitalist” at the 1927 election to the rural soviets affected only the *kulturniki*, and the “individual taxation” destroyed them: the taxed were often higher than their total income (Merl, 1981; 1993: 177-360). Thus, the forced collectivization aimed at destroying the *kulturniki* who successfully developed their farms in the 1920s (Merl, 1990a).

In 1927, the peasant-worker relations significantly worsened due to the privileges given to workers and not to the “middle” peasant. The October manifest contributed to the situation for it ignored the peasant decisive contribution to the revolution (Merl, 1993: 442-486). The peasant bad feelings were also determined by the “price scissors”, un-

favorable agricultural-industry terms of trade: compared to the pre-1914 period, agricultural products prices were much lower, while the prices of industrial goods bought by the peasant were much higher. Unlike urban workers, in the mid-1920s, rural households were below their low pre-war level of consumption. In the winter of 1927–1928, their miserable incomes under the state pressure to create collective farms explain why a lot of peasants dreamt of becoming workers with monthly salaries. Male peasants preferred to join state farms with monthly salaries to collective farms distributing an uncertain “profit” only at the end of the year (Volf 1928; Merl, 1985a; 1993: 453–482).

Stalin’s belief that due to the small peasant farms the grain marketing was reduced by half in the 1920s does not stand a critical examination for the figures presented were falsified. They presented consumption and not sales outside the village: the grain marketed by peasants and consumed by rural households in the non-black-earth regions was not considered as marketed although it was often transported for hundreds of kilometers (Merl, 1981; 1993: 277–334).

The state support of peasants was quite successful in the late 1920s. The agricultural experts in the Soviet administration were sure that the remaining defects in the peasant production would be overcome and expected a significant growth in yields. In the first five-year plan, they suggested to increase peasant yields by introducing an obligatory “agronomical minimum” — a progressive crop rotation and the use of selected seeds. The state would provide financial support to allow the poorest peasants to fulfill the requirements. However, when Stalin introduced this minimum as obligatory, he stopped the financial support and required from peasants a “tribute” to industrialization (Merl, 1985: 166–213; 1993: 393–407; 2016). In the late 1920s, about 10 percent of *kulturniki* in most agrarian regions were a good basis for the further successful agrarian development in the 1930s. For the expected final results, the country needed (besides the outmigration of rural workers due to industrialization) about a decade. In the late 1920s, the rural sector was certainly backward, but it was on the path of the European patterns.

Search for a viable socialist agriculture (1929–1987).

Stalin’s collectivization

The final version of the five-year plan for agriculture was still a plan to develop peasant farms by improving their agricultural technologies to increase yields (Merl, 2016). Many experts warned that the simultaneous collectivization and industrialization would have disastrous consequences: due to the rural overpopulation, the forced collectivization would lead to social destabilization in the cities and starvation in the countryside (Merl, 1985a; Volf, 1928). The experts preferred a mechanized agriculture based on the national production of agricul-

tural machinery. Only at the end of the first five-year plan, the Soviet industry would produce tractors and farm implements necessary for the starting agricultural mechanization.

Stalin's turn to the forced collectivization in October 1929 was abrupt and not based on the expert estimates. He ordered the worker brigades collecting grain in the countryside to start collectivization without considering how these collective farms would function. Even in December 1929, there was only pressure to speed up collectivization: it was to take regionally not more than two years. To force the frightened and reluctant peasants into the collective farms, Stalin ordered to destroy the so-called "*kulak farms*", arrest their heads and deport their families. Only after months of the forced collectivization and destruction of agricultural productive forces, in March 1930, a statute on collective farms was published, which was determined by the peasant women riots (*babie bunty*) against expropriation of cows. Stalin understood that the riots put his rule in question and acted immediately: in the statute, he allowed the former peasants within the collective farm to have a private plot and one cow. Stalin remembered how dangerous the situation was and in 1933, he mentioned a previous "minor misunderstanding" of the female peasants (Merl 1990a: 257-260).

Collectivization was based on the vague ideological expectation that the large-scale farming would be superior to the small-scale farming. However, in agriculture, there is no "eternal law" of superiority of the large-scale over the small-scale production, as Marx believed (Krebs, 1983). The scale plays a role only in the plant production when the use of machinery is possible. In the 20th century, many peasants successfully mechanized their farms: western plants produced agricultural machinery that could be cost-effectively used by small farms. In the animal husbandry, the priority of the large-scale production was even less evident (it still suffers from diseases and determines environmental problems).

Collectivization did not take into account the rural underemployment. Collective farms became such a huge failure primarily due to the fact that they had a huge workforce without sufficient productive work for it. State farms hired seasonal labor during the harvest, while *kolkhozes* had workforce during the whole year, no matter if there was work or not. The possible labor input decreased dramatically under collectivization, which was only to a minor extent a consequence of the lesser labor need at larger enterprises. The possible labor input in the animal husbandry reduced in half as the livestock did not survive collectivization. Some productive animals were slaughtered by the peasants in protest against the menacing expropriation of collectivization, but most of the cattle and workhorses died due to the lack of fodder at collective farms for the state confiscated all stocks. The previously regionally important peasant incomes from handicraft and cottage industry disappeared for the state confiscated the necessary raw materials.

In the 1930s, most able-bodied members of collective farms were provided with workhours just for 100 to 140 days a year (Merl, 1990b: 150-158). By forbidding any non-agricultural production at collective farms, Stalin made the situation even worse (the collective farms' workforce was not paid). If the collective farm members could process agricultural products or do some handicraft production, they would immediately stop working unpaid in the fields (Merl, 1990a: 327-417). In the country suffering from rural underemployment, mechanizing of agriculture without alternative occupations was a death sentence for many "unnecessary eaters". Unlike 10 million workhorses that could not be replaced by tractors until the late 1930s, more than 6 million people, who died under the 1932-1933 famine, were not needed for either agriculture or industrial production (Merl, 1995).

The forced collectivization proved to be destructive and led to the famine of 1932-1933. Stalin denied the famine and successfully tabooed it (which lasted until 1988). The fact that he radically changed his approach to agriculture and the "kolkhoz system" prove that he was well aware of the famine threatening his rule. While he officially blamed the peasants of sabotage, behind the scene he made concessions to the peasants and ended the arbitrary expropriation of grain. When introducing the *kolkhoz* system, Stalin partly listened to the experts (Davies, 2004: 250-331). This system became effective at the end of 1932 (and worked until the enlargement of the collective farms in the late 1940s) as based on the compromise between the peasant interest in survival and the state interest to get a high share of agricultural production (Merl, 1990a; 2002b).

The basic idea of the *kolkhoz* system was the return to the tax in kind (hidden in the symbolic payment covering less than 20 percent of the production costs). The tax became effective in 1933 when claimed the fixed numbers per hectare and per animal. It also confirmed the right of all households within the collective farm to have a private plot. In the mid-1930s, for a short time the state even provided credits to help households to have a strictly limited number of animals (one cow, one pig, some poultry) (Merl, 1990a: 260-280). The *kolkhoz* system also introduced the so-called "advance payment": during threshing 10 to 15 percent of the grain was to be distributed among the collective farm workers according to the number of labor-days until the harvest, despite the fulfillment of the state delivery plan. This "pre-payment" in kind was the only thing the workers got for their labor-input at the collective farm. At the end of the year, usually nothing was left for the "final" distribution of the profit. The pre-payment guaranteed the workers at least some grain from the collective farm as fodder for their animals or poultry (Merl, 1990a: 327-417).

The failure of collectivization to provide the population with necessary food forced the majority of the Soviet people to keep the part-time participation in agriculture to produce some additional food. Due to the miserable food situation outside the big cities, in 1934, Stalin

granted small land plots to workers and employees including the state farm workforce. These plots became the backbone of the Soviet people survival. The obligation introduced by Stalin to produce potatoes on these plots and to deliver a part of the harvest to the state as a tax in kind was of great importance for survival of the civil population during the World War II. Not collectivization kept people alive, as is argued today, — on the contrary, the failure of collectivization did (Merl, 1990a: 257-326).

The *kolkhoz* system divided production into two differently organized spheres: the large-scale collective/state farms produced grain and some industrial crops (flax, cotton, sugar beet), while the tiny private plots focused on animal husbandry, potatoes, vegetables and fruits and used primitive farm implements. Stalin's collective farms had nothing in common with the agro-industrial complexes including not only all aspects of production but also processing, storage and sales of agricultural products. At the end of 1929, some agricultural experts like Nikulikhin dreamt of such enterprises, but the state never accepted such huge investments necessary for these projects (Merl, 1985b: 365-369).

According to the “Barsov-balance” (Barsov, 1969), collectivization failed to make a significant tribute to industrialization. Agriculture's contribution was significant in 1926–1927 due to the “price scissors” (Merl, 1981); compared to it, the tribute under the first five-year plan was very moderate for the peasants could sell some products at high prices at the local markets out of the state control. This offset the state investments in agriculture by importing not available tractors to substitute workhorses dying at the collective farms. After 1933, the tax in kind ensured a significant tribute of agriculture for the state got grain and agricultural products without paying the producers. Thus, it was the urban workers who bear the costs of industrialization between 1930 and 1933 — their wages lost half of their value in 1930–1931. Collectivization was the most damaging element of the forced industrialization (Hunter, Szyrmer, 1992).

Considering labor, the forced collectivization was also harmful for industrialization by making the previous rural underemployment a permanent feature of the industrial work. Despite the severe shortage of well-trained industrial workers, Stalin ordered to retrain at least 25,000 for the leading positions at the collective farms. Outmigration (rather flight) from the countryside was temporarily very high. The industry complains about the “lack of labor” in the fall of 1930 did not show the real shortage. The reduction of salaries encouraged enterprises to “hoard” cheap labor for the few days of the peak labor demand. The low salaries determined a significant decrease in the industrial labor productivity and an extremely high labor turnover. In the 1930s, the majority of the industrial workers were untrained and the labor productivity was low. The high outmigration was stopped by Stalin in 1932, when the famine started. He introduced passports

but not for the members of collective farms, which limited their freedom of movement until 1974.

Although the *kolkhoz* system provided the state with a high share of the agricultural production, this was rather a pyrrhic victory for this very system was the best way to keep the agricultural production low. The state did not pay the costs of production; therefore, its increase meant higher operating losses for collective farms. If not the destruction of the agrarian productive forces by collectivization, the agricultural production would have been significantly higher in the 1930s. Thus, even a lower share of marketing would have meant more agricultural products for the urban population and for export (Hunter, Szyrmer, 1992). Moreover, the state prevented a possible rise in yields by force: collective farms had to produce grain on the large part of their arable land, and all attempts to introduce scientifically based crop rotation were stopped by force (Merl, 2016). With the forced collectivization, Stalin put agriculture under the state control and supported the intelligentsia's conviction that no special knowledge was necessary to run agriculture: he sent the retrained workers to command the alleged peasants. The *kulturniki* proving their ability to modernize agriculture were arrested as *kulaks* and sent to labor camps to dig Stalin's White Sea canal.

The term "collective farm" is misleading for in every aspect they were under the state command. During the key state campaigns, even special envoys "from above" commanded the local collective farms, party and state apparatus. The fiction of "collective ownership" was used to hide the fact that the collective workforce was not paid (Merl, 1990a). Stalin's mechanization did not contribute to modernization for it primarily served to control peasants and agricultural production. Tractors and machinery were not given to the collective farms but kept at the state-run machinery-tractor stations (MTS). Combines allowed to expropriate the harvested grain directly from the fields, avoiding the collective farms barns (Miller, 1970; Merl, 1990a; 2002b).

Why did Khrushchev's and Brezhnev's mechanization of agriculture fail?

Already before Stalin's death, many shortcomings of the agricultural policy were known to the new Soviet leadership which accepted in June 1953 that the results of collectivization were disastrous and changes were necessary (Transcript..., 1998; Merl, 2002a; 2011). In the fall of 1953, they significantly raised the producer prices to allow collective farms to pay to the *kolkhoz* workforce. The opened archives provided new information on the darker sides of Khrushchev's unstable and shortsighted decisions in agriculture with fateful consequences for the future of farming in the Soviet Union (Merl, 2002a). There are two phases in Khrushchev's agricultural policy: "liberali-

zation” approaches in 1953 to 1955, and destructive approaches from 1958 (Medvedev, 1987; Попов, 1989; Merl, 2002a). By his promise to build communism Khrushchev caused a lot of harm: by his campaigns against the private keeping of livestock and the collective farmer’s plot production he hit the backbone of the decentralized additional food supplies. Finally, he was responsible for the flight of most needed people from the countryside (Merl, 2002a; Medvedev, 1987: 161-202). However, on the positive side of Khrushchev’s balance sheet, there is a possibility to question the forced collectivization and industrialization (Merl, 1991): for some time, there was an open discussion between Soviet specialists, and their closer contacts with the Western agriculture restarted.

In the mid-1950s, due to the intensive contacts with the West, the Soviet Ministry of Agriculture and specialists were well aware of the fast progress of the agricultural machinery and agrarian knowledge in the West, while the Soviet Union stuck at the level of the late 1930s. Mechanization of a part of the grain and cotton production started quite early, but under Stalin it never affected the whole agriculture, especially fodder and animal production. Concerning the quality of the agricultural machinery after the World War II, the Soviet Union lagged behind not only the leading western countries, but also many of its block partners (GDR) (Jaehne, 1976: 27). Rural electrification and water supply — preconditions for the mechanization of animal production — spread very slowly to remote rural settlements (Schinke 1967: 70-72, 99). Although in the animal husbandry women were the majority of the workforce, their heavy physical work input was never overcome under the Soviet rule.

The fast progress of the agricultural technology in the West after the World War II was determined by several factors: to feed people in the developing countries, the so-called “green revolution” started, and it was based on the intensive use of the agricultural research, especially in seed and breed selection, which led to a significant increase in yields. The lack of workforce determined industrialization of agriculture — the expensive labor input was replaced by the complex mechanization of all production processes.

Soviet specialists sent to the Western countries understood how advanced the Western agricultural machinery and agrarian science were. Soviet specialists studied them and asked to import models for constructing machinery. Although this work was successful and improved either models of machinery or their production processes tested in the construction offices, most of them were never available for the state and collective farms: under the *Gosplan* and the Ministry for Tractor and Agricultural Machinery Construction, the Soviet agricultural machinery industry never started the mass production. Unlike Western machinery plants, it had primarily to fulfill the state plans rather than to satisfy the producers’ needs or to consider their demands and proposals. It did not care whether the machinery worked

fine or was of no use at all for agricultural enterprises. Instead of building new special plants, *Gosplan* often kept investment costs low and made enterprises of other industrial branches produce some agricultural machinery. Such enterprises lacked any interest in producing high quality implements, improving their production or correcting construction mistakes (especially the milking equipment suffered) (RGAE: f. 7486, o.1; Schinke, 1967: 76).

Soviet agricultural scientists were often well trained but used the old-fashioned and increasingly backward equipment at the agrarian faculties, research institutions and laboratories, i.e. the new generation of specialists could not be trained on the modern machinery. As the necessary equipment was not produced in the Soviet Union, almost every implement needed for the laboratory work was imported from the capitalist countries, a few were available from the block partners. Thus, it was increasingly difficult for Soviet scientists to keep up with the progress of the international research (RGAE: f. 7486, o.1.). Therefore, the command economy was responsible for not implementing the research findings in the work of the large-scale enterprises.

Khrushchev did not understand the need for raising efficiency by mechanization. Instead of providing every large-scale agricultural enterprise with the necessary transport and machinery to organize the production process, until the very end of the Soviet Union, almost all collective and state farms suffered from the lack of sufficient transport and machinery even for the minimal production needs, which determined huge losses of agricultural production during the harvest and transportation (Schinke, 1967: 20-28).

The lack of tractors and agricultural machinery for his virgin-land campaign made Khrushchev introduce the “harvest help” — bringing combines and transport from the southern regions to the virgin land where the harvest started later. This was considered an extraordinary measure at the beginning, but then this movement of transport and agricultural machinery between agricultural regions became routine in all state-run harvest campaigns. Later the transport of people was added — starting with the campaigns of the voluntary movement of the Party Youth — *komsomotsy* — to the virgin land. After that an ever-growing number of students and industrial workers was moved for the “harvest help” to the countryside all over the Soviet Union. Every year the republican authorities, for instance, the Council of Ministers and Central Party Committee of Ukraine, protested against the obligation to send part of their machinery together with the trained tractor and combine operators to the east (there was shortage of them in Ukraine too). Nobody calculated the enormous losses of this crazy back and forth movements for the national economy and for the republics (RGAE: f. 7486, o.1.). This form of the state handling of the basic means of production deprived the state and collective farms of any control of their economic results.

In 1958, Khrushchev made the collective farms buy the old broken machinery from the MTS at the prices of new equipment for he needed money for his space program. In 1959, due to the lack of liquid money reserves, the collective farms cut the orders of new machinery, which Khrushchev declared a proof of their having enough machinery and ordered to reduce the production of agricultural machinery (Merl, 2002a). The MTS liquidation could have ended the collective farms control by “two masters” and provided them with the machinery. However, the state agencies did not stop to interfere with the production decisions (Miller, 1970: 90-93, 165, 321-323). Although (unlike under Stalin) most chairmen of collective farms and directors of state farms were highly qualified agricultural specialists, they still (unlike heads of industrial enterprises) (Merl, 2017a) had to follow all orders “from above”. The final attempt to make the heads of the state and collective farms masters of their enterprises was made at the end of Khrushchev’s rule: in Kazakhstan, as an experiment, the director of the state farm Khudenko was given the full control of the farm’s machinery and workforce to organize production and remuneration. The experiment was successful but was stopped as questioning the need of the state apparatus. Khudenko was arrested for corruption and died in prison (Merl, 2019; RGAE: f. 7486, o.1).

By the MTS liquidation and attempts to build communism Khrushchev caused the out-migration of those needed for implementing a real reform based on technological innovations. In 1958, many tractor operators left the countryside for they feared to be returned to the miserable status of the collective farm member. Then those who dreamt of returning to private farming left. Thus, by the ideas of the communist agriculture Khrushchev destroyed the “peasant” consciousness in the Soviet countryside. Finally, many qualified heads of the collective farms resigned, who wanted no longer to fulfill the crazy orders “from above” (Merl, 2002a: 212-225). Under Khrushchev, the local party organizations started to successfully get rid of their unpopular responsibility for weak collective farms. After turning such collective farms into large state farms, as if a “higher” form of property, they could not be blamed for their economic failures. The new state farms rarely managed to be economically successful, but the direct control of the ministry made the state cover their losses (Wädekin, 1969; RGAE: f. 7486, o.1).

After Brezhnev became the General Secretary of the Party, there were radical changes in investments. The 1965 Plenum of the Central Committee gave priority to the investments in agriculture. Its share in total investment rose from 11 to 12 percent under Stalin, to 14 percent under Khrushchev, and to about 20 percent in the 1970s (Narodnoe..., 1987: 318). Under the outmigration caused by Khrushchev, just those better qualified and more competitive workers left agriculture, who were urgently needed for mechanization and automatization of the production processes, which partly determined

the outcomes of Brezhnev's policy of capital investment. In general, the remaining rural workforce lacked the necessary qualification and knowledge, the majority was only capable of manual labor (Wädekin, 1976: 212-215). Brezhnev's failure is even more evident in the perspective of the agricultural labor productivity. While mechanization in the capitalist countries led to the fast growth of productivity, it hardly had any effect in the Soviet Union (Wädekin, 1976: 212). Despite the capital input, the labor input in agriculture did not decrease. Although the number of those employed in agriculture decreased by 35 percent from 1959 to 1970 (from 33.2 to 21.8 million people), the number of labor days was reduced just by 2 percent (Wädekin, 1976: 202-203). Thus, the only effect was the reduction of the rural under-employment to zero.

Despite the large-scale agricultural structure, the share of the employed in the primary sector (agriculture and forest) reduced from 1950 to 1980 only from 48 to 20 percent, while in West Germany with its small-scale agriculture the corresponding numbers were 16 percent in 1950 and 5 percent in 1980. The Soviet numbers were extremely high in the international perspective. However, ever-growing numbers of students and workers were sent for the "harvest help" to the countryside. The share of this additional labor in the total labor input in agriculture increased from 0.6 percent in 1960 to 3 percent in 1974, and these numbers do not include soldiers and transport operators sent every year from the army to the state harvest campaigns (Wädekin, 1976: 200-201).

Since the mid-1950s, the main goal was to increase efficiency and to reduce the agricultural production costs. On January 3, 1968, the minister of agriculture Matskevits informed the *Politburo* to what extent this aim was not achieved. Together with the *Soyuzselkhoztehnika*, he proposed a plan of the whole mechanization of the agricultural production for Kosygin and Brezhnev. Matskevits considered the efforts of his ministry for twelve years to compare Western and Soviet agricultural technologies and to put new machinery constructions into mass production, and identified the deficiencies of inputs produced in the Soviet Union as compared to the technologies of the leading capitalist countries. He complained that the final construction proposals of the urgently needed machinery were never put into mass production due to the lack of raw materials or other priorities of the *Gosplan*. Moreover, it was not possible to stop the production of outdated machinery for the industry had to "fulfill the plan". The increasing use of harvesting combines often affected the yields negatively for the misconstruction of combines led to significant crop losses in the fields. Industry was not interested in the changes required by the Ministry of Agriculture (RGAE: f. 7486, o.1).

Brezhnev's investments determined the steadily increasing costs of the agricultural production, while its results were extremely poor regarding the increasing efficiency. Tikhonov calculated that the huge

investment in irrigation annually increased the yields just by 1 percent. The comparison with the European Union's (EU) agricultural policy ensuring the growth of agriculture's efficiency reveals the causes of such failures. Unlike the Soviet Union, in which per unit costs of agricultural production increased significantly in the 1960s and 1970s, the EU kept the production costs stable therefore, to make profit, the producers had no alternative than to increase productivity and reduce per unit costs. The EU producers achieved this goal successfully and replaced the expensive labor by capital input. Large subsidies of the EU served to increase not only productivity but also agricultural production. In the Soviet Union, the subsidies primarily kept the consumer prices at the fixed level below the costs of production, which required increasingly more money for there were no limits for the production costs. The state guarantee of the minimum wages for agricultural workers also did not stimulate the growth of efficiency. Most large-scale enterprises worked with losses but received state credits, which were written off from time to time. As the state decided on all inputs, enterprises had no chance to choose anything that would have the best effect for their efficiency. Thus, the state command in agriculture prevented any effective pressure to reduce production costs.

Although the increase of the Soviet agricultural producer prices from 1953 to 1955 aimed only at paying some money to the previously unpaid workforce of the collective farms, state officials were concerned about the increase in costs and looked for compensations. As the possibilities to reduce the net payment for agricultural products were limited, they decided to set higher prices for the "improved" inputs. The industry replaced the previous tractors and machinery by new models that were in general much more expensive but often of the same bad quality as the old models, which increased only the costs of production but not the efficiency (Jaehne, 1981: 59-61). For instance, from 1965 and 1975, the prices of tractors increased by 25 percent, of agricultural machinery and other inputs — by 50 percent. By the higher prices of new models, the industry compensated its losses from producing the price-fix old models and followed the myth of no inflation in the Soviet Union. Thus, the state command was responsible for the steady increase in input prices and its consequences for the agricultural production. The price policy for inputs followed some strange guidelines and did not reflect the real production costs. For example, unlike the western countries, the prices of wheeled tractors were higher than the prices of caterpillar tractors (Schinke, 1967: 18-20, 84-85; RGAE: f. 7486, o.1). The high share of caterpillar tractors contributed to the losses of the collective and state farms for these tractors could not make up for the general lack of transport and deprived the enterprises of the possibility to use tractors throughout the year.

The poor quality of the agricultural machinery produced in the Soviet Union explains the failure of mechanization. The agricultural

enterprises had to buy what the industrial enterprises produced and what the state apparatus ordered. Many tractors did not manage to work until the end of the producer's guarantee (RGAE: f. 7486, o.1). For special agricultural activities such as harvesting of potatoes or fodder production hardly any machinery was produced in the Soviet Union — it was imported from the GDR and other block members (Schinke, 1967: 66-68; RGAE: f. 7486, o.1). No machinery was provided for the production needs of small plots (RGANI: f. 5, o. 88 (1982). Heavy tractors damaged the soil; agricultural equipment often could not be used to the chronic shortage of spare parts. Soviet machinery not only broke down more often than the “capitalist” ones, but also needed days if not weeks to be repaired during peak times of sowing and harvesting. Spare parts including tires were always in short supply; quite often there was no fuel to use tractors; fertilizers managed to get only to the railway stations and, being unpacked, were spoilt in the open air (GAYO: f. 272, o. 249).

The state-run campaigns additionally reduced the agricultural production efficiency. After Stalin started such campaigns in 1928, they never stopped. The seasonal campaigns were widely covered by the mass media: preparations of spring sowing and repairs of agricultural machinery, preparations of harvesting and state procurement, after the World War II, there were also campaigns to provide transport, fuel, spare parts and people as the “harvest help”; preparations to feed the cattle over the winter and other activities within the “socialist competition”, after which thousands of the best workers were awarded with prizes and their names appeared in the media. The prizes were given for the production results hardly changing under the Soviet rule and quite poor compared to the western agriculture. Crop and milk yields in the Soviet “industrialized” agriculture were at the level typical for the pre-industrialized countries (about 2000 kg of milk per cow in the 1970s, while in the West — 4000-5000 kg). The “socialist competition” implied that the increase in production would be determined mainly by the labor input, which contradicted the very idea of the automatic production and complex mechanization.

The campaigns revealed the scale of mistrust to both local administrations and heads of the large-scale agricultural enterprises considering their independent activities. Moreover, the campaigns showed weaknesses of the command economy: the catastrophic scarcity of necessary inputs in agriculture and dysfunctions of the official system of agricultural supplies. Without the campaigns, the industry would have provided even less inputs and would not have taken into account the changing requirements of the agricultural year.

One of the main challenges was the lack of the qualified personnel in the countryside: people kept leaving it, which meant the waste of money for training together with the waste of money for producing machinery of poor quality. The MTS problems of person-

nel outflow and insufficient salaries were described already in 1938 (Merl, 2016). Despite never-ending complaints, these problems were never solved in the Soviet period (RGAE: f. 7486, o.1). Most people trained and sent to the agricultural enterprises soon quit their jobs. From those trained from 1950 to 1965 only 25 percent were still engaged in agriculture in 1967 (Schinke, 1967: 26-28). The satisfaction with jobs in agriculture was very low. Starting from Stalin, the regime never stopped to make the specialist a scapegoat for all deficiencies of the state-run agriculture. For a long time, salaries of specialists in the countryside were extremely low and living conditions were unbearable. Tractor and combine operators suffered from the lack of work during long winters: they made good money in the agricultural season, but in the rest of the year their incomes were too low. As trained workers they could easily find better jobs in the cities (Merl, 1990b; 2016). Brezhnev's measures to improve their living did not change the situation much, and the specialists' outflow was still high. As a result, the number of tractor and combine operators in agriculture increased less than the number of tractors and combines (Jaehne, 1981).

There is no reliable data on the complex mechanization that started only in the 1970s. The official statistics considered only large-scale enterprises, although a large share of livestock, vegetables and potatoes were produced by personal subsidiary plots. The statistical data showed successes: the complex mechanization of the cattle production in the large-scale enterprises increased from 9 percent in 1970 to 42 percent in 1980 and 68 in 1990. Mechanization of harvesting grain, sugar beet and flax finally reached 90 percent, while of potatoes — just 36 (Selskoe..., 1988: 413; 1995: 41]. Mechanization of the fodder harvesting was so low that no data were provided (Schinke, 1967: 66-68). However, the available data does not describe the quality and scale of mechanization. It was quite typical that the registered mechanized equipment was not used for a long time due to repairs and lack of spare parts (Schinke, 1967: 35-37). Moreover, the “complex” mechanization in general affected only a part of production due to many limitations such as transport, qualified workforce, quality of the needed inputs, missed optimal timing, great losses caused by the harvest machinery. Anyway, even with the part of work being mechanized, a lot of manual labor was still necessary, which explains a very slow economic progress from 1975 to 1985. While in the industry 51 percent of workers used machinery or automatic processes in 1985, only 24 to 29 percent workers did the same at the collective and state farms (11 percent in 1965 and 20 percent in 1979). In agriculture, even in 1985 still 69 to 73 percent of workers were engaged in manual labor, sometimes related to machinery (Jaehne, 1981: 57-58; Narodnoe..., 1987: 109]. The data proves to what extent the statistical successes of the complex mechanization were just new “Potemkin's villages”.

After the obvious failure of Brezhnev’s approach to the increase of efficiency and yields of the agricultural production by huge investments in machinery and social sphere, under the *perestroika*, the need to finally solve agricultural problems by the radical policy changes was admitted. The idea was to return more responsibility to the agricultural producer so that he would decide on how to fulfil the state production requirements. In the Stavropol Region, Gorbachev promoted a “new” form of labor organization — the contract team or brigade that takes on the production commitments and gets the necessary means of production to organize the production on its own responsibility. Stalin already in 1935 successfully introduced a similar form for producing industrial crops such as sugar beet: the *zveno* was a small group of mainly women-workers responsible for all steps of production (Merl, 1990b: 207-233).

In 1987, the campaign propagating the contract labor organization nationwide (GAYO: f. 272, o. 269, d. 1) started the new radical changes in the system of agricultural labor. At the beginning, the campaign brought little changes for local administrations, agro-industrial complexes (*APK*) and most heads of agricultural enterprises feared to lose control of the workforce and means of production. Their resistance became a driving force of the more radical reform.

When in 1988 meat and dairy products disappeared from the state shops, the need for the political action became evident and the ideas of the “radical reformers” got support. There was also some pressure “from below”: some managers really wanted to become masters of production. In 1989, first land-leasing and creating “*fermer*” farms were promoted (GAYO: f. 272, o. 269, d. 247, 255). The US-term for peasants (*farmers*) was chosen to clearly separate from the state-command agriculture. The reformers were convinced that agriculture could not feed the Soviet people because collectivization had turned peasants into wage-workers without peasant consciousness or understanding of all production processes. The reformers believed that “free labor” would be superior to “wage labor” as incapable to ensure the necessary connection to the land. Thus, only making the agricultural producers masters of the land was believed to overcome the food crisis.

The *APK* and the vast majority of the state-farm directors and collective-farm chairmen (the new “land-owners”) continued to sabotage the reform by providing the *farmers* with the land not suitable for production. In the early 1990s, the reformers believed that the large-scale enterprises had to be divided and their land distributed among the agricultural workers. Some republics adopted laws on private farming. When Eltsin came to power, he issued a decree on the reorganization of farms and bankruptcy for those working without profit.

The idea to provide every worker of the state and collective farms with about 4 hectares of land under privatization was not thought-out well but was supported by many Western advisors (Sikor, 2017). In 1992, the strong movement to become *farmers* started, but the average size of the land they got was only 40 hectares. There were little chances to get more arable land in the 1990s, for the State Duma did not adopt the article of the Constitution on the private land. 40 hectares were too small to start a viable peasant farm taking into account the farming technology in the early 1990s. Small private farming would have been a feasible concept only after Stalin's death, when the countryside was still extremely poor.] Agricultural machinery and scientific knowledge proved that only the capital-intensive farms could withstand the international competition. In the former GDR with the more intensive production, the average size of new private family farms was 130 hectares (Merl, 2017c). According to the more extensive production in most parts of Russia, the required average size of the private farm had to be from 500 to 1000 hectares (except for the farms producing special crops or organic production). Such a private farm required special qualifications and readiness to take risks. Even in East Germany, only a few households that got their land back wanted to start private farming. Thus, the majority of the large-scale enterprises survived after fundamental changes in their formal status and adapted to the new conditions (Merl, 2017c).

Most contemporary researchers believe that Russia did not produce enough food for its population. To what extent this was a misconception became clear after the Gaidar reform in 1992. The end of the command economy and state consumer prices strongly affected the consumer market. When the desired industrial consumer goods suddenly became available, many people preferred to buy cars, furniture, electronic devices and computers instead of meat, which determined a decline in the food demand, especially expensive meat products. Thus, it became evident that until 1991 there was an artificial overconsumption of meat products.

The 1990s were not a good time for the reasonable fundamental reform. The decline of the Russian agriculture worsened by the loss of access to the urban markets due to the food imports sent to Russia as a "hunger help" and general problems of the transition from the command economy to the market (legacy of collectivization). The Russian food sector could not compete with the western imports, which proved that the key problem of the Soviet agriculture was not so much the amount of agricultural production as underinvestment in the agricultural sector: outdated and broken technical equipment in processing, lack of adequate transport, storage, refrigerating and packing facilities were the features of the Soviet rule. In the today perspective, it is obvious that the Soviet Union suffered from the agricultural overproduction.

The reformers' plan that the high demand and attractive prices would create conditions for the agricultural modernization did not correspond to reality. Moreover, the producers suffered from the loss of access to the domestic market. Many urban markets were full of the western food-help to "prevent famine". In 1992-1993, in most regions the mafia structures emerged and earned money by offering "protection" (*krysha*) to those producing, transporting and selling products. Most *farmers* were totally excluded from the domestic market and could sell their products only at the roads next to their villages (Pallot, Nefedova, 2007). The large-scale enterprises temporarily used the barter changes of their products for machinery and other agricultural inputs.

The basic idea of the reformers was right: it was necessary to put an end to the state command in agriculture. The contract teams were the first step on the path to the revival of peasant consciousness. The agricultural producers — either *farmers* promoted in the early 1990s or large-scale enterprises — became the "masters" of all production decisions at their own risk. Not this conception but the wrong assessment of the situation at the Russian food market was the reason of the decade-long agricultural decline in the 1990s. Only in the 2000s, the new structure of agriculture developed fully to ensure in the next decade the growth of the agricultural productivity (plant and livestock production yields) higher than the Soviet level. This result was also achieved by the new state approach to agriculture in 2000, which was based on the state support and food security policy. Thus, after nearly a century, Russia finally returned to grain exports at the world market (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018; Merl, 2019).

Under the general food crisis, it was reasonable to allow to use land primarily for one's food supplies. Besides few household producers who wanted to develop their farming, the majority became temporary agrarian producers of food for consumption and local markets, although their labor productivity and yields were much below the average (Pallot, Nefedova, 2007) for there were many elderly people in the remote rural areas with low pensions. However, on the 1990s, the production share of these households (except for grain and industrial crops) was significant: in 2000, they produced 58 percent of the cattle and poultry, 51 percent of milk, 81 percent of potatoes and 71 percent of vegetables (Rossissky..., 2017: 363). After 2005, their share began to decrease especially in meat production, but in 2016, with 44 percent of milk production, 78 percent of potatoes and 67 percent of vegetables they still contributed significantly to the people's food supply (Rossissky..., 2017; Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018). Their share of production increasingly declined in the following years, and in about two or three decades they would have looked like German allotment gardens (*Schrebergärten*) that played an important role under the food crises after the World War II. Today they mostly serve for leisure, growing flowers and some fruits and vegetables for the mar-

ket prices for food are reasonable. Such a development is very likely for Russia, when new generations will no longer enjoy hard work at the household plots.

Putin's stabilization is based on the revival of the domestic demand. In the 2000s, urban incomes increased significantly and, thus, the demand for food, while the share of imports decreased (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018). The new state subsidies played an important role by making agriculture attractive for capital investors even not from the agricultural sector.

Today's success is based on the fundamental reorganization of agriculture by privatization in the early 1990s — enterprises and farms decide on inputs on their own and use the internationally available highly productive inputs (machinery and cattle breeds, fertilizers and pesticides) (Merl, 2019). This led to the remarkable increase in yields surpassing any numbers of the Soviet command agriculture and finally catching up in productivity with the leading western countries. The share of agriculture and forest industry in the Russian employment decreased from 13.9 percent in 2000 to 7.5 percent in 2016 (Rossiisky..., 2017: 114). However, this share is four times larger than in Germany. The growth of yields is typical for agrohholdings — successfully reorganized state and collective farms — and for some family farms — the result of the *fermer* movement. The average yields shown in the statistical data often do not present the real increase for they show only for total production including the household sector. Only the data on milk per cow for corporate enterprises is available: in 2016, they produced 5370 kg of milk per cow (in 1985 — 2334 kg, in 1990 — 2731 kg), while the average yield for all producers in 2016 was only 4218 kg per cow. As the agrohholdings provide about 50 percent of production, the other 50 percent is provided mainly by the household sector with about 3000 kg per cow (slightly above the Soviet level) (Merl, 2019: 52).

However, large-scale enterprises and households providing each a half of the milk production is a somewhat misleading picture. Market production comes primarily from corporate enterprises and family farms with more than 100 hectares of land. Today only these producers modernize their production, which extremely increases their yields. The rest of the producers — households, small family farms and some of the still existing state and collective farms — hardly take part in the market production, although they benefitted from using better seeds, leasing machinery, etc. Thus, today the agricultural sector is divided: some producers modernize their production and some do not; only the former will stay crucial for the future.

Since the early 2000s, there is a new trend: many large enterprises that emerged from the collective and state farms went bankrupt and/or were bought up by investors to create vertical holdings (Leonard 2011: 111-112). While most of the registered corporate enterprises in 2000 were still the remains of former collective and state farms,

in 2010, holdings got the largest share of land: for instance, in the south some of them reached hundreds of thousands of hectares. The whole-sale and retail food networks looking for large quantities of production of the standard high quality decided to create their own agricultural holdings. The former collective and state farm survived mainly on the less fertile soils in remote areas. Corporate enterprises still keep or increase their share in meat production (cattle and poultry, from 40 to 76 percent from 2000 to 2016) and milk production (from 45 to 49 percent). In grain and industrial crops production, their share is very high (though they slightly lose to private farms), but they produce only 14 percent of potatoes and 18 percent of vegetables (Rossiisky..., 2017: 363).

More than 250,000 families joined the *fermer* movement from 1992 to 1995, and quite many did it voluntarily. Only a small group of workers was very dissatisfied with the production processes under the state command and was ready to take the risk of becoming the new masters of the agricultural production. Many *farmers* were representatives of the former management of the agricultural farms or left the industry to enjoy the new freedom without the state command. In general, the situation was similar to the former GDR (Merl, 2017c). According to Pallot and Nefedova (2006), some *farmers* came from the former contract teams and brigades, some were forced to become *farmers* after their agricultural enterprises fell apart and stopped production. Many *farmers* in the early 1990s used their networks successfully to organize tractor and farm implements supplies. However, many failed in the end primarily due to the crisis of the 1990s.

It is still difficult to assess successes and failures of private farming on the basis of the statistical data for it includes many “dead souls”. The Russian peasant association ACCOR tries to prove the importance of private farms by inflating the numbers, but does not present the most important figures such as the average plant and livestock production yields at peasant farms. While in 1995 279,200 peasant farms were registered, their number fell only to 257,400 in 2006 and to 174,800 on July 1, 2016. Only a part of the registered *farmers* is engaged in production, some (20 percent in 2016) do not even have arable land. According to the official data, their average size in hectares was 43 in 1995, 75 — in 2006, and 248 — in 2016 (Rossiisky..., 2001: 404; 2006: 444; 2017: 378, 380). It is likely that more than a half of the official figure (especially farms with less than 20 hectares) produce only to satisfy their own needs.

To assess the prospects of peasant farms, it is necessary to consider their investments in the modernization of their economy and if the number of such farms grows. After 2000, peasant farms with 200 and more hectares had about 2/3 of the peasant-farm sector land. There were 13,000 farms in this group at the end of 2000, 18,100 — at the end of 2005, and 35,600 — in July 2016. Thus, an increasing part of the registered peasant farms develop successfully. To identify the real

number of the modernizing peasant farms we have to consider also those with 20 to 200 hectares — from 50,000 to 100,000 farms. There is also regional differentiation: the largest peasant farms can be found in the Volga Region and West Siberia (already in 2004 the average size was 130 to 160 hectares), the smallest farms are more common on the more fertile soils of the Northern Caucasus (in 2004 — about 30 hectares) (Pallot, Nefedova, 2007: 170-174).

The share of private farmers is still insignificant in meat production (it increased from 2 to 3 percent from 2000 to 2016). This sector became the most important in grain production and increased its share from 8 to 28 percent, while in milk production — from 2 to 7 percent, in the industrial crops production — from 29 to 31 in sun flower seeds, from 10 to 12 — in sugar beets, in vegetables — from 10 to nearly 15 percent, in potatoes — from 5.8 to 8.5 (Rossiisky..., 2017: 363).

To what extent did the *farmers* share the typical “peasant values” of giving up quick profits to ensure sustainable agricultural production, soil and environment protection? The available data does not provide answers to this question, but it is likely that private farms are more “peasant” in this sense than the majority of agroholdings. I doubt that agroholdings really care about sustainable agriculture; many capital owners are interested in agriculture just to make money. Agroholdings focus on that part of the production, in which mechanization and demand promise the biggest effect (and profits), and rarely think about sustainability. Therefore, it will be a priority for the future Russian agricultural sector not to allow agroholdings but to help peasant (family) farms to replace the household sector, which will also reduce the risks of the mono— (large-scale) structure of agriculture. To help the family farms to develop and strengthen, the state support (like from 1906 to 1928) is desirable. It is also necessary to support large farms that need well trained personnel and consulting agencies for marketing and investment. State investments in the local infrastructure (roads, services and living conditions) will play a decisive role. Taking into account the need in viable farms using the new agricultural technologies, the number of peasant farm for replacing the household sector can be quite small (Merl, 2017c).

Conclusion

The reform period after the emancipation successfully started to overcome both main obstacles on the way to the agricultural modernization to catch up with the developed countries: underemployment of the rural workforce and lack of demand for the high-value agricultural production. As both depended on the external impulses, industrialization and state support were indispensable. The expert assessments and proposals for the final version of the first five-year plan

were convinced of the viability of the peasant agriculture in the 1930s. However, the forced collectivization put an end to reforms by destroying the agricultural productive forces and, thus, aggravating the persistent rural underemployment. Under the state command, the socialist agriculture did not allow the heads of the large-scale agricultural enterprises (unlike the directors of industrial enterprises) to master their production, and, thus, failed to keep up with the western agriculture. After Stalin's death, the plan to increase efficiency (yields and agricultural labor productivity) by the complex mechanization failed. Until the very end of the Soviet period, the majority of agricultural workers used manual labor. Several popular myths about the Soviet agriculture can be debunk: that there was no chance to develop family farms in the late 1920s; that mechanization in the 1930s was necessary or contributed to modernization of agriculture; and that the "socialist industrial" agriculture managed the complex mechanization.

Starting from the reform of 1987, an important part of the Russian agriculture is still under modernization and increases yields to finally catch up with the western agriculture. The new approach partly followed the successful development of peasant farms until 1928. The end of the state command was the only way for the successful reform in 1987. The agricultural depression of the 1990s was the legacy of collectivization and the state command system, which hindered modernization of agriculture: machinery industry, transport, processing, storage and trading — all were in very poor condition. Under the general economic stabilization and the effective market-oriented state support for agriculture, the reform showed positive results such as increasing efficiency and changing agricultural structure. Thus, the household sector increasingly loses positions in production; with a half share of the agricultural production the corporate/holding sector works increasingly effectively. However, the further growth of the latter is risky for a part of its capital is invested with speculative purposes, and huge enterprises of hundreds of thousands of hectares bear the high risk of bankruptcy and idle arable land.

References

- Barsov A.A. (1969) *Balans stoimostnykh obmenov mezdu gorodom i derevnej* [Balance of Value Exchanges Between City and Village]. Moscow.
- Beyrau D. (1981) Reformen und soziale Beharrung im ländlichen Russland. G. Schramm (Ed.). *Handbuch der Geschichte Russlands: Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat (1856-1945)*. Stuttgart: Hiersemann, pp. 14-68.
- Bruisch K. (2014) *Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion*. Köln: Böhlau Verlag.
- Davies B., Wheatcroft S.G. (2004) *The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931-1933* (Industrialisation of Soviet Russia 5). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- GAYO (Gosudarstvenny Arkhiv Yaroslavl'skoi Oblasti) [State Archive of the Yaroslavl Region], Filial CDNI, Fond 272.

- Gorshkov B.B. (2018) *Peasants in Russia from Serfdom to Stalin. Accommodation, Survival, Resistance*. London: Bloomsbury Academic.
- Gregory P.R. (1982) *Russian National Income, 1885-1913*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Herzberg J. (2013) *Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion*. Bielefeld: Transkript.
- Hildermeier M. (2013) *Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München: Beck.
- Hoch S.L. (1994) On good numbers and bad population trends and peasant standard of living in late imperial Russia. *Slavic Review*, vol. 53, pp. 41-75.
- Hoch S.L. (2004) Did Russia's emancipated serfs really pay too much for too little land? Statistical anomalies and long-tailed distributions. *Slavic Review*, vol. 63, pp. 247-274.
- Hunter H., Szyrmer J.M. (1992) *Faulty Foundations. Soviet Economic Policy 1928-1940*. Princeton: Princeton University Press.
- Jaehne G. (1976) Landwirtschaft und Gesamtwirtschaft. *Sowjet-Landwirtschaft heute*. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 19-66.
- Jaehne G. (Ed.) (1981). *Sowjet-Landwirtschaft 1981*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Krebs Chr. (1983) *Die weltanschaulichen und wirtschaftstheoretischen Grundlagen der Agrartheorie im Marxismus-Leninismus*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Leonard C.S. (2011) *Agrarian Reform in Russia. The Road from Serfdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lincoln W.B. (1992) The genesis of an "enlightened" bureaucracy in Russia, 1825-1856. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 20, pp. 321-330.
- Medvedev Z.A. (1987) *Soviet Agriculture*. New York: Norton & Company.
- Merl S. (1981) *Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925-1928*. München, Wien: Oldenbourg.
- Merl S. (1985b) *Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur Staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928-1930)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Merl S. (1985a) Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. W. Fischer (Ed.). *Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit*. St. Katharinen: Scripta Mercaturae, pp. 175-229.
- Merl S. (1990a) *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930-1941*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (1990b) *Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (1991) Kollektivierung und Bauernvernichtung. D. Geyer (Ed.). *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*. Göttingen, pp. 103-132.
- Merl S. (Ed.) (1993) *Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des "Kriegskommunismus" und der Neuen Ökonomischen Politik*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (1995) Golod 1932-1933 godov — genotside Ukrainsev dlja osushchestvleniya politiki rusifikatsii? [Famine of 1932-1933 — genocide of the Ukrainians as a part of the russification policy?]. *Otechestvennaya istoriya*, no 1, pp. 49-61.
- Merl S. (1999) Einstellungen zum Privateigentum in Russland und in der Sowjetunion (19.-20. Jahrhundert). D. Sugarman, H. Siegrist (Eds.). *Eigentum im internationalen Vergleich: 18-20 Jahrhundert*, Göttingen, pp. 135-160.
- Merl S. (2002a) Entstalinisierung, Reformen und Wettlauf der Systeme 1953-1964. S. Plaggenborg et. al (Eds.). *1945-1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion*. Anton Hiersemann, pp. 175-318.

- Merl S. (2002b) Itogi podchineniya — socialnaya i ekonomicheskaya reorganizatsiya derevni [Results of the submission — social and economic reorganization of the village]. *Yaroslavsky pedagogichesky vestnik*, no 3, pp. 19-35.
- Merl S. (2008) Bauern in Kreditgenossenschaften: "Träume" und "Alpträume" der Staatsbank-Inspektoren, 1905-1917. W. Sperling (Ed.). *Jenseits der Zarenmacht. Dimensionen des Politischen im Russischen Reich, 1800-1917*. Frankfurt/M–New York: Campus, pp. 279-311.
- Merl S. (2011) Sowjetisierung in Wirtschaft und Landwirtschaft. *Europäische Geschichte Online (EGO)*. Mainz: IEG.
- Merl S. (2013) Kooperativnoe dvizhenie v tsarskoj Rossii i pervye gody sovetskoj vlasti: rol v natsionalno-gosudarstvennom stroitelstve [Cooperative movement in imperial Russia and in the first years of the Soviet power: Its role in the national-state building]: *Krestyanovedenie. Teoriya, Istoriya, Sovremennost. Uchenye Zapiski*, no 8, pp. 51-101.
- Merl S. (2016) Why did the attempt under Stalin to increase agricultural productivity prove to be such a fundamental failure? On blocking the implementation of progress in agrarian technology (1929-1941). *Cahier du Monde Russe: Terres, sols et peuples: Expertise agricole et pouvoir (XIX-XX siècles)*, vol. 57, no 1, pp. 191-220.
- Merl S. (2017a) Sovetskaya ekonomika; sovremennye ochenki [Soviet economy: Contemporary essays]. *Ekonomicheskaya istoriya*. Moscow, pp. 303-349.
- Merl S. (2017b) The peasants and the October Revolution. *Velikaya rossiiskaya revoljutsiya 1917: 100 let izucheniya*. Moscow, pp. 453-460.
- Merl S. (2017c) Agrarian transformation in the former GDR in 1989-2017: A success story? *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4, pp. 130-147.
- Merl S. (2018) Slavery in North America and serfdom in Russia in comparison: The role of civil society in its abolishment. *Britaniya: Istoriya, kultura, obrazovanie*. Yaroslavl, issue 4, pp. 416-424.
- Merl S. (2019) Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45-69.
- Miller R.F. (1970) *One Hundred Thousand Tractors*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Moon D. (1999) *The Russian Peasantry 1600-1930. The World the Peasants Made*. London–New York: Longman.
- Moon D. (2001) *The Abolition of Serfdom in Russia, 1762-1907*. Harlow.
- Narodnoe khoziaistvo SSSR za 70 let (1987)* [Soviet National Economy for 70 Years]. Jubileiny statistichesky ezhegodnik. M: Finansy i statistika.
- Pallot J., Nefedova T. (2007) *Russia's Unknown Agriculture. Household Production in Post-Communist Russia*. Oxford: Oxford University Press.
- Popov G. (1989) Dva tsveta vremeni ili uroki Chrushevcheva [Two colors of the time, or Khrushchev's lessons]. *Ogonek*, no 42, pp. 14-17.
- RGAE (Rossiiskiy Gosudarstvennyy Archiv Ekonomiki) [Russian State Economic Archive], Fond 7486 (Narodny kommissariat zemledeliya SSSR), Opis 1.
- RGANI (Rossiiskiy Gosudarstvennyy Archiv Noveishei Istorii) [Russian State Archive of Contemporary History], Fond 5.
- Rossiiskiy statistichesky ezhegodnik (2001, 2006, 2017) [Russian Statistical Yearbook]. Moscow.
- Schedewie F. (2006) Sozialer Protest und Revolution im Landwirtschaftlichen Zentrum Rußlands: Die Bauernaufstände im Kreis Ostrogozsk, 1905-1907. H.D. Löwe (Ed.). *Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur "Grünen Revolution" gegen die Sowjetherrschaft*. Wiesbaden: Harrasowitz, pp. 453-496.
- Scheibert P. (1973) *Die russische Agrarreform von 1861. Ihre Probleme und der Stand ihrer Erforschung*. Köln-Wien: Böhlau.
- Schinke E. (1967) *Die Mechanisierung landwirtschaftlicher Arbeiten in der Sowjetunion*. Wiesbaden: Harrasowitz.
- Schmieder M. (2017) "Fremdkörper im Sowjet-Organismus". *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922-1934*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Selkoe khoziaistvo (1988) [Agriculture]. Statistichesky sbornik.

- Selkoe khozyaistvo Rossii (1995) [Agriculture]. Statisticheskyy sbornik.
- Shanin T. (1972), *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society. Russia 1910-1925*. Oxford: Oxford University Press.
- Sikor T., Dorondel S., Stahl J., Xuan To P. (2017) *When Things Become Property. Land Reform, Authority, and Value in Post-Socialist Europe and Asia* (Max Planck Studies in Anthropology and Economy, no 3). New York–Oxford: Berghahn.
- Transcript (1998) of the conversations between the Soviet leadership and a Hungarian United Worker” delegation in Moscow on June 13, 1953. *Cold War International History Project. Bulletin* 10, pp. 82-86.
- Wolf M. (1928) O krestjanskom sovkhoze [On the peasant state farm]. *Pravda*. 6.6–11.7.1928.
- Wädekin K.-E. (1969) *Die sowjetischen Staatsgüter. Expansion und Wandlungen des Sowchozsektors im Verhältnis zum Kolchozsektor von Stalins Tod bis heute*. Wiesbaden.
- Wädekin K.-E. (1976) Arbeitskräfte — Mangel und Überschuss. *Sowjet-Landwirtschaft heute*. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 197-212.
- Wegren S.K., Nikulin A., Trotsuk I. (2018) *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table*. Lexington: Lanham.

Российские аграрные реформы с 1856 года по настоящее время: успехи и провалы в международном сопоставительном контексте

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета; Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд, Германия.
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Несмотря на свою изначальную отсталость, аграрный сектор играл решающую роль в российской/советской истории. До 1950-х годов он был основным сектором занятости и вносил огромный вклад в валовый внутренний продукт и валовую стоимость, пока принудительная коллективизация не уничтожила значительную часть сельскохозяйственных ресурсов. Автор утверждает, что освобождение крестьянства проложило путь для аграрной модернизации страны, формируя новую сельскохозяйственную структуру, основанную на рынке и экономических навыках глав крупных и семейных хозяйств. В статье обозначено три российских/советских подхода к аграрному реформированию (1856-1928, 1929-1987, с 1987 года) с точки зрения вклада в модернизацию сельского хозяйства и догоняющую стратегию по отношению к развитым странам. Автор полагает, что до 1928 года и (после аграрного спада 1990-х годов) с 2000 года Россия была успешна как в модернизации, так и в догоняющем развитии, хотя сталинская принудительная коллективизация сначала и породила застой. После Второй мировой войны коллективизация стала препятствием для какой бы то ни было версии «зеленой революции» (т.е. применения аграрных научно-исследовательских достижений). В условиях административно-командной системы слабая механизация не позволила увеличить производительность труда в сельском хозяйстве. Хотя Россия была известна сельскохозяйственными излишками еще до коллективизации, в последние годы своего существования Советский Союз был главным мировым импортером зерна. Только реформирование, начатое в 1987 году, устранило государственный административно-командный подход из сельского хозяйства, чтобы сделать сельскохозяйственных производителей вновь хозяевами собственных полей, что обусловило значительный рост производительности с 2005 года. Опираясь в переоценке аграрных реформ прошлого на недавние успехи, статья формулирует вопросы для дальнейших научных дискуссий. В частности, автор предлагает рассмотреть использование имеющейся сельской рабочей силы,

качество индустриальных ресурсов в сельском хозяйстве и степень, в которой сельскохозяйственные производители могли выступать полноправными хозяевами своего производства, — как наиболее адекватные критерии для оценки результатов аграрных реформ.

Ключевые слова: аграрная реформа, эффективность аграрного производства, освобождение, принудительная коллективизация, зеленая революция, механизация сельского хозяйства, модернизация, крестьянские хозяйства, сельская неполная занятость, социалистическое индустриальное сельское хозяйство, Александр II, Сталин, Брежнев, Хрущев, Горбачев, Путин

S. Merl

Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective

«Малые дела» в российском коммунитарном движении

И.А. Гордеева

Ирина Александровна Гордеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Исторического факультета Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва). 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: gordnepl@gmail.com

В статье на примере идей и деятельности А.Н. Энгельгардта (1832–1893) и Н.Н. Неплюева (1851–1908) рассматривается начальный период возникновения коммунитарного варианта «теории малых дел» в русском народничестве 1870–1890-х годов. Проекты Энгельгардта и Неплюева объединяла их принадлежность к коммунитарному направлению общественного движения, ориентация на практическую реализацию идей, а также то, что они оба были помещиками, по-новому поставившими вопрос о роли своего сословия в обновленной реформами стране.

Специфика общественных идеалов Неплюева и Энгельгардта заключалась в том, что они рассматривали свои идеи как альтернативу и насильственной революции, и либеральной программе преобразования страны. Они настаивали на том, что методы улучшения общества должны быть непременно мирными, связанными с повседневной преобразовательной деятельностью (в духе «теории малых дел») на локальном уровне, учитывать общинные традиции русского народа, но в то же время радикальными, направленными на коренное переустройство общества и самого характера отношений между людьми и социальными группами.

Поставив перед собой цель сделать русскую деревню культурной, Энгельгардт создал проект создания «интеллигентных мужиков» из образованных людей, базой для их «производства» стало его имение Батищево в Смоленской губернии конца 1870-х — начала 1880-х годов. Неплюев, наоборот, пытался получить «интеллигентных крестьян», давая сельскохозяйственное образование и христианское воспитание крестьянским детям. Результатом реализации его идей стало Православное Крестовоздвиженское Трудовое Братство, которое сочетало в себе идею христианской общины и трудовой артели (1890-е гг. — конец 1920-х годов).

Ключевые слова: теория малых дел, российское коммунитарное движение, А.Н. Энгельгардт, Н.Н. Неплюев, Крестовоздвиженское Трудовое Братство, русское народничество

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-88-105

«Теория малых дел», если рассматривать ее в максимально широкой трактовке как целый комплекс идей, направленных на теоретическое обоснование необходимости отказа от политической борьбы за изменение общественного строя и поиск форм созидательной деятельности интеллигенции на благо народа, сложилась в контек-

сте культурнического направления русского народничества, которое в конце 1870-х — 1880-е годы переживало идеологический кризис. Также ее появление было реакцией на неудовлетворенность общества результатами «либеральных» «Великих реформ», от которых ждали скорых и ощутимых позитивных изменений.

Коммунитарный вариант этой «теории», который возник в те же годы в среде «богочеловеков» А.К. Маликова, «интеллигентных мужиков» А.Н. Энгельгардта, участников «интеллигентных» земледельческих общин, толстовских колоний и строителей общин, аналогичных Трудовому Братству Н.Н. Неплюева, остается малоизученным, несмотря на то что именно его коммунитаризм позволяет связать это явление с аналогичными зарубежными движениями и проследить его судьбу вплоть до наших дней.

Коммунитарное движение — это один из четырех способов проведения в жизнь социальных преобразований (наряду с буржуазным индивидуализмом революционным способом изменения общества и реформизмом, стремящимся к постепенному введению социальных новшеств). Его участников объединяет цель изменения общества путем внутреннего духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины. Особенно важную роль коммунитаризм играл в XIX–XX веках в истории США, где его идеалы считаются важной характеристикой национального самосознания (Грунт, 1990). В России первые коммунитарные проекты совместной жизни и общего труда, имевшие целью указать путь к реорганизации всего общества, были задуманы еще в 40–50-е годы XIX века. С конца 1860-х годов мечты о самосовершенствовании в общине единомышленников все чаще стали воплощаться в практической деятельности, а стремление к организации «экспериментальных» общин приняло массовый характер и стало заметным общественным настроением (Гордеева, 2000)¹.

Задачей моей статьи является зафиксировать начальный период появления коммунитарной «теории малых дел» на примере возникновения двух направлений этого движения, одно из которых представлено идеями и деятельностью А.Н. Энгельгардта, а другое — Н.Н. Неплюева. Их объединяет не только коммунитарный характер и практическая направленность идей, но и то, что они оба были помещиками, по-новому поставившими вопрос о роли своего сословия в обновленной реформами стране. Они оба хотели видеть русскую деревню культурной, и если Энгельгардт задумал проект создания «интеллигентных мужиков» из образованных людей, то Неплюев, наоборот, пытался получить «интеллигентных крестьян» через сельскохозяйственное образование и христианское воспитание детей народа.

1. Материалы данной статьи являются переработанной версией тех частей диссертации, в которых речь идет о «батищевском эксперименте» и Трудовом Братстве Н.Н. Неплюева.

ИСТОРИЯ

Первый вариант коммуитарной «теории малых дел» связан с именем Александра Николаевича Энгельгардта (1832–1893). Энгельгардт известен в основном своими «Письмами из деревни», и гораздо меньше внимания уделяется его опыту по воспитанию в его имении Батищеве Дорогобужского уезда Смоленской губернии «интеллигентных мужиков» (конец 1870-х — начало 1880-х гг.) (подробнее см.: Гордеева, 2000: 126-156).

Бывший офицер-артиллерист и профессор химии, Энгельгардт был сослан в Батищево Смоленской губернии в 1871 году, и за несколько лет превратил ранее запущенное имение в «хозяйственное Эльдorado». Благодаря «Письмам из деревни», которые впервые появились в № 5 «Отечественных записок» за 1872 год, к концу 1870-х батищевское хозяйство стало знаменитым. Агрономическим опытом Энгельгардта заинтересовались правительство, сельскохозяйственные учебные заведения, географическое и вольно-экономическое общества, земства и частные лица. Однако этот трезво мыслящий хозяин, «делец, практик с удивительными организаторскими и предпринимательскими способностями» ([А.] [Н.] Энгельгардт, 1893), был озабочен не только проблемой доходности своего хозяйства, его волновало будущее страны, поэтому он предложил собственный проект общественного развития России в духе «теории малых дел».

Идея «интеллигентной деревни» возникла у Энгельгардта около 1877 года. Ему стало ясно, что главная беда российского сельского хозяйства — в отсутствии в селе образованных людей, в том, что знания, получаемые на народные деньги, не возвращаются крестьянам, отсутствует связь между теорией и практическими нуждами сельского хозяйства. В седьмом «Письме», опубликованном в 1879 году, он писал: «А где же теперь прогресс в хозяйстве? Кому же известно то, что выработано наукой, и кем оно применяется? Где, кроме дутых фальшивых отчетов, существует это пресловутое рациональное хозяйство? Что вышло из всех этих школ, в которых крестьянские мальчики отбывали агрономию? Что вышло из этих опытных хуторов, ферм, учебных заведений? Что они насадили? Да, наконец, куда деваются агрономы, которых выпускают учебные заведения? Одни идут чиновниками в коронную службу, другие идут такими же чиновниками на частную службу, где прилагают свои агрономические знания к нажиму крестьян посредством отрезков, выгонов» (Энгельгардт, 1999а: 303).

Энгельгардт пришел к убеждению, что помочь деревне можно только в том случае, если в нее вернутся культурные силы, которые можно создать путем воспитания из образованных горожан (к какому бы сословию они ни принадлежали) настоящих сельских хозяев, не только обладающих знаниями по агрономии, химии и другим необходимым для сельского хозяйства наукам, но и умею-

щих своими руками выполнить любую крестьянскую работу. Чтение специальной литературы и практику, которую проходят студенты сельскохозяйственных учебных заведений, Энгельгардт признавал недостаточными: «По моему мнению, человеку из интеллигентного класса нужно пробыть некоторое время *работником*, действительно *поработать* наряду с мужиком, *выучиться работать*, испытать на себе сельскохозяйственную *дисциплину*, воочию увидеть, какое значение имеют в хозяйстве *стихийные силы*»².

Это тем более необходимо, что в нашей стране, с точки зрения Энгельгардта, отношение к физическому труду специфическое: русские люди работать не умеют и не любят, в России считается, что «работать стыдно! Страшно, если образованный человек работает — неспроста должно быть!». За границей — иначе: американцы, немцы и прочие европейцы уважают людей труда и сами не брезгают им заниматься. «Почему же немец умеет? — спрашивал Энгельгардт. — Потому что он там у себя в Неметчине был работником-слесарем, пахарем и проч. Потому что там *не зазорным считается быть образованным и в то же время работать*... Образованный швейцарец варит сыр, доит коров; образованный немец работает на механическом заводе, управляет машиной; образованный американец пашет, косит, молотит. А у нас — работать — это стыдно, это страшно. Барин, хотя бы этот барин был только кончивший гимназию крестьянин, и вдруг работает, пашет! Как это можно? Барышня — и коров доит, какой срам! Или: это неспроста!»³ «У американца труд в почете, а у нас в презрении: это, мол, черняди приличествует. Какая-нибудь дьячковна, у которой батка зажился, довольно пятаков насобирал, стыдится корову подоить или что по хозяйству сделать: я, дескать, образованная, нежно-го воспитания барышня», — сокрушался Энгельгардт (Энгельгардт, 1999а: 351).

Однако кто же согласится на такие жертвы, кому захочется поменять городской комфорт, защищенность и благополучие на тяжкий труд с негарантированными результатами, материальные лишения и отсутствие культурного общения? Разница в оплате физического и умственного (не только чиновничьего, но и интеллигентного) труда в то время была очень велика. В поиске таких людей Энгельгардт сделал ставку на молодежь — самую беспокойную, идеалистически настроенную, энергичную, мобильную и альтруистичную часть общества. «Мало ли теперь интеллигентных людей, которые, окончив учебу, не хотят удовлетвориться обычной деятельностью — не хотят идти в чиновники? — писал он. — Люди, прошедшие университет, бегут в Америку и заставляются простыми работниками у американских плантаторов. Почему же думать, что не найдется людей, которые, научившись работать по-мужиц-

2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1881 г. 3 делопр-во. Д. 181. Л. 8.

3. Там же. Л. 8 об., 9.

ки, станут соединяться в общины, брать в аренду имения и обрабатывать их собственными руками при содействии того, что дает знание и наука» (Энгельгардт, 1999а: 304).

В седьмом и десятом «Письмах» (1879, 1881) Энгельгардт обратился к интеллигенции с призывом «сесть на землю»: «Неужели же участь всех интеллигентных людей служить, киснуть в канцеляриях? Неужели же земля не привлечет интеллигентных людей? <...> Интеллигентный человек нужен земле, нужен мужику. Он нужен потому, что нужен свет для того, чтобы разогнать тьму. Великое дело предстоит интеллигентным людям. Земля ждет их, и место найдется для всех» (Энгельградт, 1999а: 391, 393). Он был убежден в том, что его идея в случае успешной реализации сможет преобразить Россию: «Нам более всего нужны интеллигентные мужики, деревни из интеллигентных людей, что от этого зависит наше будущее. Если бы ежегодно хотя 1000 человек молодых людей из интеллигентного класса, получивших образование, вместо того, чтобы идти в чиновники, шли в мужики, садились на землю, мы скоро достигли бы таких результатов, которые удивили бы мир. Я верю, что в этом призвании русской интеллигентной молодежи» (Энгельгардт, 1999а: 448).

Решаясь на свой эксперимент, Энгельгардт связывал надежды на успех с тем, что искомое им настроение уже бытовало в среде молодежи. «Своим горбом созидать культуру в каком-нибудь медвежьем углу» (Осадчий, 1897: 3) — таково было стремление народников «культурнического» направления в 1870-е годы. Чаще всего «вернуть долг народу» они предполагали в виде агрономических знаний, просвещения, медицинской и юридической помощи. Но среди воспитанников Энгельгардта сильнее были иные настроения: они стремились служить народу не столько в качестве чиновников и представителей интеллигентных профессий («нравственность» подобных профессий подвергалась сомнению), но встать самим на место мужика, «влезть в его шкуру», «опроститься», предвосхищая в этом отношении толстовцев. Осуждение негативных последствий процесса разделения труда — обычный мотив коммуитарной критики современной цивилизации. Эти последствия стремились преодолеть, стирая границы между сословиями и пытаясь заниматься одновременно умственным и физическим трудом (Кривенко, 1879). К концу 1870-х годов подобное стремление уже породило особое направление общественного движения — движение интеллигенции «на землю».

В январе 1879 года один из первых учеников Энгельгардта, «севший на землю», Э.С. Сычугов писал ему из уфимской «интеллигентной» колонии: «Ведь этот факт (отречение от чиновничьей карьеры в пользу личного мужицкого труда) — ведь знамение времени? В хорошее время мы живем, Александр Николаевич!»⁴. Примечательно,

4. РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 189. Л. 21. об.

что Сычугов использовал выражение «знамение времени». Для семидесятников оно было хорошо знакомым — это название вышедшего в 1869 года романа Д.Л. Мордовцева, чрезвычайно популярного среди народников «культурнического» направления (Харламов, 1990: 164). Герои «Знамения времени» и повести Мордовцева «Новые русские люди» мечтают не о революции, а о труде, о слиянии с народом, они отвергли «звериный закон» революции и пошли в народ «не бунты затевать и не учить его», а самим «учиться у него терпению, молотбе и косьбе». С выпиской из «Знамений времени», которую в полиции приняли за «программу партии», Сычугов был арестован в 1874 году: «Мы идем в народ, в курные избы и будем там жить, будем там пахать и сеять — не современные идеи, а просто рожь, ячмень и пшеницу, а после уж и идеи, если достаточно удобрим почву, унавозим ее»⁵.

Интеллигенты, желающие научиться работать по-крестьянски, появились в имении Энгельгардта еще до публикации седьмого письма. По данным сына Александра Николаевича, Николая Энгельгардта, который собрал данные о «тонконогах»⁶, проживавших в Батищеве, первый практикант приехал к его отцу летом 1875 года, это был офицер, герой взятия Ташкента, с двумя «Станиславами» за боевые заслуги (Энгельгардт, 1999б: 523). Работали кто-то в имении в 1876 года, неизвестно, но на следующий год практикантов было уже двое, а потом с каждым годом их приезжало все больше и больше. Всего Николай писал о 79 (55 мужчин и 24 женщины), из которых 14 получили аттестаты об умении отлично работать. При этом он не считал «наезжавших на несколько дней, на неделю и быстро остывавших в своем юношеском, непрочном порыве», тех, кто «приезжал в Батищево посмотреть, поучиться, поработать, живя на деревне и похаживая в имение» (Энгельгардт, 1999б: 567, 571). В реальности желающих было больше, Энгельгардт просто не мог принять их всех (содержание практикантов обходилось довольно дорого, да и не все имели намерения, на которые он рассчитывал, — научившись работать, «сесть на землю», то есть сделаться «интеллигентным» крестьянином).

Общественный идеал Энгельгардта не носил революционного характера. Он не сочувствовал тем, кто шел в деревню ради пропаганды, и считал, что такие люди «не знают ни русского быта, ни русского мужика, ни русской истории», а их деятельность бесплодна. Он рассчитывал, что в деревне молодежь будет селиться не ради народа, а ради себя, ради своей совести: «Сочувствую я тем просвещенным людям, которые, сознав несостоятельность

5. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2293; Ф. 102. Оп. 1881 г. 3 делопр-во. Д. 1299. Л. 78 об.

6. А.П. Мертваго писал, что практикантов Энгельгардта называли «тонконогими» в связи с тем, что первый приехавший в Батищево обладал очень тонкими ногами (Мертваго, 1900: 44).

своей жизни, не удовлетворяясь деятельностью, представляющеюся им среди правящего класса, идут в мужики (без всяких задних мыслей) для того, чтобы трудами рук своих зарабатывать свой хлеб и жить не в разладе со своей совестью». Иначе таким людям «жизнь не в жизнь», они делают это «без всяких предвзятых мыслей о влиянии», которое будут оказывать на крестьян, не задумываясь о «полезности своей деятельности»⁷.

Ставя перед интеллигенцией в деревне чисто культурнические задачи (Энгельгардт, 1999а: 303-304, 391-393), он резко осуждал не только революционные методы борьбы, но и революционный образ мышления. Он просил своих детей предупреждать желающих научиться работать, что он «не сочувствует революционерам, радикалам и прочим»⁸. Петербуржцев, среди которых особенно сильны были революционные настроения, Энгельгардт считал испорченными политикой людьми и не верил, что они способны к созидательной деятельности. В 1881 году, когда к нему поступали письма принять в работники в основном из столицы, он жаловался: «Нынче ко мне просится много тонконогих, но, к сожалению, все больше из Петербурга, откуда редко приезжают дельные люди. До сих пор из Петербурга все больше были пустые болтушки, которые потом и сами не знают, зачем приехали»⁹.

Александр Николаевич предполагал, что интеллигентные земледельцы будут селиться общинами. Главной задачей интеллигентных поселений бывший профессор считал привнесение в деревню культуры и просвещения («нужен свет для того, чтобы разогнать тьму»). Общины интеллигентов должны послужить хозяйственными образцами для крестьянских общин, лучшими, чем «всякие образцовые казенные фермы или образцовые помещичьи имения» (Энгельгардт, 1999а: 415-416).

Необходимость именно общинной формы он обосновывал тем, что «при наших климатических и общественных условиях жить в одиночку интеллигентному человеку было бы очень трудно, в особенности на первых порах», поэтому лучше было бы интеллигентным людям «следовать примеру крестьян и соединяться в деревни, приобретать земли сообща, заводить хозяйство сообща, обрабатывать земли сообща» (Энгельгардт, 1999б: 528). Но вообще Энгельгардт на общинной форме не настаивал, считая, что «формы, в каких интеллигентные люди будут заводить хозяйство, могут быть различны» — «не в формах дело». Умеющие работать интеллигенты могли бы вступать в союз с крестьянами для совместного арендования и обработки земель, идти в крестьянские общины учителями, акушерками, докторами, агрономами, в качестве старост: «Покажи только, что ты действительно не праздноболтающийся, а настоя-

7. РГА.ЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Л. 37. Л. 9-9 об.

8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1881 г. 3 делопр-во. Д. 181. Л. 65 об.

9. Там же. Л. 63.

щий, способный работать умственный человек — и община примет тебя, признает тебя своим, будет слушать тебя и твою науку» (Энгельгардт, 1999а: 416).

Однажды ученики Энгельгардта даже набросали план такой «интеллигентной деревни» с артельной формой организации труда, который предусматривал, что работать в ней будут наравне интеллигенты и крестьяне. Целью образования артели провозглашалось «устройство деревни, которая, соединяя интеллигента и мужика, могла бы влиять на округу, как в видах развития общественности, так и в виде поднятия уровня сельского хозяйства» (Мертваго, 1900: 56). Впрочем, именно этот вариант учениками Энгельгардта реализован не был.

Бывало, что Энгельгардта посещали сомнения относительно перспектив выделки из образованной молодежи «интеллигентных мужиков»: «Может быть, только из мужиков могут выйти новые свободные интеллигентные люди. Может, моя мысль, чтобы интеллигентные люди делались мужиками — фантазия. Может быть, нынешние интеллигентные люди должны сгнить в чиновничестве; может быть, наши интеллигенты только и могут, что быть чиновниками, и всегда земледельческий труд и вообще физический труд будет считаться черным трудом, недостойным интеллигентных людей» (Мертваго, 1900: 51). Принято считать, что вскоре он разочаровался в своей идее и перестал принимать учеников.

Умер Энгельгардт 21 января 1893 года, но стремление образованных людей «к земле» не иссякло и в 1890-е. Пусть не сразу, но через много лет из практикантов Энгельгардта вышло немало настоящих работников, для некоторых из них сельское хозяйство стало делом всей жизни. Было и несколько попыток организовать «интеллигентные земледельческие общины», причем воспитанник Энгельгардта З.С. Сычугов стал одним из основателей самой большой и известной такой общины — Криницы, существовавшей близ Геленджика с 1886 года до конца 1920-х годов. В конце 1880-х эстафету создания «интеллигентных» земледельческих поселений подхватили толстовцы, среди которых был и В.И. Скороходов, любимый ученик Александра Николаевича (Скороходов, 1914а, б, в, г, д, 1915, 1916).

«Историческое призвание русского помещика» Н.Н. Неплюева¹⁰

Николай Николаевич Неплюев (1851–1908) родился в Черниговской губернии в старинной дворянской семье, глава семейства которой, черниговский предводитель дворянства Н.И. Неплюев оставил о себе славу реакционера. Образование, поначалу домашнее,

10. Подробную историю Трудового Братства Неплюева см.: Гордеева, 2000: 120–126, 367–368; 1997.

Николай завершил в столице, в 1875 году он закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Получив диплом, был прикомандирован к Баварскому посольству в Мюнхене, но уже в 1877 году бросил дипломатическую карьеру и, возвратившись в Россию, поступил вольнослушателем в Петровскую академию.

Сам он объяснял свое решение влиянием совести, мучившей его в чужих краях, которая особенно давала о себе знать на светских вечерах, балах и высоких приемах. После подобных мероприятий он часто ощущал духовное томление, его не покидало сознание «собственной никчемности» (Неплюев, 1902а: 275). Мистик и визионер, он впоследствии не раз рассказывал, что важную роль в принятии этого решения сыграло сновидение, повторявшееся многократно, где он видел себя в простой избе, окруженным крестьянскими детьми с такими одухотворенными лицами, что он чувствовал необыкновенное умиротворение (Неплюев, 1902, Т. 5: 14)¹¹. Раздумья о тяжелом положении крестьянства напомнили молодому дворянину вину его предков перед народом, по его словам, он начал «стыдиться прошлого своего сословия, как собственного греха», полюбив простой народ «не только любовью жалости, но и любовью раскаяния». Этот «кающийся дворянин» отнюдь не чувствовал себя «лишним человеком»: он решил лично принять «нравственную ответственность за предков перед детьми народа», вернуться в Россию и заняться делом народного образования.

Неплюев, как и другие участники коммунитарного движения, относился критически и к сложившейся в России социальной системе, и к деятельности революционных народников, критикуя не столько социальные идеалы последних, сколько методы их борьбы. Есть свидетельство, что известный народник Д.А. Лизогуб, в начале 1870-х годов мечтавший об интеллигентной колонии с целью привлечения в деревню интеллигенции, мог оказать влияние и на Неплюева (Хирьякова, 1932: 491)¹², который, однако, к идее насильственной революции относился резко отрицательно.

С сентября 1880 года Неплюев начинает активные выступления в печати, он выносит на суд общественного мнения свои мысли об «историческом призвании русского помещика» в обновленной России (Неплюев, 1880, 1881, 1882, 1883). О настроениях в современном ему российском обществе он писал:

«Многие реформы, и крупные реформы, были завершены, а всем казалось между тем, что это еще только начало, почти ничто, а что нечто заправское, хорошее где-то впереди. Об этом нечто — заправ-

11. Неплюев писал, что этот сон сбылся в мельчайших деталях через 5 лет.
12. Вполне возможно, что Неплюев и Лизогуб хорошо знали друг друга: их отцы были черниговскими помещиками, и Дмитрий, и Николай с 1871 по 1874 год учились на одном факультете Санкт-Петербургского университета, оба увлекались евангельскими идеалами.

ском и хорошем — страшно много мечтали, а оно все не приходило, будто все осталось по-прежнему. Крестьянин свободен, а ожидаемого преобразования с ним от этого ни на другой, ни на третий день реформы не последовало. Дано земство и опять-таки заседающие в нем гласные не только в мудрецов, но даже и в заправских граждан не обратились, а остались все теми же обывателями российскими. И возопили все разочарованные гласом велием. Пошел стон по земле православной. Какие это нам дали реформы, это не те, не заправские; дайте нам реформы заправские, а тогда, тогда... тогда вышло бы только, что и они не заправские».

Неплюев, высоко ценивший дух преобразований 1860–1870-х годов, однако, считал, что России в настоящее время необходимы не новые реформы, а новые люди и практическое осуществление христианских идеалов в общественно-политической жизни. Проблема в том, считал он, что под влиянием реформ изменились социальные учреждения, но люди остались все те же. Николай Николаевич не сомневался, что новые социальные учреждения повлияют на людей, по своему умственному и нравственному уровню пока еще до них не доросших, но свершится это постепенно, через несколько поколений. Во многом его проект был реакцией на неудовлетворенность общества результатами Великих реформ, стремлением защитить их дух и скорректировать их в христианском направлении.

Общественные идеи Неплюева отличаются ярко выраженной практической направленностью. В своих статьях он неоднократно писал, что мало иметь христианские идеалы, проблема России в том, что их никто не воплощает в жизнь, и призывал перейти «к честному осуществлению в собственной жизни того, что давно прекрасно проповедовалось и со всех церковных и многих университетских кафедр давно советовалось (альтруизм, общинное начало, единение и самопожертвование на пользу общую)» (Неплюев, 1903б: 11-12).

Что же конкретно предлагал он в начале 1880-х годов? В сложившейся в стране ситуации, писал Неплюев, нет смысла рассуждать о перспективах крупной земельной собственности, ее нужно принять как факт существующий, как «одну из могущественнейших сил государства, способную, как и всякая сила, быть употребленной с пользою» (Неплюев, 1902б: 243). Замечая, что «у цивилизованных народов “гнилого” Запада ужасаться и грустить о каком-нибудь зле — значит выискивать меры для борьбы с ним», «а у нас, “исторически воспитанных в духе бездеятельности, и скорбь, и ужас имеют более платонический характер» (Неплюев, 1902б: 245), Неплюев призвал помещиков к практической деятельности в направлении «улучшения крестьянского быта». Он согласился с тем, что универсального средства для улучшения положения крестьянства нет и не может быть и что меры, ведущие к поставленной цели, так же разнообразны, как разнообразны экономические условия раз-

личных регионов. Тем не менее Неплюев предложил всем сознательным помещикам «начать с малого»: после предварительного получения агрономического образования, знакомства с природными и экономическими условиями своего имения и местными мужиками устроиться в деревне. Как один из вариантов, писал Неплюев, для начала можно взять из беднейших семейств по одному ребенку на воспитание, вырастить их грамотными и трудолюбивыми, а впоследствии сдать им в аренду свою землю на выгодных условиях.

Неплюев был убежден, что «всякая революция вреднее всякого застоя. Полезен только мирный прогресс». Он опирался на идеи французского общества «социального мира» Фредерика Ле Пле, согласно которым, главной причиной всех революций является «дурное выполнение своего социального долга представителями социальных авторитетов. Когда духовенство, правительства, богатые люди и главы семей перестают сознавать свои нравственные обязанности и честно исполнять свой нравственный долг, нарушается социальная гармония и наступают такие социальные невзгоды, нетерпеливое желание отделаться от которых и приводит к социальным пароксизмам, именуемым революциями». Инициаторами экономического переворота в России должны стать, по мнению Николая Николаевича, сами помещики и государство: «Всякое изменение экономического строя должно исходить от людей имущих, для того, чтобы изменения эти не приобретали форму насилия» (Неплюев, 1902в: 307).

Николай Николаевич заявлял о необходимости мирного, постепенного, путем «малых дел» («лучше начать дело в малом размере, чем отложить его на неопределенное время») изменения социального строя страны («в духе христианства»). Отрицая революционный путь, он тем не менее использовал слово «переворот» для указания на радикальность желаемых им изменений. «Хлебом насущным для России я считаю мирный переворот в экономическом строе страны и реорганизацию сельских школ в воспитательные заведения», — писал он в работе 1883 года «Хлеб насущный», где подробно рассматривал свой общественный идеал и пути его достижения (Там же).

Либеральная пресса насмешливо отнеслась к альтруистическим устремлениям очередного «кающегося дворянина». Наиболее показательным ответом на первое выступление Неплюева была статья профессора И.И. Иванюкова, напечатанная в «Новом обозрении» и озаглавленная «Один из вопросов русской культуры». В ней Иванюков, легальный марксист по своим убеждениям, начисто отверг возможность того, что призыв «русского помещика» будет услышан и подхвачен, по причине того, что помещикам это невыгодно и нет такого стимула, который мог бы заставить их изменить свое отношение к жизни.

Профессор, напоминая о недавней речи Ф.М. Достоевского на празднике в честь Пушкина, связал идеи Неплюева с теку-

щей полемикой по «весьма старому вопросу: что чему предшествует — улучшение нравственной стороны человечества социальным учреждениям или социальные учреждения нравственным свойствам?» (Иванюков, 1881: 86). По мнению Иванюкова, не общественная нравственность влияет на социальное устройство, а наоборот, и поэтому разрешение возникших в России проблем возможно только с помощью реформ, а не проповеди личного самоусовершенствования, которая представляет собой всего лишь «весьма приличный декор», дающий возможность, «защищать самый бессмысленный, самый вредный застой» (Там же). Вывод Иванюкова был категоричным: пока не будет сдвигов в учреждениях, нравы помещиков не изменятся, реформы учреждений — дело правительства, а «нравы и понятия суть только обуславливаемые фундаментом надстройки», главная же задача современности — «свести все социальные вопросы на экономические» (Там же: 102).

В ответ возмущенный до глубины души Неплюев опубликовал новую брошюру под названием «Совесть. Стимул, забытый профессором Иванюковым при перечислении стимулов, обуславливающих человеческие деяния». В ней он писал, что, «гоняясь за призраком еще лучших социальных учреждений, никто не думал делать и того, что вполне возможно было сделать и при существующих» (Неплюев, 1902г: 263). Он заявил, что не согласен почти ни с одним словом Иванюкова и, «невзирая на запрещение его и его науки», возьмется за то дело, которое решил сделать смыслом своей жизни, а не будет ждать «тех неизвестных социальных учреждений, которые неизвестно когда будут дарованы... неизвестно кем» (Там же: 266).

С 1880 года Неплюев поселился в родовых имениях в местечке Янполь и хуторе Воздвиженском Глуховского уезда Черниговской губернии. С помощью своей матери, урожденной баронессы Шлиппенбах, и сестер Ольги Неплюевой и Марии Уманец, борясь с непониманием со стороны отца, Неплюев начал свое дело с того, что взял на воспитание нескольких крестьянских детей из бедных семей с целью дать им христианское воспитание и сельскохозяйственное образование. В 1885 году в Воздвиженском им была учреждена мужская сельскохозяйственная школа, а в 1891-м открыта и женская. Школы пользовались огромной популярностью среди крестьян, в них давалось не только специальное образование, но и религиозно-нравственное воспитание, к тому же дети были на полном обеспечении при отсутствии платы за учебу.

В августе 1889 года состоялся первый выпуск сельскохозяйственной школы. Для выпускников, не захотевших расставаться со своим воспитателем, была организована сельскохозяйственная артель — Крестовоздвиженское Трудовое Братство. Идеи основы Братства Неплюев описал в ряде статей и книг, результа-

том его теоретической мысли была очень близкая к коммунистической идеология, которая, однако, имела своим основанием христианские идеи.

Социальный идеал Неплюева носил христианско-социалистический характер: его идея трудовых братств предполагала воспитание в крестьянах христианского духа и «дисциплины» любви, но также и создание земледельческих артелей, которые будут арендовать землю и обрабатывать ее сообща (Неплюев, 1902в: 304)¹³. Трудовые братства могли бы стать основой «бесконечного мирного прогресса»: Неплюев надеялся, что его дело будет подхвачено богатыми людьми, представителями других слоев российского общества и самим государством, по всей России будут возникать новые братства, и не только земледельческие, а и промышленные, торговые, братства людей либеральных профессий. Цель же — не столько экономическая, сколько идеологическая — доказать «возможность организации всех родов труда, земледелия, промышленности и торговли на братских началах, чуждых тех приманок корысти, которые обращают весь мир в одну биржу» (Неплюев, 1902д: 19-20).

Каждый выпуск давал Братству новых членов, оно росло, обрабатывало взятую у Неплюева в аренду землю, строилось и благоустраивалось. Неплюев считался Блюстителем Братства, которое управлялось Думой, а делилось на братские семьи, каждая из которых занималась каким-то особым видом деятельности (семья учителей, прачек и т. д.) и носила имя какого-нибудь святого. Утверждение устава Братства заняло целых восемь лет (первая попытка была предпринята в декабре 1885 года, при учреждении мужской школы, а утвержден устав был лишь в декабре 1893 года), поэтому официальная церемония его открытия состоялась только 22 июля 1895 года. И светские, и духовные власти опасались Неплюева, ведомого сильным религиозным чувством, и всячески препятствовали его начинаниям. Часть работ Неплюева была напечатана за границей по цензурным соображениям.

К 1900 году Братство насчитывало 150 человек, а вместе с воспитанниками школ общее количество «неплюевцев» превышало 300. В декабре 1901 года Неплюев передал в дар Братству недвижимое имущество, состоявшее из 16 435 десятин земли с лесом, постройками и заводами. Несмотря на то что Братство знало трудные времена, когда существование внутренней оппозиции ставило его на грань разрушения, Неплюев считал свой опыт удавшимся. В 1903 году он писал: «Двадцати лет радостных трудов оказалось достаточным, чтобы частный человек мог подарить церкви и отечеству своему живую, здоровую клетку, состоящую из живых ду-

13. Для этих целей он находил справедливым даже обязательное отчуждение у помещиков, за соответствующее вознаграждение, земель, которые не обрабатываются собственными средствами, а сдаются ими в аренду.

хом и здоровых телом и духом людей, сплоченных любовью к Богу и к друг другу в одну братскую семью, полную духа мира и единения в братолюбии... Создать трудовое общество с этим характером было для меня насущною потребностью веры, разума, совести и любви к Богу, моему Государю, Церкви Православной, к моему отечеству, к дворянству, интеллигенции, народу и всему человечеству. Теперь это сокровище я приношу в дар России» (Неплюев, 1903а: 33).

Скоропостижная смерть Неплюева в 1908 году не означала конец его дела. Во главе Братства стала его сестра М.Н. Уманец, а воспитанные им братчики сумели справиться и с хозяйством, и с внутренним управлением общины, число членов которой росло и вскоре достигло 500 человек. После Октябрьской революции христианские формы общежития Трудового Братства были превращены в «коммунистические», на его месте были коммуна, артель и совхоз (Авдасев, 2013: 266-267; Игнатович, 2018). Выселение в конце 1920-х годов братчиков из Воздвиженского обернулось не только ломкой их судеб, но и полным забвением дела Неплюева и его идей до начала 1990-х годов.

Неплюев соединил в себе черты христианского социалиста и русского народника, консервативного романтика западного образца и очень нетипичного славянофила, последовательного социального утописта, редчайшего типа православного коммунитариста и экумениста. Опыт Неплюева по созданию братства в настоящее время изучается в Свято-Филаретовском православно-христианском институте и частично претворяется в жизнь в Преображенском содружестве малых братств.

Специфика общественного идеала участников коммунитарного движения заключалась в том, что они рассматривали его как альтернативу и насильственной революции, и либеральной программе прогресса путем изменения «внешних» социальных учреждений. А.Н. Энгельгардт, Н.Н. Неплюев и многие другие их единомышленники имели собственные представления о методах улучшения общества — они представляли их непременно мирными, связанными с повседневной преобразовательной деятельностью на локальном уровне, связанными с общинными традициями русского народа, но в то же время радикальными, направленными на коренное переустройство общества и самого духа отношений между людьми и социальными группами. В рамках данного направления, которое в последней четверти XIX века было сосредоточено на «малых делах», в истории России впервые возникает идея, согласно которой «малые дела» и на первый взгляд незначительные изменения в исторической перспективе могут повлечь за собой большие социальные и культурные последствия поистине революционного характера. В следующем, XX веке этот подход будет воспринят массовыми социальными движениями пацифистского толка, влияние которых в мире ощутимо до сих пор.

- ИСТОРИЯ А[лександр] Н[иколаевич] Энгельгардт (22 июля 1832 г. — 21 января 1893 г.): [Некролог] (1893). СПб.: Тип. В. Демакова. С. 7-8.
- Авдасев В.Н. (2013). Коммуна и коммунизм: Об истории Воздвиженского Трудового Братства в советский период 1918–1929 гг. // Служение Богу и человеку в современном мире: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 28–30 сентября 2011 г.). М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение». С. 266-267.
- Гордеева И.А. (1997). Н.Н. Неплюев: Судьба помещика в пореформенной России: Дипл. работа студентки 5-го курса Историко-архивного института. М.: Рос. госуд. гуманит. ун-т.
- Гордеева И.А. (2000). Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: Дис. ... к-та ист. наук. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т.
- Грунт З.А. (1990). Альтернативное движение и общество: Опыт американского коммунизма // Массовые движения в современном обществе. М. С. 84-102.
- Иванюков И.И. (1881). Один из вопросов русской культуры: (По поводу брошюры Неплюева) // Новое обозрение. № 1.
- Игнатович Н.Д. (2018). К вопросу об истории Крестовоздвиженского Братства в советское время // Православные братства в истории России: К 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: В 2 ч. Ч. 2. М. С. 230-244.
- Кривенко С.Н. (1879). Физический труд как необходимый элемент образования. СПб.
- Мертваго А.П. (1900). Не по торному пути: Из воспоминаний (1878–1888 гг.). СПб.
- Неплюев Н.Н. (1880). Историческое призвание русского помещика. М.
- Неплюев Н.Н. (1881). Совесть. Стимул, забытый проф. Иванюковым при перечислении стимулов, обуславливающих человеческие деяния. Страница из жизни помещика. М.
- Неплюев Н.Н. (1882). Мысли и советы искреннего друга. М.
- Неплюев Н.Н. (1883). Хлеб насущный. М.
- Неплюев Н.Н. (1902а). Полное собрание сочинений. СПб.
- Неплюев Н.Н. (1902б). Историческое призвание русского помещика // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.
- Неплюев Н.Н. (1902в). Хлеб насущный // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.
- Неплюев Н.Н. (1902г). Совесть. Стимул, забытый профессором Иванюковым при перечислении стимулов, обуславливающих человеческие деяния. Страница из жизни помещика // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.
- Неплюев Н.Н. (1902д). К лучшему будущему // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.
- Неплюев Н.Н. (1903а). Доклад Глуховскому комитету высочайше утвержденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о крестьянской общине. СПб.: Тип. Тиханова.
- Неплюев Н.Н. (1903б). Частное ответное письмо Н.Н. Неплюева на письмо священника Иванова. СПб. С. 11-12.
- Осадчий Т. (1897). Образованные земледельцы в Южной Руси. Киев.
- Скороходов В.И. (1914а). Из воспоминаний старого общинника. У Энгельгардта и в Буковской общине // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 2. С. 129-138.
- Скороходов В.И. (1914б). Из воспоминаний старого общинника. У Энгельгардта и в Буковской общине // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 3. С. 92-101.
- Скороходов В.И. (1914в). Из воспоминаний старого общинника. Глава II. На Кавказе // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 4. С. 93-100; № 6. С. 99-103; № 7. С. 101-104; № 8-9. С. 119-127.
- Скороходов В.И. (1914г). Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 11. С. 77-84.

- Скороходов В.И. (1914д). Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 12. С. 65-82.
- Скороходов В.И. (1915). Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 5. С. 83-91.
- Скороходов В.И. (1916). Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 7/8. Стб. 211-224.
- Харламов В.И. (1990). Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х гг. XIX в. // Революционеры и либералы России. М.: Наука.
- Хирьякова Е. (1932). Воспоминания и некоторые сведения о Дмитрие Андреевиче Лизогубе // Звенья. М.; Л. Вып. 1.
- Энгельгардт А.Н. (1999а). Из деревни. 12 писем, 1872–1887. СПб.
- Энгельгардт Н.А. (1999б). Александр Николаевич Энгельгардт и батищевское дело // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем, 1872–1887. СПб.

“Small deeds” in the Russian communitarian movement

Irina A. Gordeeva, PhD (History), Associate Professor, Department of Church-History Disciplines, Faculty of History, St. Philaret's Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062. E-mail: gordnepl@gmail.com

The article considers the ideas and work of Alexander Engelgardt (1832-1893) and Nikolai Nepluev (1851-1908) as the first stage of the communitarian version of the “small deeds” branch in the Russian populist movement of the 1870-1890s. The common features of Engelgardt and Nepluev projects were their communitarian spirit and practical orientation. Moreover, they were landowners who questioned the role of their estates in Russia after the Great Reforms. The social ideals of Engelgardt and Nepluev opposed both the concept of violent revolution and the idea of liberal reforms. They insisted that the methods of social development had to be (1) peaceful and based on the everyday local transformations in the spirit of “small deeds”, thus, following the communal traditions of the Russian peasantry; (2) radical enough to ensure both deep transformations of the Russian society and the very type of its social relations. Engelgardt aimed at making the Russian village cultural by turning educated people into “intelligent peasants”. In the late 1870s — early 1880s, in his estate Batischevo in the Smolensk Province, he tried to “produce” intelligent peasants. On the contrary, Nepluev tried to “produce” intelligent peasants from peasant children by agricultural education and Christian upbringing. He succeeded in establishing the Orthodox Exaltation-of-the-Holy-Cross Labor Brotherhood that combined the ideas of Christian community and labor *artel* (1890s — late 1920s)

Key words: “small deeds” theory, Russian communitarian movement, Alexander Engelgardt, Nikolai Nepluev, Exaltation-of-the-Holy-Cross Labor Brotherhood, Russian populism

References

- A[leksandr] N[ikolaevich] Engelgardt (22 iyulya 1832 g. — 21 yanvary 1893 g.): [Obituary] (1893), Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova, pp. 7-8.
- Avdasev V.N. (2013) Kommuna i kommunizm: Ob istorii Vozdvizhenskogo Trudovogo Bratstva v sovetsky period 1918–1929 gg. [Commune and communism: On the history of the Exaltation Labor Brotherhood in the Soviet period of 1918–1929]. *Sluzheniye*

- Bogu i cheloveku v sovremennom mire*, Moscow: Kulturno-prosvetitel'skiy fond "Preobrazhenie", pp. 266-267.
- Gordeeva I.A. (1997) *N.N. Neplyuev: Sudba pomeshchika v poreformennoy Rossii* [N.N. Neplyuev: The fate of the landowner in the post-reform Russia]: Diplomnaya rabota studentki 5-go kursa Istoriko-arkhivnogo instituta, Moscow: RGGU.
- Gordeeva I.A. (2000) *Kommunitarnoe dvizhenie v Rossii v posledney chetverti XIX v.* [The communitarian movement in Russia in the last quarter of the 19th century]: Diss. k.i.n., Moscow: RGGU.
- Grunt Z.A. (1990) Alternativnoe dvizhenie i obshchestvo: Opyt amerikanskogo kommunitarizma [Alternative movement and society: American communitarianism]. *Massovye dvizheniya v sovremennom obshchestve*, Moscow, pp. 84-102.
- Ivanyukov I.I. (1881) Odin iz voprosov russkoy kultury: (Po povodu broshyury Neplyuyeva) [One question of the Russian culture: (on Neplyuev's booklet)]. *Novoe obozrenie*, no 1.
- Ignatovich N.D. (2018) K voprosu ob istorii Krestovozdvizhenskogo Bratstva v sovetskoye vremya [On the history of the Exaltation-of-the-Holy-Cross Brotherhood in the Soviet period]. *Pravoslavnye bratstva v istorii Rossii: K 100-letiyu vozzvaniya patriarkha Tikhona ob obrazovanii dukhovnykh soyuzov*, vol 2, Moscow, pp. 230-244.
- Krivenko S.N. (1879) *Fizicheskiy trud kak neobkhodimy element obrazo-vaniya* [Physical Labor as a Necessary Element of Education], Saint Petersburg.
- Mertvago A.P. (1900) *Ne po tornomu puti: Iz vospominaniy (1878-1888 gg.)* [Not the Beaten Track: From Memoirs (1978-1888)], Saint Petersburg.
- Neplyuev N.N. (1880) *Istoricheskoe prizvanie russkogo pomeshchika* [Historical Calling of the Russian Landowner], Moscow.
- Neplyuev N.N. (1881) *Sovest. Stimul, zabytyy prof. Ivanyukovym pri perechislenii stimulov, obuslovlivayushchikh chelovecheskie deyaniya. Stranitsa iz zhizni pomeshchika* [Conscience. A Stimulus Forgotten by the Prof. Ivanyukov in the List of Human Behavior Incentives. A Page from the Landowner's Life], Moscow.
- Neplyuev N.N. (1882) *Mysli i sovety iskrennego druga* [Thoughts and Advice of a Sincere Friend], Moscow.
- Neplyuev N.N. (1883) *Khleb nasushchny* [Daily Bread], Moscow.
- Neplyuev N.N. (1902a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works], Saint Petersburg.
- Neplyuev N.N. (1902b) *Istoricheskoe prizvanie russkogo pomeshchika* [Historical calling of the Russian landowner]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3., Saint Petersburg.
- Neplyuev N.N. (1902v) *Khleb nasushchny* [Daily bread]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3, Saint Petersburg.
- Neplyuev N.N. (1902g) *Sovest. Stimul, zabyty professorom Ivanyukovym pri perechislenii stimulov, obuslovlivayushchikh chelovecheskie deyaniya. Stranitsa iz zhizni pomeshchika* [Conscience. A stimulus forgotten by the Professor Ivanyukov in the list of human deeds incentives. A page from the landowner's life]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3, Saint Petersburg.
- Neplyuev N.N. (1902d) *K luchshemu budushchemu* [For a better future]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3, Saint Petersburg.
- Neplyuev N.N. (1903a) *Doklad Glukhovskomu komitetu vysochayshe utver-zhdennogo Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promysh-lennosti po voprosu o krestyanskoj obshchine* [Report to the Glukhov Committee of the Highest Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry on the peasant community], Saint Petersburg: Tipografiya Tikhanova.
- Neplyuev N.N. (1903b) *Chastnoe otvetnoe pismo N.N. Neplyueva na pismo svyashchennika Ivanova* [Private reply letter of N.N. Neplyuev to the priest Ivanov], Saint Petersburg.
- Osadchy T. (1897) *Obrazovannyye zemledeltsy v Yuzhnoy Rusi* [Educated Farmers of Southern Russia], Kiev.
- Skorokhodov V.I. (1914a) *Iz vospominaniy starogo obshchinnika. U Engelgardta i v Bukovskoy obshchine* [From the memoirs of the old community member. At Engelgardt's and in

- the Bukovsky community]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 2, pp. 129-138.
- Skorokhodov V.I. (1914b) Iz vospominaniy starogo obshchinnika. U Engelgardta i v Bukovskoy obshchine [From the memoirs of the old community member. At Engelgardt's and in the Bukovsky community]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 3, pp. 92-101.
- Skorokhodov V.I. (1914v) Iz vospominaniy starogo obshchinnika. Glava II. Na Kavkaze [From the memoirs of the old community member. Chapter 2. In the Caucasus]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 4, pp. 93-100; no 6, pp. 99-103; no 7, pp. 101-104; no 8-9, pp. 119-127.
- Skorokhodov V.I. (1914g) Vospominaniya starogo obshchinnika [Memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 11, pp. 77-84.
- Skorokhodov V.I. (1914d) Iz vospominaniy starogo obshchinnika [From the memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 12, pp. 65-82.
- Skorokhodov V.I. (1915) Iz vospominaniy starogo obshchinnika [From the memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 5, pp. 83-91.
- Skorokhodov V.I. (1916) Iz vospominaniy starogo obshchinnika [From the memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 7/8, pp. 211-224.
- Kharlamov V.I. (1990) Publitsisty "Nedeli" i formirovanie liberalno-narodnicheskoy ideologii v 70–80-kh gg. XIX v. [Publicists of the Nedelya and the development of the liberal-populist ideology in the 70s–80s of the 19th century]. *Revolutsionery i liberaly Rossii*, Moscow: Nauka.
- Khiryakova E. (1932) Vospominaniya i nekotorye svedeniya o Dmitrii An-dreeviche Lizogube [Memories and some information about Dmitry Andreevich Lizogub]. *Zvenya*, Moscow–Leningrad, issue 1.
- Engelgardt A.N. (1999a) *Iz derevni, 12 pisem, 1872–1887* [From the Village, 12 Letters, 1872–1887], Saint Petersburg.
- Engelgardt N.A. (1999b) Aleksandr Nikolaevich Engelgardt i batishchev-skoe delo [Alexander Nikolaevich Engelhardt and the Batishchev case]. *Iz derevni. 12 pisem, 1872–1887*, Saint Petersburg.

Сельский Крым и его агрохолдинги¹

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

«Холдингизация» сельского хозяйства в регионах России приводит к изменению траекторий сельского развития. Характер взаимодействия бизнес-групп с властью и местными жителями вызывает интерес у академического сообщества. Процесс концентрации агропроизводства в руках крупных компаний имеет региональные особенности в зависимости от уровня интеграции, существуют регионы с высокой долей холдингов в структуре производства сельхозпродукции (например, Белгородская и Воронежская области) и, напротив, со значимым производством в домашних хозяйствах населения (Дагестан, Крым, Тува). Статья рассматривает Республику Крым как участника вновь возникшей холдингизации агропроизводства, где нарастание доли сельхозпредприятий в структуре производства совмещается с доминированием неформальной домашней экономики. Кроме того, рассмотрено влияние агрохолдингов на развитие сельских территорий и агропроизводства на примере крупнейшего крымского производителя сельхозпродукции.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельская местность, агрохолдинг, сельское развитие, интегрированная бизнес-группа, Республика Крым

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-106-129

Россия сегодня дает нам наглядные примеры диспропорции в региональном развитии, здесь сосуществуют постиндустриальные регионы (Москва, Санкт-Петербург) и развивающиеся с преобладанием аграрного сектора (Тыва, Калмыкия). Перераспределение финансовых потоков и дотирование отстающих позволяет сократить экономическое отставание, но трансферты не избавляют от него из-за базовых различий территорий: исторических, культурных, природно-климатических, ресурсных, институциональных и прочих особенностей, определяющих тенденции их социально-экономического развития.

В аграрном секторе ситуация схожая. Стремительная урбанизация и активная механизация сельского хозяйства способствова-

---

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Агрохолдинги и сельские территории: модели взаимодействия крупного агробизнеса с муниципальной властью и сельскими сообществами».

ли трансформации отрасли. Если до 1917 года основной движущей силой российского аграрного производства являлось единоличное крестьянское хозяйство, то в период социалистического строительства это были коллективные хозяйства разных форм: коммуны, товарищества по обработке земли (ТОЗы), колхозы, совхозы и пр. После возвращения к свободной рыночной экономике у властей сложилось опрометчивое убеждение, что громоздкие колхозы можно легко заменить мелкими фермерами по американскому образцу. Однако этого не случилось в силу многих причин, в том числе непоследовательности государственной поддержки фермерства, психологических особенностей селян и усилившегося процесса «латентной» урбанизации. Система коллективных хозяйств в регионах имела различные траектории развития. В силу природно-климатической неоднородности и менталитета жителей: в южных регионах колхозы трансформировались в агрофирмы, а в Нечерноземье частично обанкротились и превратились в руины, хотя ситуация не столь однозначна (подробнее см., например, в статьях Т.Г. Нефедовой (Нефедова, 2003; Нефедова, 2004)).

В некоторых российских регионах формируются крупные аграрные холдинги, включающие весь цикл производства сельскохозяйственной продукции: от выращивания пшеницы до производства готовых хлебобулочных изделий и их реализацию. Они постепенно аккумулируют большие средства земельных банков и выходят на транснациональные рынки сбыта продукции. В государствах с традиционной рыночной экономикой, где процесс *холдингизации* был запущен намного раньше, уже сформировались крупные транснациональные агропромышленные корпорации, владеющие активами в том числе и в России. После появления агрохолдингов в России сельское хозяйство перестает быть атрибутом исключительно села, агропроизводство мигрирует из депопулирующих деревень в пригородные районы и малые города. Довольно хаотичная и непоследовательная трансформация агропромышленного сектора стала одной из причин формирования многоукладной сельской экономики с широким спектром разномасштабных предприятий.

Особняком среди российских регионов стоит Республика Крым, до 2014 года находившаяся под юрисдикцией Украины и участвовавшая в украинских трансформационных процессах. Распад системы коллективных хозяйств, аграрное перенаселение, рост пространственной мобильности населения, особенности государственного участия в преобразованиях аграрного сектора, санкции и другие факторы способствовали формированию особой траектории регионального развития сельского хозяйства, отличного от регионов-соседей. Симбиоз сельскохозяйственной отрасли и сферы услуг не позволяет дать точное определение тому типу общества, который существует/формируется здесь. В советский период сельскохозяйственные отрасли оставались в тени индустриального развития, но после 1991 года и стагнации промышленности сельское

хозяйство и сфера услуг вышли на первый план. Если с развитием сферы услуг все определено, то сельское хозяйство региона находится в точке бифуркации в силу вызовов, возникших после 2014 года. В данной статье мы рассмотрим влияние и степень участия крупного бизнеса в современном аграрном развитии Крыма, а также его сосуществование с сельским миром.

Историография вопроса

За последние три десятилетия было проведено множество исследований сельских территорий России. Экономисты, социологи, географы, демографы, антропологи, историки и прочие изучали различные стороны сельской жизни, но нас прежде всего интересует сельская экономика и перемены, произошедшие в ней в постсоветский период.

Наверное, первое комплексное изучение постсоветской деревни было предпринято командой под руководством Т. Шанина в 1990-х годах. Благодаря этой работе мы имеем представление о первых годах жизни постсоветской деревни и тех процессах, которые тогда протекали (Рефлексивное..., 2002). Кроме того, несколько исследований посвящено сельской экономике, среди них стоит отметить работы В.Я. Узун, Н.И. Шагайды, Т.Г. Нефедовой, О.П. Фадеевой, В.Г. Виноградского, А.М. Никулина и многих других ученых (Узун, 2015; Нефедова, 2012; Фадеева, 2009; Виноградский..., 2012; Никулин, 2014). Благодаря им возможно проследить процесс формирования многоукладности российской сельской экономики и ее региональных различий.

К сожалению, в Украине полномасштабных исследований села в 1990-е годы не проводилось. Можно назвать работы Ш. фон Крамона-Таубаделя, С. Демьяненко, А. Куна, В. Галушко, А. Лиситсы, В.М. Нелепа, Д.А. Пизано, Ю. Лупенко и других ученых, посвященные анализу украинской аграрной отрасли, определению фундаментальных барьеров ее развития и рассуждениям о путях э(ре)волюции села (Сільське..., 2004; Нелеп, 2015; Пизано, 2004). Аграрный сектор Крыма долгое время оставался слабоизученным, лишь изредка тема сельской экономики региона появляется в исследованиях межэтнических взаимоотношений и миграций на полуострове (Крымские..., 1997). В немногочисленных работах М. Додоновой, Ф. Зиновьева, Е. Бесединой и др. рассматривались вопросы сельской экономики Крыма и ее отдельных секторов, а также проблематика сельского развития (Зиновьев, 2000; Беседина, 2016). Но эти изыскания имеют лишь косвенное отношение к пониманию современной крымской аграрной проблематики, поскольку Крымский полуостров и остальные регионы Украины в 2014 году избрали разные векторы развития.

После 2014 года произошел всплеск интереса к крымским проблемам со стороны российских ученых. Застарелые и вновь возникшие проблемы сельского хозяйства, значимого для экономики

Крыма, нуждались в экстренных мерах по их решению со стороны правительства. Модернизация агропроизводства, пересмотр сельскохозяйственного районирования региона, разработка программ по активизации и стимулированию различных форм хозяйствования — далеко не полный перечень тем, которые попали в поле зрения академического сообщества (Бугаева, 2017; Бугара, 2016). Но крупный агробизнес и его место в развитии сельской местности Крыма будет рассматриваться впервые.

Агропромышленный комплекс Крыма

Сельское хозяйство в современном мире больше не считается ведущей отраслью с точки зрения вовлеченности большого количества занятых. Наоборот, аграрное общество сегодня — синоним экономически отсталого и бедного населения. Но агропроизводство не потеряло своего значения как основного поставщика мирового продовольствия. В настоящее время перед отраслью не стоит цели расширения площадей севооборота и устранения дефицита трудовых ресурсов. Автоматизация производства, сокращение в нем роли человека, но и снижение зависимости от погодных условий и эпидемиологической ситуации — ключевые задачи, решаемые сейчас аграриями.

Сельское хозяйство для Крыма исторически играло важную роль. В советское время агропромышленный комплекс (АПК), вместе с промышленностью, был одним из двух столпов экономики региона. После сворачивания «плановой экономики» и социально-экономических потрясений 1990-х годов (среди которых банкротство коллективных хозяйств) произошло закономерное снижение объемов агропроизводства и значения отрасли в структуре экономики. Сегодня сельское хозяйство (вместе с рыболовством) дает около 11% крымского валового регионального продукта (ВРП) (см. рис. 1).

Возникшие после 2014 года ограничения внешнеэкономических связей, транспортная изолированность, энергодефицит, нормативно-правовой вакуум и прочие трудности сказались на развитии основных отраслей хозяйства Крыма. Кроме того, возникла проблема импортозамещения и обеспечения продовольственной безопасности из-за прекращения торговых отношений с другими регионами Украины (Украина..., 2015). Эти обстоятельства повысили стратегические позиции сельского хозяйства в структуре экономики региона.

Правительством предпринимались попытки реформирования сельскохозяйственной отрасли, однако государственное участие в упорядочивании агропроизводства не имело должного эффекта из-за непоследовательности и недостаточного финансирования. После форсированного реформирования колхозов в 1999 году сельские территории остались без основного источника *кормлений* — занятости и поддержания социальной и транспортной инфраструктуры.

Рис. 1. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости Республики Крым в 2017 г., в текущих основных ценах; в процентах к итогу (Регионы..., 2019)

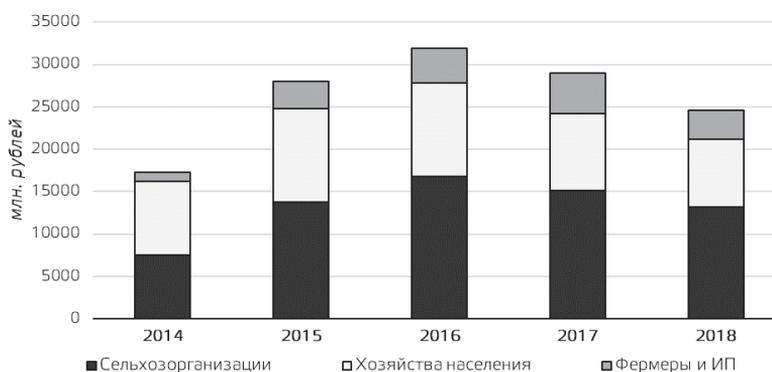

Рис. 2. Продукция растениеводства Республики Крым по категориям хозяйств (в фактических ценах)²

Колхозы, реорганизованные в сельскохозяйственные производственные кооперативы, в большинстве своем существовали лишь на бумаге. Там, где производство сохранилось, преобладали неформальные экономические связи, не приносящие налоговых поступлений в бюджет. Высокая степень *теневизации*³ агробизнеса и катастрофическая безработица позволила личным хозяйствам населения занять ведущие позиции среди производителей продукции животноводства.

2. Составлено автором по материалам Крымстата (Продукция..., 2020).

3. По оценкам исследователей, уровень *теневизации* крымской экономики в 1997 г. составлял 44,71%, а в 2003 г. — уже 22,34% (Мушиньска, 2006: 64–65). Можно предположить, что нелегальность в АПК была еще выше из-за значительности неформальной составляющей.

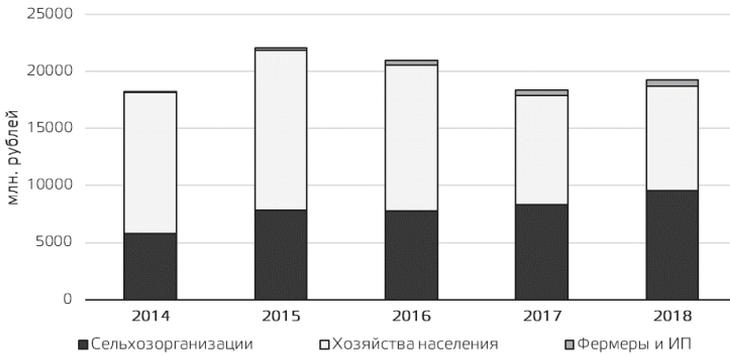

Рис. 3. Продукция животноводства Республики Крым по категориям хозяйств (в фактических ценах)⁴

В капиталоемком растениеводстве лидерство осталось за сельскохозяйственными предприятиями, сконцентрировавшими большую часть колхозной сельскохозяйственной техники и имевшими фонды залогового имущества для получения субсидий и льготного кредитования. В 2000-х годах властями были предприняты попытки легализовать сельскую неформальную занятость и финансово поддержать сельскохозяйственное производство путем возрождения кооперативного движения, существовавшего до коллективизации. На 1 июля 2012 года было создано 60 сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов с 1156 членами (0,19% населения) и объединяющих мелких производителей в разных районах Крыма (Коринец, 2012: 36).

Повышение спроса на сельскохозяйственную продукцию, «инвестиционный голод», наличие интереса у населения и его сильная вовлеченность в сельское хозяйство обусловили необходимость оказания государственной поддержки крымским аграриям. Кроме этого, рисками оказываются и природно-климатические особенности, грозящие неурожаем в растениеводстве, садоводстве и виноградарстве (засуха, «возвратные холода», водный дефицит), что повышает уязвимость хозяйств, балансирующих на грани между рентабельностью и убыточностью своей деятельности.

Для поддержки и развития агропромышленного сектора после 2014 года была разработана государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым. В ней прописан целый ряд мер поддержки сельскохозяйственных производителей (подробнее в табл. 1).

4. Составлено автором по материалам Крымстата (Продукция..., 2020).

Таблица 1. Государственная поддержка агропроизводства в Республике Крым после 2014 года⁵

Подпрограмма	Уровень	Участники	Цели	Объем финансирования в 2019 г., млн руб.
Развитие отраслей агропромышленного комплекса	федеральный, региональный	агрохолдинги, фермеры, средние агропроизводства	финансовая поддержка производителей в отрасли растениеводства и животноводства	2 015,725
Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе	федеральный	инвесторы	поддержка развития практики инвестиционного и льготного кредитования агропредприятий	11,49
Развитие мелиорации земель сельхозназначения России	федеральный	агрохолдинги	решение проблемы водного дефицита и развитие мелиоративной системы региона	359,56
Устойчивое развитие сельских территорий	федеральный	фермеры, хозяйства населения	повышение уровня жизни сельского населения, реализация инфраструктурных проектов в сельской местности, развитие гражданского общества путем грантовой поддержки частных инициатив	20,232

5. Составлено автором по материалам Инвестиционного портала Республики Крым (Государственная..., 2020а) и справочника о мерах поддержки АПК Минсельхоза РФ (Государственная..., 2019).

Подпрограмма	Уровень	Участники	Цели	Объем финансирования в 2019 г., млн руб.
Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации	федеральный, региональный	фермеры, СПоК ⁶	развитие фермерства и сельской кооперации путем грантовой поддержки модернизации и диверсификации хозяйств производителей	47,851
Поддержка растениеводства	региональный	фермеры, агрохолдинги	поддержка отдельных отраслей растениеводства, садоводства и пр.	6,456
Поддержка животноводства	региональный	фермеры, агрохолдинги	поддержка мясного и молочного животноводства, производства шерсти, страхования аграриев	1,795
Развитие малых форм хозяйствования	региональный	фермеры, хозяйства населения	материальная и техническая поддержка фермеров и хозяйств населения	54,194

Но невзирая на активизацию государственной поддержки, отрасль переживает спад. Бюрократизация процедур получения финансовой помощи, дефицит бизнес-инвестиций в аграрный сектор и неразвитость системы кредитования усложняют процесс получения помощи аграриями. И как результат: доля сельского хозяйства в структуре ВРП неуклонно снижается (23,2% — в 2014 г. против 6,7% — в 2018 г.⁷).

На сегодня основными барьерами развития сельскохозяйственной отрасли Крыма можно считать:

6. СПоК — сельскохозяйственный потребительский кооператив.

7. Согласно данным ЕМИСС.

- *санкции* в отношении бизнеса, осуществляющего деятельность в регионе, со стороны Европейского союза, США и некоторых других государств, оспаривающих правомочность территориальной принадлежности Крыма;
- *неурегулированность рынка земель* сельскохозяйственного назначения из-за действия на территории региона до 2014 года моратория на продажу земельного фонда и около 150 тыс. га невостребованных земель коллективной собственности (Фермерские..., 2018);
- *водный дефицит*, возникший из-за ограничений функционирования Северо-Крымского канала;
- *кадровый дефицит* в аграрной сфере, который приводит к неэффективному природопользованию и снижению урожайности в растениеводстве;
- *технологическое отставание* и необходимость внедрения инноваций в сельскохозяйственное производство;
- *пересмотр агротехнологий* и сортового разнообразия культур, выращиваемых в Крыму, приведение их к соответствию изменившимся природно-климатическим условиям отдельных районов;
- *сложность получения государственной финансовой поддержки* инициатив, направленных на развитие агропромышленного комплекса Крыма, и пр.

Влияние крупного бизнеса на сельскую местность

Современный крупный бизнес оказывает значительное влияние на территории присутствия, не ограничиваясь экономической сферой. Масштабы его деятельности влияют на стратегии развития региона и внутрорегиональную дифференциацию экономического, политического и социального развития, в зависимости от доли реального сектора экономики в структуре предприятия. Экономико-географ О.В. Кузнецова подчеркивает, что «невозможно сколь угодно обоснованно рассуждать о перспективах развития тех или иных регионов и выстраивать стратегии их развития без анализа мотивов принятия решения крупным бизнесом о выборе территории для инвестирования» (Кузнецова, 2007). Кроме того, о взаимовлиянии бизнеса и территории рассуждал американский экономист М. Портер в своей «*модели бриллианта*», но в данном случае нам важно влияние территории на бизнес (Porter, 1990).

Формирование крупного агробизнеса — важный элемент в обеспечении производственной безопасности государства и его позиций на глобальном продовольственном рынке. Но влияние этих агрокомпаний на сельскую местность неоднозначно. С одной стороны, происходит рационализация производственной организации, активное использование инноваций в сельском хозяйстве, углубление аг-

ропромышленной интеграции, снижение себестоимости продукции, повышение эффективности производства и другие позитивные изменения (Агрохолдинги..., 2016). С другой стороны, интенсификация сельхозпроизводства усиливает истощение сельхозугодий, специализация на малотрудоемких отраслях снижает уровень сельской занятости, высокая концентрация земельных ресурсов способствует перетоку капиталов из сельского хозяйства в другие отрасли, нормативно-правовая неурегулированность и льготные условия для крупного бизнеса сдерживают финансирование социальной инфраструктуры сельской местности, снижают конкурентоспособность средних и малых агропредприятий и пр. Возрастание роли крупного агробизнеса в структуре экономики некоторых регионов делает данную тему чрезвычайно актуальной для исследователей (из экономики, социологии, географии, политологии...). Для поиска оптимальной стратегии взаимодействия и взаимовлияния крупного бизнеса и сельских территорий необходимо рассмотрение деятельности агрохолдингов. В данной статье рассмотрены особенности их жизнедеятельности после 2014 года как перспективных акторов определения будущего социально-экономического развития на территории Республики Крым.

Агрохолдинги и «окружающая среда»

Нехватка рук в селе в начале 1990 года уже к 1994 году сменилась катастрофическим уровнем безработицы, вызванной кризисом системы коллективных хозяйств и социально-экономического развития на постсоветском пространстве. Но это время нельзя окрасить исключительно в темные оттенки, поскольку именно в 1990-е годы зарождались современные «капиталистические» формы агропроизводства, воспользовавшиеся колхозным наследием в качестве первоначального капитала. Окончательная реорганизация колхозов в кооперативы и *распаивание* сельхозугодий, конечно, похоронили сельскую плановую экономику, но и дали возможность заработать рынку земли.

Исследователь крупного бизнеса Я.Ш. Паппэ ввел в экономику понятие интегрированной бизнес-группы (холдинга). Это совокупность экономических агентов, действующих в разных отраслях, которая создана для максимизации прибыли, имеет центр принятия решений, между ее элементами существуют регулярные взаимосвязи (Паппэ, 2009: 15-17). Агрохолдинги же в данном случае являются интегрированными бизнес-группами, включающими в себя не только сельскохозяйственные предприятия, но и активы в смежных отраслях (отраслях инвестирования). В современной России существует достаточно примеров подобных бизнес-групп (Мираторг..., 2019). «Холдингизация» агропроизводства не осталась без внимания научного сообщества, например, в работах Т.Г. Нефедовой, В.Н. Минаева, В.И. Нефедкина и Д.Б. Эпштейна рассматривают-

ся экономические нюансы и пространственные особенности развития и функционирования агрохолдингов, отмечаются региональные различия (Нефедова, 2014; Минаев, 2018; Нефедкин..., 2018; Эпштейн, 2007).

В российских регионах холдингизация агропроизводства была запущена ранее и к настоящему времени здесь сформировались крупные агрохолдинги, которые владеют значительными объемами сельхозугодий и производят львиную долю сельхозпродукции (Говоров..., 2018). К числу лидеров по числу агрохолдингов относятся Белгородская, Воронежская, Курская, Московская, Волгоградская области, Краснодарский край, Республика Татарстан и пр. (Минаев, 2018: 75–76). Эти холдинговые компании в значительной степени перешли на общенациональный уровень, распространив свою деятельность на другие регионы, они стали системообразующими предприятиями России.

Крымский полуостров не избежал *холдингизации* сельского хозяйства. Массовое создание агрохолдингов в Украине было запущено в 2005 году и регламентировалось Законом Украины «О холдинговых компаниях в Украине» (Закон..., 2006). Изначально пионерами концентрации крымских сельхозпредприятий выступали большие украинские агрохолдинги, которые в 2000-х годах активно поглощали мощности агропроизводства и земельный фонд региона. Однако к 2013 году им удалось арендовать лишь около 125 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, что составляло менее 35% крымского земельного фонда (Висоцкий, 2014; Лупенко..., 2013).

В регионе присутствовали предприятия крупных холдингов HarvEast, созданного на базе активов компании «Ильич-Агро», Avanguardco IPL, приобретенного в 2012 году группой Ukrlandfarming, МНР S.A. («Мироновский хлебопродукт») и «Приват-АгроХолдинг». Но после событий 2014 года они постепенно избавились от активов в Крыму, либо создали дочерние компании, зарегистрированные на территории России (Уляницкий..., 2014: 8–9). С 2014 года началась новая веха холдингизации сельского хозяйства Крыма, где основным актором выступил местный и крупный бизнес из других российских регионов. Из предприятий АПК с годовой выручкой более 300 млн рублей сформировалось несколько крымских агрохолдингов, а также имеются предприятия, аффилированные с крупным бизнесом из других регионов (см. табл. 2).

В регионе также существуют предприятия, находящиеся в собственности холдинговых компаний из других регионов. К ним относятся крупнейшие производители молочной продукции ООО «Новатор» (холдинг «Базис-Москва») и ООО «Юг Молоко» (компания «Отрада Девелопмент»), переработавших в 2019 году 77,9% крымского молока⁸. Функционируют и ни с кем не аффилированные крупные компании, например СП «Октябрьское».

8. По данным <https://www.dairynews.ru/>

Таблица 2. Крупнейшие сельскохозяйственные холдинги Республики Крым⁹

Холдинг	Предприятия	Отрасль	Среднеспи- сочная чис- ленность ра- ботников, чел. (2019)	Выруч- ка, млн руб. (2018)
«Дружба Народов»	ООО «Дружба Наро- дов», АО «Дружба На- родов Нова», АО «Крымская фруктовая компания», ООО «Ком- бинат «Дружба Наро- дов». ООО «Дружба На- родов — Мелиорация»	сельское хозяйство, водоотведе- ние	3644	12 486,1
«Скворцово» (По- лищук Л.А.)	ООО «МПК «Сквор- цово», ООО «Велес- Крым», ООО УКП «Крымагрокомплекс», ООО «Джи.Ай.Ти», ООО «Южная»	сельское хозяй- ство, арен- да и лизинг автотранс- порта и обо- рудования, грузопере- возки	975	2 559,3
«Ильич-Агро Крым»	ООО «Благодатное», ООО «Ильич-Агро Крым», ООО «Юагро- холдинг», ООО «Тархан- кут Агро», ООО «При- озерное (Агро)», ООО «Приморье Агро»	сельское хозяйство	246	712,9
«Крымский молочник»	ООО «Крымский мо- лочник», ООО «Крым- Агро-Цех», ООО «Парк «Забава», ООО «Крымводопром»	сельское хозяйство	276	539,4
«ЮгАгроИнвест»	ООО «АТД «Крымтепли- ца», ООО «КрымАгро- Инвест», ООО «Чайка», ООО «Крымтеплица- Урожайное», ООО «ФК «Крымтеплица», ООО «Крымтеплица»	сельское хозяйство	247	421,3

9. Составлено автором по данным СПАРК-Интерфакс (СПАРК-Интерфакс, 2020).

Рассмотрим влияние крупного бизнеса на сельские территории на примере крупнейшего агрохолдинга региона — «Дружба Народов», который с 2017 года является (согласно Распоряжению Правительства РФ от 02.12.2017) единственным поставщиком продовольствия для Росгвардии, прародителем современного агрохолдинга являлся основанный в 1950 году колхоз «Дружба Народов» (История..., 1974: 456–457), агропромышленные мощности которого и стали основой современного хозяйства. В 2000-х годах активы были приобретены украинским агрохолдингом «Мироновский хлебопродукт» бизнесмена Ю.А. Косюка: в 2001 году в холдинг вошла птицефабрика «Дружба Народов Нова», в 2006 году — «Дружба Народов» (совместно с основанной в 2003 году на его базе «Крымской фруктовой компанией»). В 2007 году были созданы два филиала «Крымской фруктовой компании» в с. Александровка (Красногвардейский район) и с. Вилино (Бахчисарайский район).

После 2014 года крымские активы «Мироновского хлебопродукта» стали заложниками ситуации территориальной принадлежности Крыма и были переоформлены на дочернюю офшорную компанию Raftan Holding Limited (Кипр). В июле 2017 года, после многолетнего давления со стороны украинской общественности и властей обеих стран, предприятия проданы российской компании «Оптим-Финанс» (Москва), принадлежащей Б.З. Кантемирову, по «справедливой рыночной цене» (по оценкам, стоимость активов холдинга составляла 77,5 млн долл. США¹⁰) (Кулистикова, 2017). Средства для покупки активов были получены за счет кредита «Россельхозбанка», который первоначально владел частью предприятий.

В настоящий момент «Дружба Народов» — это вертикально-интегрированный агропромышленный холдинг, предприятия которого работают в отраслях растениеводства, садоводства, производства кормов, животноводства и мясопереработки. Согласно данным компании, на начало 2018 года агрохолдинг имел 20 000 га сельхозугодий, 1800 га фруктовых садов, поголовье 4 свиноводческих ферм составляло 25,5 тыс. голов. Кроме того, предприятия производили в год: 40 тыс. тонн фруктов (85% — яблоки), до 18 тыс. тонн мясопродуктов, до 75 тыс. тонн продукции из мяса птицы, более 130 тыс. тонн комбикормов (О компании, 2020).

Изучив финансовую отчетность холдинга, можно сделать вывод, что имеющиеся активы в основном используются достаточно эффективно, что косвенно свидетельствует о высокой степени модернизации производства и экономической эластичности компании. Но в садоводстве и растениеводстве компания несет незначитель-

10. По данным <https://mind.ua/news/20170439-mhp-prodav-aktivi-v-krimu-i-pripiniv-diyalnist-na-pivostrovi>

ные убытки из-за повышенных рисков и перераспределения прибыли в связи с особенностью производственной цепочки в сельском хозяйстве. Однако наблюдается и обратный эффект при стремлении холдинга минимизировать издержки и получить наибольшую прибыль. Интенсивное использование сельхозугодий и неравномерное обращение с отходами производства иногда приводило к ухудшению экологической ситуации в сельской местности Крыма (Перепелица, 2007). Поэтому ключевым приоритетом компании должно стать рациональное природопользование в связи со сложной экологической ситуацией на территории Красногвардейского района (значительная распаханность земель, ирригация, влияние химического техногенного воздействия и пр.) (Калинчук..., 2019: 282–285).

Какова степень взаимовлияния и взаимозависимости сельхозпредприятий и крымских муниципалитетов? Пример Красногвардейского района в данном случае репрезентативен, поскольку представляет собой исключительно сельскую местность с доминированием в структуре экономики отраслей АПК. На агропредприятиях работает около 1/5 всего занятого населения муниципалитета, большинство из них — сотрудники «Дружбы Народов». По данным Инвестпортала Крыма, предприятия муниципалитета производят около 30% сельхозпродукции региона и являются крупнейшим производителем плодово-ягодных культур (Красногвардейский..., 2020).

Структура муниципального бюджета крымских сельских районов выглядит довольно депрессивно, весомую долю составляют безвозмездные поступления в виде трансфертов из регионального и федерального бюджетов. Красногвардейский район — подтверждение этого тезиса — в 2018 году около 77% доходов бюджета составили трансферты из других бюджетов. Главной статьёй собственных доходов являлся налог от дохода физических лиц (НДФЛ) — 16,8% бюджета¹¹. Общий объем доходов районного бюджета постепенно увеличивается с 1,33 млрд в 2008 году¹² до 1,59 млрд в 2018 году, но это происходит за счет увеличения размера региональных и федеральных дотаций, а не собственных заработков (Бюджет..., 2019).

---

11. По данным Росстата (База..., 2020).

12. В ценах 2018 года.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Компании	Численность занятых, чел.	Доля в общей численности занятых	Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.	Отношение среднемесячной заработной платы работников АПК и всех организаций района
АПК «Дружба Народов»	3643	32,9%	35 457,7	123,2%
АПК «Крымский молочник» («Крым-Агро-Цех»)	275	2,5%	20 448,2	71,1%
СП «Октябрьское»	112	1%	19 040,2	66,2%
Другие предприятия АПК	536	4,8%	20 482,5	71,2%

Агропромышленная специализация района обусловила функционирование более 70 предприятий отрасли, где трудится около половины всего занятого населения. Кроме того, в сельском хозяйстве велика доля неформальной и самозанятости: на 01.01.2019 в районе насчитывалось 1773 человека, самостоятельно обрабатывающих свои земельные участки, и 287 человек, использующих паи родственников или других жителей на бездоговорной основе на общей площади 12 177 га (Бюджет..., 2019). Большинство сельхозпредприятий — малые и микропредприятия с числом работников до 40 человек, есть и крупные (см. табл. 3). Но безусловный лидер — холдинг «Дружба Народов», который, по сути, является «районообразующим» предприятием, где занята значительная часть трудоспособного сельского населения. В 2018 году доля компании в собственных доходах районного бюджета составила 16,7%, что свидетельствует о ее значимости для сугубо дотационной местной экономики. Холдинг по состоянию на 2017 год реализовывал 5 инвестпроектов на территории района на общую сумму 5,3 млрд рублей (Гуливатая, 2017), он также инвестирует средства в поддержание и развитие социальной инфраструктуры населенных пунктов своего присутствия. До 2014 года это имело огромное значение, поскольку местные бюджеты полноценно не финансировались, и инфраструктура нуждалась в частных инвестициях. Источника-

13. Составлено автором по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс (База..., 2020; СПАРК-Интерфакс, 2020).

ми этих инвестиций часто выступали местные фермеры, агропредприятия и международные фонды (например, ПРИК ПРООН¹⁴). Впрочем, после резкого увеличения объема дотаций роль частных инвестиций в социальную сферу постепенно снижается.

Масштабы холдинга присутствия позволяют существенно влиять на уровень заработной платы, формирование квалифицированных кадров в среде сельского населения, инновационное перевооружение сельского хозяйства в районе присутствия. Постоянная потребность в высококвалифицированных специалистах, а следовательно, инвестирование в человеческий капитал, и более высокий уровень оплаты труда способствуют диффузии инноваций, косвенно влияя на конкурентов, и повышению уровня доходов местного населения. Но концентрация управления всеми звеньями производственной цепочки, получение большого объема господдержки, возможность снижения издержек и применение инновационных технологий в производстве приводят к деградации фермерства и домашних хозяйств, неконкурентных в данной ситуации капиталоемким холдингам.

Регионом, наиболее релевантным для сравнения с Крымом, по нашему мнению, может быть соседний Краснодарский край. Он схож по природно-климатическим, демографическим и экономическим признакам и имеет с полуостровом тесные социально-экономические связи. Здесь холдингизация практически поглотила иные значительные сельскохозяйственные фонды и вышла за пределы региона. В 2017 году 35 агрокомпаний, функционирующих в крае, продемонстрировали финансовые показатели выше 1 млрд рублей (Рейтинг..., 2018). По сравнению с Крымом сельское хозяйство края оптимизировано и модернизировано, что связано с высоким уровнем холдингизации и притоком значительных инвестиций. Крупнейший среди холдингов — АО «Фирма «Агрокомплекс» имени Н.И. Ткачева», основанное в 1993 году и находящееся в собственности семьи экс-губернатора Краснодарского края и экс-министра сельского хозяйства РФ А.Н. Ткачева. Производственные мощности холдинга размещаются в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Республике Адыгея и Крыму.

Агрохолдинг оказывает финансовую и образовательную помощь собственным работникам и членам их семей, поддерживает спортивную сферу. Но масштабы его деятельности разрушают связи компании с сельской местностью — местными властями и населением. Диалог между властью и бизнес-группой происходит на уровне федеральных и региональных властей из-за исключения муниципалитетов из процессов принятия решений и перераспределения финансовой поддержки бизнеса. Оптимизация мощностей и автоматизация производства способствуют разрыву между корпоративной стратегией и интересами сельского развития. Потребность в квали-

14. Подробнее см. в статье Н.И. Твердохлебова (Твердохлебов, 2005).

фицированных специалистах на высокотехнологичных предприятиях снижает занятость сельского населения в агропроизводстве. Значительную долю выручки «Дружба Народов» и «Агрокомплекс» получают от поставок сельхозпродукции различным государственным структурам (предприятия холдингов производят сельхозпродукцию широкого спектра — от сырья до реализации готового продукта). Впрочем, степень их участия в сельском развитии зависит от пространственной диверсификации производств.

Кроме «Агрокомплекса» крупными агрохолдингами региона являются значимые для России производители — «Агрообъединение «Кубань», «Селекционно-семеноводческое предприятие «Генофонд», «Тепличный комплекс «Зеленая линия», «Птицефабрика «Белореченская», «Агрофирма «Южная» и др. (Рейтинг..., 2018). Процесс холдингизации в Краснодарском крае позволил закрепить лидерство крупных сельхозпредприятий в структуре агропроизводства, доля фермерства и хозяйств населения остается незначительной — это обстоятельство позволяет агрохолдингам оказывать серьезное влияние на сельское развитие региона, играя важную роль в поддержке социальной инфраструктуры сельских территорий. Однако оторванность от муниципалитетов и равнодушие к состоянию сельской местности в дальнейшем не только не будет способствовать решению проблем деревни, но и усугубит их, что уже наблюдается в качестве тенденций.

Заключение

Агрохолдинги имеют большое значение для территории своего присутствия, поскольку располагают существенно большим объемом активов и инвестиционных средств по сравнению с малым и средним бизнесом, а также обладают возможностью реализации крупных проектов. Зачастую бизнес-группы могут не только оказывать косвенное воздействие на регионы и муниципалитеты, но и изменять их отраслевую специализацию, уровень развития социальной сферы.

Крымский крупный агробизнес пока не оказывает существенно влияния на векторы регионального развития из-за относительно небольших масштабов деятельности. Компактная локализация активов холдингов способствует проявлению социальной ответственности по отношению к сельскому населению. Пока что к позитивным изменениям в сельской местности от деятельности крупного бизнеса можно отнести повышение уровня оплаты труда и, соответственно, уровня жизни сельского населения, создание дополнительных рабочих мест, инвестиционная активность и пр. Однако пространственная диверсификация холдингов может привести к снижению этой ответственности и уровня инвестирования в социальную сферу районов присутствия. Уже сейчас компании порой уклоняются от уча-

ствия в развитии сельской инфраструктуры и электросетей (хотя являются их активными эксплуататорами), сокращают рабочие места, занимаемые местными жителями, не поддерживают традиционные отрасли агро— и промпроизводства, ухудшают экологическую обстановку. В некоторой степени происходит приватизация прибыли и национализация издержек. Для повышения заинтересованности холдингов в сельском развитии необходимо налаживание диалога между руководством компании и сельскими сообществами, а это возможно лишь при содействии региональных властей и нормативно-правовом государственном регулировании.

Литература

- Агрохолдинг — детище нашей экономики (2016) // Журнал «Огонёк». № 43. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3127445> (дата обращения: 15.05.2020).
- База данных статистики муниципальных образований (2020). Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst> (дата обращения: 01.05.2020).
- Баштакова А. (2019). В России исчезает сельское население // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-07-01/1_7611_agro.html (дата обращения: 15.05.2020).
- Бесєдіна К.Є. (2016). Демографічна ситуація у сільській місцевості АР Крим: стан і регіональні відмінності (2003–2013 рр.) // Український географічний журнал. № 3. С. 49–55.
- Бугаева Т.Н. (2017). Сельское хозяйство Крыма: проблемы и перспективы // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. Т. 39. № 2. С. 126–131.
- Бугара А.Н. (2016). Развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе экономики Республики Крым // Известия сельскохозяйственной науки Тавриды. № 7 (170). С. 116–122.
- Бюджет для граждан (2019). Администрация Красногвардейского МО Республики Крым. URL: <https://krgv.rk.gov.ru/ru/structure/3390> (дата обращения: 28.04.2020).
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. (2012). Парадоксы земельной аккумуляции // Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. М.: Дело. С.179–196.
- Висоцький Т. (2014). Секвестр земельного банку агрохолдингов: чиста економіка чи ефект війни? // UCAB. Український клуб аграрного бізнесу. URL: <https://vk.cc/atVfUf> (дата обращения: 11.05.2020).
- Говоров О., Чуйков А. (2018). Не наша Россия. Кто владеет миллионами гектаров земли, фермами и торговыми сетями? // «Аргументы недели». № 10 (603). URL: <https://argumenti.ru/society/2018/03/566306?typelink=openlink> (дата обращения: 11.05.2020).
- Государственная поддержка агропромышленного комплекса (2020а) // Инвестиционный портал Республики Крым. URL: <https://invest-in-crimea.ru/support-agriculture> (дата доступа: 09.05.2020).
- Государственная программа (2019). Республика Крым // Информационный справочник о мерах и направлениях государственной поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации. URL: <http://www.gp.specagro.ru/region/31/2/31/12/2019> (дата доступа: 10.05.2020).
- Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым (2020б). URL: <https://clck.ru/NLecp> (дата доступа: 06.05.2020).

- Гуливатая И. (2017). Клиники и сельхозпереработка: каких инвестпредложений ждут в степном Крыму // Крымская газета. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/chastnie-kliniki-i-selhozpererabotka-26014> (дата обращения: 20.04.2020).
- Гусаков Т.Ю. (2018). Крымские молочники — хозяйства населения // Молочная река. № 3 (71). С. 24–25.
- Закон України «Про холдингові компанії в Україні» (2006) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). № 34. Ст. 291.
- Зиновьев Ф.В., Калининченко И.Л., Силкин В.Н., Додонова М.В. и др. (2000). Экономика личных подсобных хозяйств сельских жителей // Реформирование экономики АПК Крыма (оценка состояния, перспективы завершения). Симферополь: Таврида. С. 96–108.
- Історія (2020). МХП (Миронівський хлібопродукт). URL: <https://www.mhp.com.ua/uk/about/history> (дата обращения: 02.05.2020).
- Історія міст і сіл Української РСР (1974). Кримська область. К.: Головна редакція УРЕ АН УРСР.
- Калинчук И.В., Кудрянь Е.А. (2019). Ландшафтное планирование территории Красногвардейского района Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. № 3. С. 283–294.
- Коринец Р.Я. (2012). Сельскохозяйственная обслуживающая кооперация в Украине. Будапешт: Regional Office for Europe and Central Asia.
- Красногвардейский район. Инвестиционный портал Республики Крым. URL: <https://invest-in-crimea.ru/mo-krasnogvardeyskiy-royon> (дата обращения: 02.05.2020).
- Крымские татары: проблемы репатриации (1997). Институт востоковедения РАН.
- Кузнецова О.В. и др. (2007). Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. М.: ЛКИ.
- Кулистикова Т. (2017). Соратник Порошенко продал активы в Крыму // Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/companies/news/26123-soratnik-poroshenko-prodal-aktivy-v-krymu/> (дата обращения: 01.05.2020).
- Лупенко Ю.О., Кропивко М.Ф. (2013). Агрохолдинги в Україні та посилання соціальної спрямованості їх діяльності // Економіка АПК. № 7. С. 5–21.
- Минаев В.Н. (2018). Роль агрохолдингов в развитии регионов России // Научный вестник ЮИМ. № 2. С. 76–81.
- «Мираторг» вновь возглавил рейтинг агрохолдингов по выручке (2019) // Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/32339-miratorg-vnov-vozglavil-reyting-agrokholdingov> (дата доступа: 02.05.2020).
- Мушинська Н.Ю. (2006). Впровадження оцінки рівня тінізації економіки на регіональному рівні // Коммунальное хозяйство городов. № 70. С. 60–66.
- Нелеп В.М. (2015). Тенденції розвитку сільського господарства в Україні та світі // Економіка АПК. № 7. С. 100–105.
- Нефедкин В.И., Фадеева О.П. (2018). Крупные землепользователи через призму региональных кейсов // Интерэкспо Гео-Сибирь. № 3. С. 132–144.
- Нефедова Т.Г. (2003). Пространственная организация сельского хозяйства в Европейской России // Известия РАН. Сер. геогр. № 5. С. 35–46.
- Нефедова Т.Г. (2004). Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. № 2 (17). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/nerusskoe-selskoe-hozyaystvo> (дата обращения: 05.05.2020).
- Нефедова Т.Г. (2012). Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. Ставрополь: Изд-во СГУ.
- Нефедова Т.Г. (2014). Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. № 4 (478). С. 64–82.
- Никулин А.М. (2014). Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
- О компании (2020). АПХ «Дружба Народов». URL: <http://druzhbanarodov.ru/%d0%be-%d0%bd%do%bo%d1%81> (дата обращения: 01.05.2020).

- Паппэ Я.Ш. (2009). Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Перепелица Е. (2007). Главный регионал Крыма и председатель комиссии по экологии залили полуостров фекалиями // РИА «Новый день». URL: <https://newdaynews.ru/crimea/136221.html> (дата обращения: 20.04.2020).
- Пизано Д.А. (2004). Аграрные реформы в России и на Украине: сравнительный анализ // Отечественные записки. № 1 (16). URL: <https://vk.cc/atVXhX> (дата обращения: 25.04.2020).
- Продукция сельского хозяйства Республики Крым (2020) // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крым-стат). URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27566> (дата доступа: 20.04.2020).
- Регионы России (2019). Социально-экономические показатели — 2019 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14r/Main.htm (дата доступа: 29.04.2020).
- Рейтинг РБК Краснодар: топ-10 агропромышленных компаний Кубани (2018) // ИА «РБК». URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/17/09/2018/5b9f9f829a79471749314f77> (дата доступа: 12.05.2020).
- Рефлексивное крестьяноведение (2002): Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, В.П. Данилова. М.: РОССПЭН (Рос. полит. энцикл.).
- Сидоркина И., Солопов М. (2018). Контракт по «Дружбе»: почему поставщик Росгвардии заинтересовал ФСБ // ИА «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2018/5c05308e9a7947c001d961af> (дата обращения: 01.05.2020).
- Сільське господарство України: криза та відновлення (2004) / За ред. Ш. фон Крамона-Таубаделя, С. Дем'яненко, А. Куна. К.: ГарантСервіс.
- Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым (2009). № 5. С. 205–207.
- СПАРК-Интерфакс (2020). Система профессионального анализа рынка и компаний. URL: www.spark-interfax.ru (дата обращения: 01.05.2020).
- Станкевич А.А. (2017). Анализ показателей устойчивого развития аграрных предприятий Крыма // АНИ: экономика и управление. № 2 (19). С. 253–257.
- Структура валового регионального продукта (2020) // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 04.05.2020).
- Твердохлебов Н.И. (2005). Деятельность Программы развития ООН в Автономной Республике Крым // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер. Экономика. Т. 18 (57). № 1. С. 300–307.
- Узун В.Я. (2004). Крупный сельскохозяйственный бизнес в России: тенденции и проблемы развития // Отечественные записки. № 1 (16). С. 6–16.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И. (2015). Аграрная реформа в постсоветской России. М.: Изд. дом «Дело».
- Украина начинает официальную блокаду Крыма (2015) // Корреспондент. URL: <https://blogs.korrespondent.net/blog/events/3604126> (дата доступа: 09.05.2020).
- Уляницкий Д., Бровинская М., Сакова Е. (2014). Война против олигархов. В Крыму стартовала вторая волна... // Деловая газета «Капитал». № 142 (319). С. 8–9.
- Фадеева О.П. (2009). Земельный вопрос на селе: наступит ли «Момент истины»? // Экономическая социология. № 5. С. 50–71.
- Фермерские хозяйства Крыма: господдержка и сложности (2018) // Деловой Крым. URL: <https://vk.cc/au7mCm> (дата обращения: 11.05.2020).
- Эпштейн Д.Б. (2007). Причины и особенности развития российских агрохолдингов, плюсы и минусы для сельхозпредприятий // Никоновские чтения. № 12. С. 303–306.
- Bell D. (1973). The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books.
- Porter M.E. (1990). The competitive advantage of nation // Harvard Business Review. March-April. P. 73–91

Timur Yu. Gusakov, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

The increase in number of agroholdings in the Russian regions changes the paths of rural development and attracts the scientific interest to interaction of business groups with the authorities and local communities. Concentration of agricultural production in the hands of large companies has regional peculiarities determined by the level of integration: there are regions with a high share of holdings in the structure of agricultural production (for example, the Belgorod and Voronezh Regions) and, on the contrary, regions with a high share of agricultural production in households (Dagestan, Crimea, Tuva). The article considers the Republic of Crimea as a participant of the emerging holding structure of the agricultural production, but the increase in the share of agricultural enterprises is accompanied by the dominance of the informal household economy. The author also considers the influence of agroholdings on the development of rural territories and agricultural production on the example of the largest Crimean producer of agricultural products.

Key words: agriculture, rural area, agroholding, rural development, integrated business group, Republic of Crimea

References

- Ahrokholdingi — detishche nashey ekonomiki [Agroholdings — a brainchild of our economy] (2016) *Ogonyok*, no 43. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3127445>.
- Bashtakova A. (2019) *V Rossii ischezhaet selskoe naseleniye* [Russia loses its rural population]. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-07-01/1_7611_agro.html.
- Baza dannykh statistiki munitsypalnikh obrazovaniy* [Statistical Database of Municipalities] (2020) URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst>.
- Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*, New York: Basic Books.
- Besedina K.E. (2016) Demografichna situatsiya u silskiy mistsevosti AR Krym: stan i regionalni vidminnosti (2003–2013 rr.) [Demographic situation in the rural regions of the Autonomous Republic of Crimea: Some regional trends (2003–2013 pp.)]. *Ukrayinsky geografichny zhurnal*, no 3, pp. 49–55.
- Bugara A.N. (2016) Razvitie malikh form khozyaystvovaniya v agrarnom sektore ekonomiky Respubliki Krym [Development of the small economy forms in the agricultural sector of the Republic of Crimea]. *Izvestiya selskokhozyaystvennoi nauki Tavriy*, no 7, pp. 116–122.
- Bukhaeva T.N. (2017) Selskoe khozyaystvo Kryma: problemy y perspektivy [Crimean agriculture: Challenges and prospects]. *Nauchny vestnyk: fynansy, banky, investitsii*, vol. 39, no 2, pp 126–131.
- Byudzheth dlya grazhdan* [Budget for Citizens] (2019) URL: <https://krvg.rk.gov.ru/ru/structure/3390>.
- Epshtein D.B. (2007) Prichiny i osobennosti razvitiya rossiyskikh agrokholdingov, plyusy i minusy dlya selkhozpredpriyatiy [Reasons and features of the Russian agroholdings development, pluses and minuses for agricultural enterprises]. *Nikonovskie chteniya*, no 12, pp. 303–306.
- Fadeeva O.P. (2009) Zemelny vopros na sele: nastupit li “Moment istiny”? [The land question in the countryside: Will the “moment of truth” come?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, no 5, pp. 50–71.

- Fermerskie khozyaystva Kryma: gospodderzhka i slozhnosti* [Crimean farms: State support and difficulties] (2018) URL: <https://vk.cc/au7mCm>.
- Gosudarstvennaya podderzhka agropromyshlennogo kompleksa* (2020a) [State support of the agro-industrial complex]. URL: <https://invest-in-crimea.ru/support-agriculture>.
- Gosudarstvennaya programma razvitiya selskogo khozyaystva i regulirovaniya rynkov selskokhozyaystvennoy produkcii, syrya i prodovolstviya Respubliki Krym* [State Program for the Development of Agriculture and Regulation of the Markets for Agricultural Products, Raw Materials and Food in the Republic of Crimea] (2020b) URL: <https://clck.ru/NLecp>.
- Gosudarstvennaya programma. Respublika Krym* [State Program. Republic of Crimea] (2019) *Informatsionny spravochnik o merakh i napravleniyakh gosudarstvennoy podderzhki agropromyshlennogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii*. URL: <http://www.gp.specagro.ru/region/34/2/31/12/2019>.
- Govorov O., Chuykov A. (2018) Ne nasha Rossiya. Kto vladeet millionami gektarov zemli, fermami i trgovymi setyami? [Not our Russia. Who owns millions of hectares, farms and retail chains?]. *Argumenty nedeli*, vol 10. URL: <https://argumenti.ru/society/2018/03/566306?type=link>.
- Gulivataya I. (2017) *Kliniki i selkhozpererabotka: kakikh investpredlozheniy zhdet v stepnom Krymu* [Clinics and agricultural processing: What investment proposals the steppe Crimea waits for]. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/chastnie-kliniki-i-selkhozpererabotka-26014>.
- Gusakov T.Yu. (2018) Krymskiye molochnyky — khozyaystva naselenyya [Crimean dairy farmers — rural households]. *Molochnaya reka*, no 3, pp. 24–25.
- Istoriya* [History] (2020) URL: <https://www.mhp.com.ua/uk/about/history>.
- Istoriya mist i sil Ukrainskoy RSR. Krimska oblast* [History of Towns and Villages of the Ukrainian SSR. The Crimean Region] (1974), Kiev: Golovna redaktsiya URE AN URSR.
- Kalinchuk Y.V., Kudryan E.A. (2019) *Landshaftnoe planirovanie territorii Krasnogvardeiskogo rayona Respubliki Krym* [Landscape planning of the Krasnogvardeysky district of the Republic of Crimea]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, no 3, pp. 283–294.
- Korinets R.Ya. (2012) *Selskokhozyaystvennaya obsluzhivayushchaya kooperatsiya v Ukraine* [Agricultural Service Cooperation in Ukraine], Budapest: Regional Office for Europe and Central Asia.
- Krasnogvardeyskiy rayon. Investitsionny portal Respubliki Krym* [Krasnogvardeysky district. Investment portal of the Republic of Crimea] URL: <https://invest-in-crimea.ru/mo-krasnogvardeyskiy-rayon>.
- Krymskie tatars: problemy repatriatsii* [Crimean Tatars: Problems of Repatriation] (1997), Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
- Kulistikova T. (2017) Soratnik Poroshenko prodal aktivy v Krymu [Companion of Poroshenko sold the Crimean assets] URL: <https://www.agroinvestor.ru/companies/news/26123-soratnik-poroshenko-prodal-aktivy-v-krymu>.
- Kuznetsova O.V. et al. (2007) *Investitsionnye strategii krupnogo biznesa i ekonomika regionov* [Big Business Investment Strategies and Regional Economies], Moscow: LKI.
- Lupenko Yu.O., Kropivko M.F. (2013) *Agrokholdingi v Ukraini ta posilannya sotsialnoi spryamovanosti ikh diyalnosti* [Agroholdings in Ukraine and strengthening their social orientation]. *Ekonomika APK*, no 7, pp. 5–21.
- Minaev V.N. (2018) *Rol agrokholdingov v razvitii regionov Rossii* [The role of agroholdings in the development of the Russian regions]. *Nauchny vestnik YulM*, no 2, pp. 76–81.
- “Miratorg” vnov vozglavil reiting agrokholdingov po vyruchke [Miratorg once again topped the ranking of agroholdings by revenue] (2019) URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/32339-miratorg-vnov-vozglavil-reyting-agrokholdingov>.
- Mushchinska N.Yu. (2006) *Vprovadzhennyya otsinky rivnyia tinizatsii ekonomiki na regionalnomu rivni* [Assessment of the “shadow economy” scale at the regional level]. *Kommunalnoe khozyaystvo gorodov*, no 70, pp. 60–66.

- Nefedkin V.I., Fadeeva O.P. (2018) Krupnye zemlepolzovateli cherez prizmu regionalnykh keisov [Large land users through the prism of regional cases]. *Interespo Geo-Sibir*, no 3, pp. 132–144.
- Nefedova T.G. (2003) Prostranstvennaya organizatsiya selskogo khozyaystva v Evropeyskoy Rossii [Spatial organization of agriculture in European Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya geographicheskaya*, no 5, pp. 35–46.
- Nefedova T.G. (2004) Nerusskoe selskoye khozyaystvo [Non-Russian agriculture]. *Otechestvennye zapiski*, no 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/nerusskoe-selskoe-hozyaystvo>.
- Nefedova T.G. (2012) *Selskoe Stavropolie glazami moskovskogo geografa. Raznoobrazie rayonov na yuge Rossii* [Rural Stavropol in the Perception of the Moscow Geographer. Diversity of Regions in the South of Russia], Stavropol: Izd-vo SGU.
- Nefedova T.G. (2014) Agropromyshlennaya kontsentratsiya v rossiyskikh regionakh [Agro-industrial concentration in the Russian regions]. *EKO*, no 4, pp. 64–82.
- Nelep V.M. (2015) Tendentsii razvitiu silskogo gospodarstva v Ukraini ta sviti [Trends in the agricultural development of Ukraine and the world]. *Ekonomika APK*, no 7, pp. 100–105.
- Nikulin A.M. (2014) *Agrarniki, vlast i selo: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Agrarians, State and Village: From the Past to the Present], Moscow: Izd. dom "Delo" RANKhiGS.
- O kompanii: APKh "Druzhba Narodov" [About the company "Friendship of Peoples"] (2020) URL: <http://druzhbanarodov.ru/%do%be-%do%bd%do%bo%d1%81>.
- Pappe Ya.Sh. (2009) *Rossiysky krupny biznes: pervye 15 let. Ekonomicheskie khroniki 1993–2008 gg.* [Russian Big Business: The First 15 Years. Economic Chronicles of 1993–2008], Moscow: Izd. dom GU VShE.
- Perepelitsa E. (2007) Glavny regional Kryma i predsedatel komissii po ekologii zalili poluostrov fekaliiyami [The main regional figure of the Crimea and the head of the Commission on Ecology flooded the peninsula with feces] URL: <https://newdaynews.ru/crimea/136221.html>.
- Pizano J.A. (2004) Agrarnye reformy v Rossii i na Ukraine: sravnitelny analiz [Agrarian reforms in Russia and Ukraine: A comparative analysis]. *Otechestvennye zapiski*, no 1. URL: <https://vk.cc/atVXhX>.
- Porter M.E. (1990) The competitive advantage of nation. *Harvard Business Review*, March–April, pp. 73–91
- Produktsiya selskogo khozyaystva Respubliki Krym* [Agricultural production of the Republic of Crimea] (2020) URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27566>.
- Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* [Reflective Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia] (2002) Pod red. T. Shanina, A.M. Nikulina, V.P. Danilova, Moscow: ROSSPEN.
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Social-economic indicators] (2019) URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.
- Reiting RBK Krasnodar: top-10 agropromyshlennykh kompaniy Kubani* [RBC Krasnodar ranking: top 10 agro-industrial companies of the Kuban] (2018) URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/17/09/2018/5b9f9f829a79471749314f77>.
- Sbornik normativno-pravovykh aktov Avtonomnoy Respubliki Krym* [Collection of Normative-Legal Acts of the Autonomous Republic of Crimea] (2009), no 5, pp. 205–207.
- Sidorkina I., Solopov M. (2018) *Kontrakt po "Druzhbe": pochemu postavshchik Rosgvardii zainteresoval FSB* [Contract of "Friendship": Why the FSB checks the supplier of the Russian Guard. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2018/5c05308e9a7947cc01d961af>.
- Silske gospodarstvo Ukraini: kriza ta vidnovlennya* [Ukrainian Agriculture: Crisis and Revival] (2004) Za red. Sh. fon Kramona-Taubadelya, S. Demyanenko, A. Kuna, Kiev: GarantServis.
- SPARK-Interfaks: Sistema professionalnogo analiza rynku i kompaniy* [System of the professional analysis of the market and companies] (2020) URL: www.spark-interfax.ru.

- Stankevich A.A. (2017) Analiz pokazateley ustoychivogo razvitiya agrarnykh predpriyatiy Kryma [Analysis of the sustainable development indicators for the Crimean agricultural enterprises]. *ANI: ekonomika i upravlenie*, no 2, pp. 253-257.
- Struktura valovogo regionalnogo produkta* [Structure of gross regional product] (2020) URL: <https://fedstat.ru/indicator/59450>.
- Tverdokhlebov N.I. (2005) Deyatel'nost Programmy razvitiya OON v Avtonomnoy Respublike Krym [Activities of the UN Development Program in the Autonomous Republic of Crimea]. *Uchenye zapiski TNU im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Ekonomika*, vol. 18, no 1, pp. 300–307.
- Ukraina nachinaet ofitsialnyu blokadu Kryma* [Ukraine begins the official blockade of the Crimea] (2015) URL: <https://blogs.korrespondent.net/blog/events/3604126>.
- Ulyanitsky D., Brovinskaya M., Sakova E. (2014) Voyna protiv oligarkhov. V Krymu startovala vtoraya volna... [The war against oligarchs. Its second wave in the Crimea...]. *Capital*, no 142, pp. 8–9.
- Uzun V.Ya. (2004) Krupny selskokhozyaystvenny biznes v Rossii: tendentsii i problemy razvitiya [Large agricultural business in Russia: Trends and development challenges]. *Otechestvennye zapiski*, no 1, pp. 6–16.
- Uzun V.Ya., Shagaida N.I. (2015) *Agarnaya reforma v postsovetskoj Rossii* [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia], Moscow: Izd. dom "Delo".
- Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. (2012) Paradoksy zemelnoy akkumulyatsii [Paradoxes of land accumulation]. *Zemel'naya akkumulyatsiya v nachale XXI veka: globalnye investory i lokalnye soobshchestva*, Moscow: "Delo", pp. 179-196.
- Visotsky T. (2014) Sekvestr zemelnogo banku agrokholdingiv: chista yekonomika chi efekt viyni? [Sequestration of the land bank of agroholdings: Pure economics or the effect of war?]. URL: <https://vk.cc/atVifU>.
- Zakon Ukrainy "Pro kholdyngovi kompanii v Ukraini" (2006) [Law of Ukraine "On Holding Companies in Ukraine"]. *Vidomosti Verkhovnoy Rady Ukrainy*, no 34, article 291.
- Zinoviev F.V., Kalinichenko I.L., Silkin V.N., Dodonova M.V. et al. (2000) Ekonomika lichnykh podsobnykh khozyaistv selskikh zhitelei [Economy of the personal subsidiary plots of rural residents]. *Reformirovanie ekonomiky APK Kryma (otsenka sostoyaniya, perspektivy zaversheniya)*, Symferopol: Tavryda, pp. 96–108.

Территориальная трансформация прибрежных поселений и их окрестностей¹

М.В. Рогова

Рогова Марина Владимировна, кандидат географических наук, младший научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. 664033 Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1. E-mail: rogoва@irigs.irk.ru

В статье представлены процессы преобразования пространства села в результате воздействия развития туризма и рекреации. Туристические объекты, расположенные, как правило, на землях одной из двух категорий — земель сельскохозяйственного назначения или земель населенных пунктов, тяготеют к периферии сельских сообществ, их возвышенным или прибрежным участкам. Фактически на наиболее привлекательных участках побережья озера Байкал на территории сельских сообществ и за их пределами происходит формирование новых территориальных структур — поселений коттеджного типа. Наряду с увеличением числа объектов застройки на периферии отмечается и обратный процесс — рост неоптимизированного пространства внутри поселений — заброшенных домов или домов, выставленных на продажу из-за отъезда молодежи в город, роста трудовой миграции населения. В статье изложены результаты наблюдений за процессами преобразования географического и культурного ландшафта села и роста его институциональных и экологических проблем. На территориях, предназначенных для сельского хозяйства, строятся турбазы и рекреационные объекты, тем самым возможности многоукладной сельской экономики фактически сужаются до единого вектора рекреационного развития территорий. В связи с этим отмечается трансформация восприятия данной проблемы сельскими жителями. Если раньше прием и размещение гостей составлял лишь одну из практик выживания в общей канве многоукладной системы как один из элементов стратегии заработка, то сейчас формирование прослойки предпринимателей со своими рекреационными задачами не вписывается в существующую систему ценностей. Это уже не составная часть сельской экономики, это бизнес коммерческого контингента, конкурирующего с сельским населением. Кроме того, турбазы, отстроенные на территориях сельскохозяйственного назначения, являются объектом институциональных издержек, той корумпированной системы земельных отношений, в которые вступили органы власти различного уровня. В статье использованы материалы полевых исследований в сельских сообществах Прибайкалья в 2005–2007 и 2011–2018 годах.

Ключевые слова: самозахват, новые территориальные структуры, многоукладная сельская экономика, трансформация села, туризм и рекреация

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-130-140

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-45-03039 «Постагрогенные степные ландшафты Республики Бурятия: потенциал, поиск компромиссов между сельскохозяйственным развитием и функционированием экосистем, социально-экономические и экологические последствия использования».

Данные визуального наблюдения, фото— и видеосъемки местности вокруг озера Байкал демонстрируют образование на побережье фактически новых форм территориальных структур линейного типа. В теоретической географии это явление изучается в рамках концепции развития агломераций. Описание самих территориальных структур, их форм и соотношения восходит к традиции «теории изолированного государства» И.Г. Тюнена, а позднее — к пространственной теории организации хозяйства А. Лёша (Лёш, 1959). Модели объектов и явлений территориальных структур, включая особо охраняемые природные территории, подробно исследовали в своих работах Б.Б. Родоман (Родоман, 2002; 2007), В.Л. Каганский (Каганский, 2012б), А.И. Трейвиш (Трейвиш, 2017). Данное исследование не ставит задачей изучение территориальных структур самих по себе, а нацелено лишь на анализ тех условий и факторов, под влиянием которых происходит формирование этих структур. Все это необходимо в первую очередь для поиска эффективных инструментов мониторинга земельных рынков и охраны земельных ресурсов, в основном категорий земель сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых природных территорий.

Факторы и предпосылки территориальных преобразований: самозахват и самострой

Еще задолго до начала становления земельного рынка и появления права на частную собственность в России были широко распространены явления самозахвата земель, огораживания территории и самостроя. Изучение подобных форм присвоения территории и их институциональных причин раскрываются в исторических и социологических работах как противостояние фундаментальному вектору воздействия власти в любом ее проявлении и практики сопротивления ей (Бедаш, 2014; De Certeau, 1984). И хотя социология явления самозахватов акцентирует внимание на общественном аспекте, анализируя логику организации жизни в подобных искусственно создаваемых пространствах, географическая обусловленность данного явления не менее значима. Постепенно случаи огораживания и самостроя в городах утратили свою легитимность. Часть таких построек уже снесена, а территории застраиваются типовыми объектами. Это послужило причиной для возникновения иных проблем институционального характера. При всей легитимности самозахватов, или по принятой юридической терминологии «самовольных построек» (Алексеев, 2012), остается задача их легализации, что предопределило необходимость реформирования законодательства в данных вопросах в более гибкую сторону. В частности, в настоящее время прирезка (увеличение участков) или перераспределение земель разрешены, необходимо только документально подтвердить свои действия. Размер доплаты за увеличение участка составит 15% от кадастровой оценки земли (Бирюков, 2016). Под присоединение обычно попадают участки в тупике, овражистые местности — по негласному объяснению, такое присо-

единение в чем-то спасает территорию от образования на ней стихийных свалок. Самовольно присоединенные участки годами могут числиться закрепленными за собственником, если только он не собирается продавать участок. Хотя административная проверка участков существует, контролирующие органы заметят это только в случае поступления жалобы на собственника или при проведении вблизи участка земельных работ.

Факторы, обусловившие явления самозахватов, определяют географический интерес к проблеме с точки зрения возникновения территориальных структур неформального генезиса, а в последнее время и с позиции их экологической и этической стороны для общества и природы. В сельской местности огороженные территории приватизировались собственниками практически беспрепятственно: дополнительные квадратные метры просто приписывались к уже существующим за небольшое вознаграждение землемеру. Сами по себе подобные факты огораживания территорий не представляют большой опасности, если несколько присвоенных домохозяйствами метров не несут угрозы для существования сельского сообщества и окружающей среды. Тем более если речь идет о фактических нуждах сельского жителя в отгонах для скота или огородах. Гораздо большие неприятности возникают, когда землепользователь берет на себя смелость огородить участок береговой зоны, тем самым ограничивая возможности свободного доступа к водоему.

Самые характерные и наиболее встречающиеся постройки в прибрежной зоне, в том числе в изучаемых сельских сообществах Прибайкалья, это лодочные гаражи и ангары, которые не представляют особой экологической опасности, однако в местах, где рельеф не позволяет строиться дальше, постепенно происходит эволюция таких построек в жилые сооружения. Подобные вариации гаражного или даже дачного строительства практически на прибрежной полосе — это уже не только нелегальные, но и нелегитимные действия собственника, фактически нарушающего права местных жителей на чистоту жизненного пространства и доступ к источнику воды.

Появление объектов несогласованного строительства (или незаконно оформленных) в местах общего пользования, как и рост целых территориальных структур, становится географической проблемой, решение которой попадает в область институциональных издержек земельного рынка. Кроме очевидных институциональных проблем, связанных с утратой функциональной эффективности территории, здесь очевидна связь с нарушением целостности ландшафта, а следовательно, с областью географии, изучающей культурный ландшафт. В частности, потерю пространства в его культурном контексте отмечает Б.Б. Родоман (Родоман, 2007).

Как показывают исследования земельного рынка в Байкальском регионе, примеры самостроя и узаконенных нелегальных построек множатся. Особенно это касается территорий, расположенных на маломорском побережье озера Байкал, где отмечается строитель-

ство целых коттеджных поселков дачного типа. Легализация этих строений уже не вызывает сомнения, но легитимность их расположения в водоохранной зоне, в том числе непосредственно у первой береговой линии, становится предметом активной общественной дискуссии. Это те издержки земельного рынка, которые являются индикатором его институциональных проблем, напоминая об экстенсивном характере развития на локальном уровне. Такое развитие не дает возможности для формирования ответных действий местных сообществ, не дает укрепить их позиции, или, по мнению М.Я. Рожанского, не дает сформироваться культуре компромисса отношений (Рожанский, 2012). О необходимости институционального подхода в решении данного рода проблем, в частности, проблемы нелегальных построек в пригороде г. Улан-Удэ Республики Бурятия, пишет также А. Бреславский (Бреславский, 2016).

Главным фактором появления неформальных практик самозахвата можно считать директивно установленные институты и ограничения. В отсутствие возможностей установления диалога с властью у социума остаются только нелегальные формы и способы притязаний на пространство. Как правило, легализация этих способов происходит уже после освоения пространства через систему личных связей с органами местного самоуправления. Однако в настоящее время в постлегализации нет необходимости, существуют иные схемы проведения сделок с землей, фактически наследовавшие тем ранним практикам легализации. Изменились и масштабы этих практик, которые по факту обуславливают возникновение целых коттеджных поселков дачного типа на территориях сельскохозяйственных угодий.

Качественные изменения сельского пространства и социума Экономико-географические исследования ставят своей целью обоснование наиболее целесообразных путей использования и закономерного преобразования территории. Об этом упоминал один из основоположников отечественной агрогеографии А.Н. Ракитников (Ракитников, 2003), отмечая важность изучения выработанных практикой местного населения способов хозяйствования. Для трансформаций, связанных с рынком земель, характерно не только возникновение новых территориальных структур, формирующихся в результате застройки земельных участков, но и качественные изменения структуры сельского хозяйства, а также сферы труда и занятости сельского населения. Особенно часто эти процессы наблюдаются на удаленных территориях, где еще острее, чем в пригородных зонах, проявляется экономическое неблагополучие, где сельская местность и сельское хозяйство еще сохраняют свою жизнеспособность (Нефедова, 2012; Каганский, 2012а). Отчасти это инерция планового сельского хозяйства, одним из главных принципов которого являлась система централизованного распределения ресурсов (Мерль, 2017). Схемы поставки кормов и реализации продукции спускались сверху, не давая формироваться рыночной

культуре хозяйствования. Согласно централизованной логистике, даже корма для совхозов Ольхонского района поставляли из Казахстана (Rogova, 2006). Говоря о сельском или фермерском хозяйстве, необходимо отметить, что речь не идет о создании крупных агропромышленных комплексов, они нерентабельны из-за значительного отдаления от больших городов и невысокой пастбищной емкости прибайкальских степей для животноводства. Даже с получением участка земли только малый процент сельских жителей был готов к ведению фермерского хозяйства. В таких условиях появившиеся возможности развития туристической деятельности способствовали новому интересу к земле и, соответственно, повышению ее стоимости. Программы социально-экономического развития муниципальных образований стали включать сферу туризма и рекреации в доходные статьи и стали рекомендовать местным жителям размещать туристов в своих домах. Иными словами, фактически легализовали ту сферу многоукладной сельской экономики, которая уже давно развивалась в разных поселениях на побережье Байкала.

Неутешительным является вывод относительно того, кем становится сельский житель на такой удаленной от крупных городов территории и способен ли он своей домашней гостиницей конкурировать с владельцами крупных турбаз. Кроме того, респонденты часто отмечают, что местные турфирмы или региональные представительства крупных туристических компаний не берут на работу местное население. Искусственно создаваемый дефицит земель на локальном рынке для местных жителей снижает их возможности заработка в рекреационной сфере, которая в условиях практически полного отсутствия сельского хозяйства оказывается единственным средством существования сельских жителей. Доступ к властному ресурсу обеспечивал возможность распоряжаться землеотводами за личную выгоду. Без него для многих оказалось невозможным получить земельные участки: *«Мой муж — коренной житель не смог получить участка. И его братья. И много таких не блатных и не приближенных к мэрам. Земля стала интересна спекулянтам. Когда распродали земли населенных пунктов, ненасытные чиновники стали продавать земли нацпарка»* (Н.Н., местный житель, предприниматель, полевые материалы автора (ПМА), 2019 г.).

В целом массовый спрос на земли обозначился примерно в 2008–2009 годах. Именно тогда наблюдались первые всплески повышения цен на земельные участки и недвижимость в целом на Байкале. Это было связано как с возможностями извлечения земельной ренты с помощью административного ресурса, так и с появлением все большего числа собственников земельных участков при прямых продажах.

Высокий уровень безработицы характерен для ряда сельских местностей, но что касается лиц, официально являющихся безработными, «безработный еще не значит бездельник» — как пра-

вильно подмечено журналистом регионального издания (Мичурин, 2006). Зачастую именно эта категория граждан проявляет высокую активность не только в поисках заработка и средств для жизни, но находит и пробует новые сферы деятельности, которые не характерны для данного поселения и сообщества. Если учесть, что рабочие места предоставляют в основном социальные учреждения и администрация, то есть бюджетная сфера, то для существования поселка необходимо, чтобы все работающие люди получали высокую зарплату, иначе содержать остальное числящееся безработным население просто невозможно. На деле же истинно безработных мало — в основном только категория нетрудоспособных лиц. Остальные выживают и зарабатывают автономным трудом, и их влияние на внутренний рынок рабочего капитала заметно растет. В изучаемых нами сельских сообществах Прибайкалья новая экономическая занятость — это туристско-рекреационная деятельность и сфера услуг. В числе традиционных занятий местных жителей, как основных практик выживания, остается рыбный промысел и личное подсобное хозяйство. Реже представлены крестьянско-фермерские хозяйства животноводческого направления.

Трансформация сельских поселений под влиянием преобразований сельского образа жизни и привнесения элементов новых видов деятельности, в соответствии с которыми изменяется структура и форма поселений на побережье озера Байкал, напоминает процессы субурбанизации, разрастание территорий поселений с параллельным снижением концентрации населения. Особенно сильно такое рассредоточение по территории поселений и за ее пределами проявляют турбазы, стремящиеся, с одной стороны, к автономии, а с другой — нуждающиеся в подключении к ЛЭП, транспортным и коммуникационным линиям.

По факту земли сельскохозяйственного назначения давно начали застраиваться туристическими объектами. На территории только Прибайкальского национального парка еще в 2012 году насчитывалось более 150 туристических баз. Последние имели по документам много фиктивных целевых назначений и числились как пансионаты, детские дома отдыха или базы отдыха разных предприятий. Однако по существу, они представляли собой обычную коммерческую туриндурию. По сведениям прокуратуры, большинство обращений, связанных с Центральной экологической зоной Байкальской природной территории, касалось нелегальных объектов турбизнеса, от которых не поступали налоговые отчисления в местные администрации (Прокурор..., 2017). Торговля участками особо охраняемых природных территорий фактически не является областью неформальной экономики. В объявлениях о продаже участков в Прибайкалье систематически встречаются такие, где указано назначение категории земель. Продажа земель сельхозназначения под объекты туризма и рекреации лишает территории участков, потенци-

ально предназначенных для сельхозработ или личного подсобного хозяйства.

Застройка обширных участков побережья стала следствием реализации крупных инвестиционных проектов. Большинство проектов развития туризма на Байкале сопровождалось отчуждением определенной территории побережья. Это подтверждает и следующий пример с созданием особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (ОЭЗТРТ). Особые экономические зоны получили развитие согласно ФЗ № 116 от 22.07.2005 «Об особых экономических зонах в РФ». Программа по созданию ОЭЗТРТ ставила цель развивать туризм и рекреацию в нескольких регионах страны, в эту программу попала и Иркутская область. В течение ряда лет территория планируемого создания ОЭЗ перемещалась из одного района в другой и каждый раз под нее планировался участок земли в несколько сотен га, разрабатывался проект и техническое обоснование. Начиная с 2006 года проект ОЭЗ кочевал с острова Ольхон в Ольхонском районе области в пгт Листвянка Иркутского района, затем ее утвердили на территории пос. Большое Голоустное. Параллельно с отчуждением территории проектируемой зоны в названных населенных пунктах активизировался рынок недвижимости, начиналась реализация земельных участков с ростом цен на них. К примеру, в пос. Большое Голоустное в 2002 году (когда еще не было речи о создании ОЭЗ) земли по 10–15 соток продавались от 60–80 тыс. руб. В 2008 году стоимость участка в те же 10 соток достигала уже 1,2 млн руб. (Докукина, Арбузова, 2008). Несмотря на высокую стоимость, участки пользовались большим спросом.

В последующем проект ОЭЗТРТ в очередной раз перекочевал на территорию Слюдянского района (несмотря на то что на проектные работы и документацию по проекту в п. Большое Голоустное было затрачено 83 млн руб. из выделенных в целом на проект 8 млрд руб.). Те несколько сотен га, которые были выделены из Голоустненского МО под организацию ОЭЗ, вышли из-под ведения местной администрации, а сам участок степей и болот дельты р. Голоустной — из состава ООПТ «Прибайкальский национальный парк». Согласно постановлению Правительства РФ от 03.02.2007 № 72, территория ОЭЗ была окончательно утверждена в Иркутском районном муниципальном образовании и расширена за счет земельных участков Слюдянского района Иркутской области, получив название ОЭЗТРТ «Ворота Байкала». Был закреплен максимальный размер арендной платы за земельные участки резидентам ОЭЗ, составивший 2% от их кадастровой стоимости в год. Территория, предоставляющая земельные участки, расположена на юго-восточном побережье Байкала у подножия горного хребта Хамар-Дабан, рядом с городом Байкальск, и представляет собой действующий горнолыжный курорт «Гора Соболиная» общей площадью участка 757 га с относительно раз-

витой транспортной и туристической инфраструктурой (Особая Экономическая Зона, 2017).

В настоящее время в пос. Большое Голоустное земельные участки под строительство жилого дома можно купить в среднем по цене 50–55 тыс. руб./сот. Но для местных жителей и такая сумма во многих случаях оказывается неподъемной. В отсутствие рабочих мест в поселке увеличился отток населения, особенно молодежи, в города. При наметившемся дефиците земель для сельской молодежи в поселках практически не выделяется новых участков для строительства. Местные жители выстраиваются в многолетнюю очередь на отведение участка по льготной цене. При этом для строительства дома и организации домашнего хозяйства не подходят участки с ветхими строениями, поскольку предполагают затраты на снос. Для строительства туристических объектов отдают предпочтение возвышенным и прибрежным участкам поселений. Форма территориальных структур поселений, таким образом, приобретает линейный вид, вытянутый вдоль побережья с концентрацией строений и объектов инфраструктуры в береговых зонах. Наиболее востребованные по продажам земель прибрежные участки фактически превращаются в дачные коттеджные поселения с высокой концентрацией строений на их территории. Учитывая, что локальный земельный рынок чрезвычайно насыщен предложениями о продажах земельных участков практически в любом месте побережья озера Байкал, можно прогнозировать дальнейший рост этих структур.

Библиография

- Алексеев В.А. (2012). Самовольная постройка и виды недвижимого имущества // Гражданское право. № 6. С. 17–21.
- Бедаш Ю. (2014). Власть и пространство как предмет практической философии. URL: <http://analitikaru.ru/2014/02/02/vlast-i-prostranstvo-kak-predmet-prakticheskoy-filosofii> (дата доступа: 26.01.2017).
- Бирюков А. (2016). Расширить границы // Антенна-Телесемь. № 44. С. 74–75.
- Бреславский А.С. (2016). Современное общество: территориально-поселенческий аспект // Мир России. № 1. С. 79–102.
- Докукина К., Арбузова Е. (2008). Зона отчуждения // Восточно-Сибирская правда. № 25762. URL: <http://irkutsk.irbp.ru/page/746/749> (дата доступа: 10.09.2011).
- Каганский В.Л. (2012а). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 23–34.
- Каганский В.Л. (2012б). Советское пространство: ландшафтный и экологический аспект // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5. С. 26–36.
- Лёш А. (1959). Географическое размещение хозяйства. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Мерль Шт. (2017). The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions // Крестьяноведение. Том 2. № 2. С. 53–76.
- Мичурина Н. (2006). Ольхонский офшор // Восточно-Сибирская правда. URL: http://www.vsp.ru/show_article.php?id=34795 (дата доступа: 09.11.2016).

- Нефёдова Т.Г. (2012). Людям нужна не земля, а работа. Агрохолдинги — спасение России. Зло не в них, а в коррупции // Русский репортер. № 14 (243). URL: <https://rusrep.ru/article/2012/04/11/nefedova> (дата доступа: 12.05.2012).
- Особая Экономическая Зона «Ворота Байкала» (2017) // РОСОЗЗ «Ворота Байкала». URL: <http://baikal-sez.ru/tourist> (дата доступа: 29.03.2017).
- Прокурор: некоторые проблемы прибайкальских территорий — надуманны (2017) // ИА Телеинформ. 16.02.17. URL: <http://i38.ru/nedvizhimost-obichnie/prokuror-nekotorie-problemi-pribaykalskich-territoriy-nadumani> (дата доступа: 05.05.2017).
- Ракитников А.Н. (2003). Избранные труды / Под ред. В.Г. Крючкова. Смоленск: Ойкумена.
- Родоман Б.Б. (2002). Поляризованная биосфера: сборник статей. Смоленск: Ойкумена.
- Родоман Б.Б. (2007). География, районирование, картоиды: сборник трудов. Смоленск: Ойкумена.
- Рожанский М.Я. (2012). Самоуправление без самоорганизации: реформа без реформы // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей / Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С.129-158.
- Трейвиш А.И. (2017). «Осредненный» регион России: идея моделирования с учетом векторов асимметрии // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды / Отв. редактор В.Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И.И. С. 31-41.
- De Certeau M. (1984). Walking in the city // The Practice of Every day Life / Trans. by St. Rendall. Berkeley: Regents of University of California Press.
- Rogova M.V. (2006). The philosophy of perception regarding the development problem of a region's key economic sector (a case study of the Prebaikalia) // International Journal of Ecodynamics. Vol. 1. № 1. P. 64-71.

Territorial transformation of coastal settlements and their neighborhood

Marina V. Rogova, PhD (Geography), Junior Researcher, Institute of Geography named after V.B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Batorskaya St, 1, Irkutsk, 664033. E-mail: rogova@irigs.irk.ru

The article considers the rural space transformations determined by the tourist and recreational development. Tourist facilities are usually located either on agricultural lands or in rural settlements, i.e. on the periphery of rural communities — hills or coastal areas. On the most attractive parts of the Lake Baikal coast, in rural communities and their neighborhood, there are new territorial structures developing — cottage settlements. At the same time, there is a reverse process — the increasing abandoned space inside settlements (abandoned houses and houses for sale due to the youth outflow to the city, growing labor migration). The article presents the results of the study of the changing geographical and cultural landscape of the village, of its increasing institutional and environmental challenges. On the agricultural land, there are new tourist and recreational facilities, which leads the multi-structural rural economy to a single recreational path and changes the perception of this trend by the rural population. Before, tourist services constituted only one survival strategy in the multi-structural system, while today the development of the entrepreneur stratum with recreational tasks does not correspond to the existing system of values. This is no longer an integral part of the rural economy; it is a commercial business competing with the rural population. Moreover, tourist sites on the agricultural land have huge institutional costs and support the corrupt system of land relations. The article is based on the field research conducted in rural communities of the Baikal region in 2005–2007 and 2011–2018.

Key words: land grabbing, new territorial structures, multi-structural rural economy, rural transformation, tourism and recreation

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-45-030039 “Post-agrarian steppe landscapes of the Republic of Buryatia: Potential, search for compromise between agricultural development and ecosystem, social-economic and environmental consequences”.

References

- Alekseev V.A. (2012) Samovolnaya postroyka i vidy nedvizhimogo imushchestva [Unauthorized construction and types of real estate]. *Grazhdanskoe pravo*, no 6, pp. 17-21.
- Bedash Yu. (2014) *Vlast i prostranstvo kak predmet prakticheskoy filosofii* [Power and space as an object of practical philosophy]. URL: <http://analitikaru.ru/2014/02/02/vlast-i-prostranstvo-kak-predmet-prakticheskoy-filosofii>.
- Biryukov A. (2016) Rasshirit granitsy [To extend the boundaries]. *Antenna-Telesem*, no 44, pp. 74-75.
- Breslavsky A.S. (2016) Sovremennoe obshchestvo: territorialno-poselenchesky aspekt [Contemporary society: A territorial-settlement aspect]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 79-102.
- De Certeau M. (1984) Walking in the city. *The Practice of Everyday Life*. Trans. by St. Rendall, Berkeley: Regents of University of California Press.
- Dokukina K., Arbizova E. (2008) Zona otchuzhdeniya [Exclusion area]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*, no 25762. URL: <http://irkutsk.irbp.ru/page/746/749>.
- Kagansky V.L. (2012a) Vnutrennyaya periferiya — novaya rastushchaya zona kulturnogo landshafta Rossii [Inner periphery — a new growing area of the Russian cultural landscape]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 6, pp. 23-34.
- Kagansky V.L. (2012b) Sovetskoe prostranstvo: landshaftny i ekologi-chesky aspekt [Soviet space: Landscape and environmental aspects]. *Labirint*, no 5, pp. 26-36.
- Lösch A. (1959) *Geograficheskoe razmeshchenie khozyaystva* [The Economics of Location]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
- Merl S. (2017) The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions. *Krestyanovedenie*, vol 2, no 2, pp. 53-76.
- Michurina N. (2006) *Olkhonsky ofshor* [Olkhonsky offshore]. URL: http://www.vsp.ru/show_article.php?id=34795.
- Nefedova T.G. (2012) Lyudyam nuzhna ne zemlya, a rabota. Agrokholdingi — spaseniye Rossii. Zlo ne v nikh, a v korruptsii [People need jobs not land. Agroholdings — the salvation of Russia. It is corruption not them that is evil]. *Russky reporter*, no 14. URL: <https://rusrep.ru/article/2012/04/11/nefedova>.
- Osobaya ekonomicheskaya zona "Vorota Baykala"* [Special Economic Zone "Baikal Gate"] (2017) URL: <http://baikalsez.ru/tourist>.
- Prokuror: nekotorye problemy pribaykalskikh territoriy — nadumanny* [Prosecutor: Some problems of the Baikal territories are far-fetched] (2017) URL: <http://i38.ru/nedvizhimost-obichnie/prokuror-nekotorye-problemi-pribaykalskikh-territoriy-nadumani>.
- Rakitnikov A.N. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Pod red. V.G. Kryuchkova, Smolensk: Oykumena.
- Rodoman B.B. (2002) *Polyarizovannaya biosfera* [Polarized Biosphere], Smolensk: Oykumena.
- Rodoman B.B. (2007) *Geografiya, rayonirovanie, kartoidy* [Geography, Zoning, Cartoids], Smolensk: Oykumena.

- Rogova M.V. (2006) The philosophy of perception regarding the development problem of a region's key economic sector (a case study of the Prebaikalia). *International Journal of Ecodynamics*, vol. 1, no 1, pp. 64-71.
- Rozhansky M.Ya. (2012) Samoupravlenie bez samoorganizatsii: reforma bez reformy [Self-government without self-organization: Reform without reform]. *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samoorganizatsiya*. Pod obshch. red. A.M. Nikulina, Moscow: Izd. dom "Delo", pp. 129-158.
- Treivish A.I. (2017) "Osrednenny" region Rossii: ideya modelirovaniya s uchetom vektorov asimmetrii [An "averaged" region of Russia: The idea of modeling with asymmetry vectors]. *Mnogovektornost v razvitii regionov Rossii: resursy, strategii i novye trendy*. Otv. red. V.N. Streletsky, Moscow: IP Matushkina I.I., pp. 31-41.

Жилищное товарищество Uferwerk, или Реализация социальной утопии

Я.О. Лепетюхина, М.А. Нерода

Яна Олеговна Лепетюхина, аспирантка, Институт политических наук, Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule Aachen, Mies-van-der-Rohe-Straße 10. 52074 Aachen E-mail: politische.wissenschaft@ipw.rwth-aachen.de

Максим Андреевич Нерода, графический дизайнер; руководитель электромастерской в товариществе Uferwerk, Halle36 e.V., Luisenstr. 16, 14542 Werder (Havel) E-mail: info@maximmeroda.com

В данном эссе рассматривается история создания, развития и практики функционирования немецкого жилищного кооперативного товарищества Uferwerk, расположенного в сельской местности в нескольких десятках километров от Берлина. На примере жилищного кооператива Uferwerk анализируется социальная структура, финансовые и юридические особенности современного жилищного товарищества, стремящегося к реконструкции традиционных, но одновременно и созданию новых гуманистических отношений человеческого общежития. Данное товарищество трансформировало и перестроило бывшие индустриальные территории металлургической мануфактуры в экологически привлекательное пространство для проживания сообщества, состоящего из девяноста взрослых и шестидесяти детей различных поколений. В статье особое внимание уделяется опыту успешного межпоколенческого взаимодействия участников жилищного товарищества. Также анализируется история поиска оптимальных юридических и организационно-финансовых форм функционирования этого уникального сообщества. Особо отмечается, что все участники жилищного проекта, начиная его, не обладали никакими особенными данными или навыками для создания кооператива, обустройства совместной жизни, реконструкции недвижимости, формулирования правил нового общежития. Становление сообщества происходило в рамках процессов внутреннего взаимного обучения, основанного на активном соучастии его членов в управлении и принятии решений, труде и отдыхе, стремлении к достижению старых утопических целей кооперативной солидарности в новых социальных условиях XXI века.

Ключевые слова: сообщество, семья, товарищество, кооператив, субурбанизация, недвижимость, экология, поколения, утопия

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-141-150

В крупных городах Германии и их пригородах на смену классической аренде жилья или покупке недвижимости приходят альтернативные способы организации жилого пространства, среди которых наиболее распространены синдикаты и кооперативы (строительные и жилищные кооперативы — Bau— und Wohngenossenschaften).

Если в синдикатах помимо предоставления жилья важна совместная деятельность и малое производство, то в жилищных товариществах целью является доступное для нескольких поколений жилье. Каждое жилищное товарищество оформляется как юридическое лицо и функционирует согласно универсальному Уставу (*die Satzung*). Например, во втором параграфе Устава жилищного кооператива *Uferwerk* сказано, что цель создания товарищества — обеспечение постоянным и надежным жилым пространством не только каждого члена кооператива, но и последующие поколения. При этом немаловажную роль играют экологичные формы жилья и социальное разнообразие участников сообщества. На примере кооператива *Uferwerk* в Бранденбурге мы рассмотрим социальную структуру, финансовые и юридические особенности современного немецкого жилищного товарищества.

В тридцати шести километрах от Берлина, на берегу реки Хафель, неподалеку от потсдамского дворца и парка Сан-Суси, расположен Вердер, город, каждую весну привлекающий множество туристов своими цветущими и благоухающими деревьями, деревенской безмятежностью, копченой рыбой и домашним вином. Здесь на берегу озера в непосредственной близости от железнодорожного вокзала, откуда каждые полчаса отходят в Берлин удобные экспрессы, с остановками у Берлинского зоопарка, Рейхстага и Александерплатц, в 2015 году группа энтузиастов основала жилищное товарищество *Uferwerk*. Товарищество, или кооператив (*die Genossenschaft*), располагается на территории бывшей металлообрабатывающей мануфактуры, здания которой были отреставрированы и переделаны в просторные и уютные жилые помещения. Кооператив обеспечивает жильем около ста пятидесяти человек, среди них шестьдесят детей и девяносто взрослых разного возраста, что позволяет кооперативу быть юридически оформленному как социальный жилищный проект нескольких поколений.

Именно присутствие разных поколений оказывается первым, на что обращаешь внимание, попадая впервые в *Uferwerk*. Повсюду слышны детские голоса, дети строят дома из песка, поют песни, забравшись на деревья, везде валяются их велосипеды, самокаты, игрушки, обувь и одежда (большинство детей здесь — творческие и любознательные ученики вальдорфской школы, расположенной по соседству). Помимо свободно гуляющих повсюду детей мелькают седые головы — кто-то сажает цветы или деревья, кто-то что-то чинит, отдыхает на солнце или читает в тени. Все знают друг друга по именам. Пенсионеры приглядывают за детьми, дети уважают и слегка остерегаются старших, стараясь не попадаться им лишний раз на глаза. Работающие взрослые могут быть спокойны за детей: ведь всегда можно договориться с соседями о том, чтобы ребенок был под присмотром. Пенсионеры, в свою очередь, предпочитают быть полезными, поэтому активно участвуют в жизни сообщества.

Участие — неотъемлемая часть жизни в товариществе. Начиная с момента регистрации кооператива, последующего поиска подходящего места, реставрации и обустройства, и заканчивая совместным принятием решения о квоте на количество кошек и собак (в кооперативе может проживать не более семи кошек и двух собак одновременно), требовалось постоянное присутствие и участие в собраниях, пленумах, тематических встречах. Именно это постоянное общение и способность вести дискуссию, приводить аргументы, взвешенно спорить и идти на уступки являются ядром жизни в товариществе. Кроме того, само активное участие в жизни товарищества — долг и обязанность каждого участника, что также прописано в Уставе. Поэтому решение жилищного вопроса подобным образом подразумевает желание и готовность жить сообща, быть активной частью сообщества.

Структура товарищества

В Уставе сказано, что все члены товарищества обладают равными правами и именно собрание всех членов товарищества является центральным органом управления. Два раза в месяц проводятся пленарные заседания членов кооператива, все решения принимаются путем голосования. Каждый член товарищества обладает одним голосом и должен проголосовать лично, хотя возможна и письменная передача одного голоса другому члену товарищества. Результат голосования в случае наименее дискуссионных вопросов зависит от решения большинства, но при особенно спорных вопросах результат зависит от меньшинства: если двадцать

пять процентов проголосовавших от общего числа присутствующих на пленуме выступили против, то поддерживается их решение, таким образом, в подобной системе голосования меньшинство способно влиять на результат. Так, например, в течение полугода активно обсуждался вопрос, стоит ли автовладельцам платить за парковку, если парковка уже и так находится на кооперативной земле. Дискуссия шла очень долго и окончательное решение было принято в пользу того самого меньшинства, парковка осталась бесплатной, потому что двадцать пять процентов из всех присутствующих были против. Стоит добавить, что сами автовладельцы предлагали платить аренду, но их оппоненты были против самой возможности такого прецедента, так как иначе платным мог оказаться любой клочок земли в кооперативе. На каждом пленуме выбирается председатель, ведущий протокол, в который вносятся обсуждаемые проблемы, количество присутствующих, способы голосования, принятые решения. Кстати, в Германии имеется специальное государственное ведомство (*die Prüfungsverband*), контролирующее функционирование кооперативов, проводящее ежегодные проверки протоколов пленумов и наблюдающее за соответствием Уставу совместной деятельности членов товарищества.

Помимо обсуждения насущных вопросов и принятия решений на пленумах избираются председатели правления и члены наблюдательного совета. В каждом товариществе есть наблюдательный совет (*der Aufsichtsrat*) и собственно правление (*der Vorstand*). В *Uferwerk* у председателей правления многочисленные задачи и полномочия: решение социальных вопросов внутри товарищества, строительство и ремонт, финансы. Председатель правления избирается путем прямого голосования на два года, для избрания кандидату достаточно более половины голосов. Деятельность председателей добровольная и занимает много времени, поэтому ими часто становятся пенсионеры. Основными задачами правления является реализация целей товарищества и его дальнейшее развитие. Например, в финансовые задачи входит наблюдение за своевременно оплаченными счетами за коммунальные услуги и аренду, в строительные — реконструкция помещений, строительство, ремонт. Социальные вопросы следующие: контакты товарищества с соседями, различными организациями города (например, решение о совместном использовании пляжа с соседями из расположенных поблизости домов или привлечение беженцев для участия в мероприятиях внутри кооператива). Председатель, ответственный за социальные вопросы, занимается решением внутренних проблем, связанных, например, с невозможностью кого-то из членов кооператива оплатить текущие счета аренды, поэтому на такие случаи организован фонд, в котором можно взять деньги в долг. Или же во время коронавирусной эпидемии социальное правление придумывает новые способы использования общих помещений, организует пленумы в виде видеоконференций

Органы управления Uferwerk eG

145

*Я.О. Лепетюгина,
М.А. Нерода*
Жилищное товарищество Uferwerk,
или Реализация социальной утопии

или на улице вокруг кооперативного очага, следит за дистанцией между участниками и дезинфекцией общих пространств. Помимо этого в социальные задачи входит организация семинаров, направленных на улучшение взаимопонимания членов сообщества и урегулирование конфликтов, на тренировку умения ясно выражать позицию и вести дискуссию. Также регулярно проходит социальный форум, куда может прийти каждый член кооператива и рассказать о том, что именно его не устраивает в текущем положении дел в товариществе. В обязанности председателя, ответственного за социальные вопросы, помимо прочего входит решение таких задач, как обеспечение беспрепятственного доступа для людей, передвигающихся на колясках, по всей территории кооператива. За корректной работой членов правления и законностью принимаемых ими решений следит орган наблюдательного совета, который к тому же проверяет годовой отчет.

Образование кооператива

В 2015 году инициативная группа берлинцев юридически оформила товарищество, при этом обязательным условием вступления в кооператив был денежный взнос в размере 3100 евро. На начальном этапе в товарищество принимали всех желающих, но, когда количество подавших заявку стало стремительно расти, применили процедуру отбора новых членов. Таким образом

было сформировано нынешнее товарищество, в котором большинство участников оказались людьми социально-привилегированными: с высшим образованием, учеными степенями и творческими профессиями.

После того, как кооператив получил статус юридического лица, начался поиск подходящей недвижимости. Поиски были продолжительными — нужны были подходящие объекты в Берлине или его пригороде, в непосредственной близости от железнодорожных путей сообщения (большинство работают и учатся в Берлине и развитая железнодорожная сеть позволяет легко добираться в любые части города). После того, как объект был найден, был произведен расчет стоимости ремонта старых зданий бывшей мануфактуры и строительства новых, и на основании этих данных принято решение о том, что каждый член кооператива обязан внести минимум 500 евро за квадратный метр своей будущей квартиры. И именно в зависимости от внесенных средств происходила планировка жилого пространства. Характерной особенностью является то, что в собственности члена кооператива жилое пространство никогда не переходит, собственником всегда остается кооператив. Если же член товарищества принимает решение о выходе из кооператива, то взнос полностью возвращается.

Помимо обязательного взноса можно было внести дополнительный — до 1500 евро за квадратный метр, тем самым уменьшив размер кредита, взятый кооперативом у банка, и сократив стоимость собственной аренды. В результате только личными вкладами членов кооператива было собрано более трех миллионов евро (3 464 000 евро). Но запланированная стоимость проекта на момент строительства составляла 12,6 миллиона евро, поэтому многие члены кооператива получили отдельные специальные частные кредиты на строительство и приобретение жилья (KfW кредит) на общую сумму около трех миллионов евро. Помимо этого товарищество как юридическое лицо получило кредит от банка GLS на сумму свыше пяти миллионов евро (5 182 000 евро), тем самым была покрыта большая часть стоимости проекта, а недостающую сумму кооператив нашел у частных инвесторов. В процессе строительства выяснилось, что проект оказался дороже, поэтому непосредственно в период строительства была предпринята вторая попытка поиска денежных средств у частных инвесторов (собрано около миллиона евро). Часть инвесторов вложила деньги под 2,5% бессрочно, другая часть лишь на ограниченный срок. Доход товарищества за счет сдачи в аренду жилых и рабочих пространств своим членам и внешним арендаторам (около 4900 кв. м — жилого пространства и около 500 кв. м — рабочего) составляет в год 520 000 евро, благодаря чему кооператив успешно выплачивает кредиты. Несмотря на то что на начальном этапе каждый внес сумму, соответствующую выбранной жилой площади, аренду жилья все равно приходится оплачивать, чтобы погашать кредиты. Стоимость аренды состав-

ляет 11,5 евро за 1 кв. м, включая все коммунальные услуги, кроме электричества. В будущем после выплаты всех кредитов планируется снижение арендной платы, что обеспечит доступное жилье последующим поколениям членов товарищества.

Хотя член кооператива не становится собственником жилого пространства, за ним остается право на пожизненное использование жилья и возможность передать свое право наследникам. Из кооператива можно выйти добровольно, тем самым получив все внесенные на первоначальном этапе средства (те самые 500 евро за кв. м и 3000 евро в качестве первоначального взноса); в случае смерти члена кооператива все его права и деньги переходят наследникам и до конца календарного года они должны решить, вступают ли они в кооператив (если еще не являются его членами) и используют жилое пространство дальше, или же забирают денежные средства, тем самым лишаясь права использования жилья. Кроме того, можно быть членом кооператива и участвовать в пленумах, в различных мероприятиях и совместной деятельности, арендовать рабочие пространства, но не проживать в кооперативе.

Причины, повлиявшие на вступление в товарищество

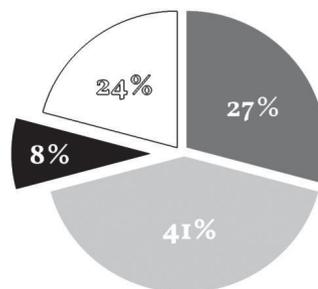
Причины вступления в товарищество были у каждого свои, но было и много общего. Например, у семей, не обладающих собственной недвижимостью, присутствовала постоянная неуверенность в будущем, поскольку арендная плата с каждым годом возрастала. Кроме того, в последнее десятилетие многие районы Берлина оказались подвержены процессу джентрификации: новые хозяева многоквартирных домов повсеместно проводят капитальный ремонт и поднимают арендную плату, вследствие чего жильцы с низкими доходами оказываются не в состоянии позволить себе снимать квартиры в прежнем доме. Аренда жилья в кооперативе защищает от спекуляций на рынке недвижимости, и, несмотря на высокие кооперативные взносы, покупка собственной квартиры все равно оказывается на порядок дороже, что просто не по карману многим молодым семьям.

Во время многочисленных бесед с жильцами кооператива стало понятно, что все они подчеркивают некапиталистический способ решения жилищного вопроса: важно не просто обеспечить себя жильем, но и поучаствовать в проекте совместной реконструкции зданий мануфактуры и образовании товарищества. Но на первый план выходит не столько архитектурный вклад двух основательниц кооператива, Ирене Мор и Карин Винтерер, совместная реконструкция зданий, постройка новых экологических домов из соломенных блоков на территории мануфактурных бараков, обустройство двора, сада и огорода, мастерских и общих помеще-

■	Вложения членов товарищества	3.464.000 €
■	Частные кредиты	1.000.000 €
■	Ипотека (GLS-Bank)	5.182.000 €
□	Кредиты членов товарищества (KfW)	2.980.000 €

Стоимость проекта 12,6 миллионов евро

Общая площадь	17.200 qm
Жилая площадь	4871 qm
Общая и коммерческая площадь	770 qm

Все данные по состоянию на 2015 год.

ний, сколько сама социальная организация этого сообщества, которая и оказалась решающим фактором для вступления в кооператив большинства семей. Например, возможность постоянно разделять между соседями родительские задачи, вроде присмотра, помощи с домашними заданиями и организацией досуга. Среди пенсионеров и вовсе не стояла проблема решения жилищного вопроса, многие из них продали свою недвижимость, чтобы переехать жить в товарищество, где они не чувствуют себя одиноко, постоянно находятся во взаимодействии с другими, занимаясь совместной деятельностью. Кроме того, для большинства пенсионеров вступление в товарищество оказалось стимулом для получения новых знаний: всем пришлось овладеть навыками управления кооперативом и ведения строительства, реконструкции и ремонта, использования интернета, освоить популярные среди молодых немцев занятия, такие как йога и скалолазание.

Многие подчеркивают, что жизнь в товариществе — это постоянный процесс обучения совместной жизни. В кооперативе господствует принцип совместного использования многих вещей и пространств, кроме того, популярно обмениваться всевозможными вещами. Например, каждый член кооператива состоит в общем чате, куда приходят различные просьбы, предложения, вопросы и советы. Если кто-то едет в Берлин и ему нужен проездной, он пишет об этом в чат, другому одалживает прицеп, третий хочет отдать диван и кто-то его забирает, а кому-то не хватает ингредиента для выпечки и он тоже не спешит ехать в магазин. В кооперативе есть «лавка подарков» (der Geschenkladen), туда относят вещи, которые больше не нужны, но могут понадобиться другому, среди них книги, пластинки, диски, взрослая и детская одежда, обувь, техника, посуда и так далее. Кроме того, раз в месяц проходят общие встречи, посвященные совместному ремонту различной техники, туда приносят принтеры, компьютеры, телефоны, чайники и тостеры, и главные умельцы кооператива помогают их чинить.

Есть различные мастерские: вело-, электро-, авто-, деревообрабатывающая и швейная. Определены специальные дни, когда мастерские открыты для внешних посетителей, каждый может при-

ти и воспользоваться инструментами под присмотром руководителя мастерской. Практикуется совместное использование автомобилей: несколько семей делят одно и то же общее транспортное средство, для этого в календарях заранее бронируется время предстоящей поездки. В общем пользовании находятся часто парусные лодки, байдарки и грузовые велосипеды. Также часть семей организовала совместную закупку продуктов у местных фермеров: раз в неделю фермеры привозят молочные и мясные продукты, овощи и фрукты, а ответственные делят продукты между семьями. В кооперативе общая прачечная, стиральными и сушильными машинами пользуются сообща, тем самым освобождая пространство в квартирах. Есть гостевая комната, которую члены кооператива бронируют для своих знакомых по специальной низкой цене. Общая кухня служит для проведения совместных кулинарных вечеров и праздников. В совместном пользовании находится также зал для йоги со стеной для скалолазания, где два раза в неделю тренер проводит занятия для всех желающих. Йога проходит чаще, так как в кооперативе целых пять преподавателей йоги. Помимо физической активности там репетирует местный хор, а в соседнем строении есть место для местной панк-группы.

В кооперативе проживает много подростков, у которых проходят свои собственные пленумы, где они решают задачи по организации досуга и совместной деятельности.

Товарищество напоминает огромную семью, которая путем постоянной взаимовыручки и бескорыстной помощи претворяет в жизнь давние утопические проекты. При этом очевидно, что не всем совместная жизнь дается легко, но главное, чему за эти пять лет научились люди, проживающие здесь, это умение ясно выражать свое мнение и слышать другое, пусть и противоречащее их желаниям. Именно умение вести дискуссию оказалось главным и самым сложным навыком, которым всем членам товарищества пришлось овладеть. В то же время именно трудность и зачастую чрезмерная продолжительность обсуждения названа ключевым недостатком жизни в кооперативе. Люди устают от обсуждений множества мелочей, например, таких как выбор места под посадку нового дерева или установления улья на общем участке. Всегда кто-то оказывается против, и процесс принятия решения сильно затягивается. Но несмотря на этот главный, по их мнению, недостаток, никто не спешит покинуть товарищество.

В заключение стоит отметить, что проект был задуман и реализован людьми, у которых не было никакого опыта создания кооперативов, обустройства совместной жизни, реконструкции недвижимости. Но постепенное освоение навыков сознательного общежития, непрестанное обучение и самосовершенствование позволило людям создать рай на земле, правда такой рай, в котором очень много работы по преобразованию не только окружающей среды, но и внутреннего мира.

Uferwerk partnership, or implementation of social utopia

Yana O. Lepetyukhina, PhD Student, Institute of Political Sciences, Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule. Mies-van-der-Rohe-Straße, 10, 52074, Aachen. E-mail: politische.wissenschaft@ipw.rwth-aachen.de

Maxim A. Neroda, Graphic Designer; Head of the Electric Workshop at the Uferwerk Partnership. Halle 36 e.V., Luisenstr. 16, 14542 Werder (Havel). E-mail: info@maximmeroda.com

The article considers the history and everyday practices of the German housing cooperative partnership Uferwerk located in the countryside not far from Berlin. On the example of the housing cooperative Uferwerk, the authors analyze the social structure, financial and legal features of the contemporary housing partnership that reconstructs traditional relations and at the same time creates new humanistic relations of the community. This partnership transformed and rebuilt the former industrial territory of the metallurgical manufactory into an environmentally attractive space for the community of ninety adults and sixty children of various generations. The article focuses on the successful intergenerational interaction of the members of this housing partnership; considers its search for optimal legal and organizational-financial forms. The authors emphasize that all members of this unique project did not have any special data or skills for creating a cooperative, arranging a joint life, reconstructing real estate or developing a set of rules for the partnership. Thus, the new community developed due to the internal mutual learning based on the active participation of its members in management and decision-making, work and leisure, and on their desire to achieve the old utopian goals of cooperative solidarity in the new social realities of the 21st century.

Key words: community, family, partnership, cooperative, suburbanization, real estate, ecology, generations, utopia

Свет, вода и детские площадки: проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории

А.А. Смирнова

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент, Тверской государственный университет, 170100 Тверь, ул. Желябова, 33. E-mail: alpresents@mail.ru

Идейно статья продолжает исследование Программы поддержки местных инициатив в Тверской области, начатое автором в 2016 году. Основываясь на количестве участий сельских населенных пунктов в этой Программе с 2013 по 2018 год, была составлена карта и сделаны выводы о географии активности сельского населения. Однако, как показали полевые исследования, сельские жители редко выступают инициаторами реализуемых проектов, и полученная картина скорее отражает активность местных администраций.

В этой работе сделан акцент на тех противоречиях и трудностях, которые связаны с реализацией проектов на местах. Участие в Программе для муниципалитетов сопряжено с бюрократическими сложностями. Правильное оформление заявки и выполнение требуемых критериев, включая работу с жителями, обременительно для многих администраций. Информационное освещение хода проекта, которое выступает одним из условий получения региональной субсидии, является препятствием, зачастую ухудшающим восприятие Программы. На основе данных, полученных в ходе анкетирования и серии экспертных интервью в муниципалитетах Тверской области, сделан вывод о расхождении глобальной идеи Программы с реальными итогами реализации в регионе. В то же время показаны направления ее совершенствования на основе сравнения с европейским аналогом — программой «ЛИДЕР». Проекты «ЛИДЕР» в меньшей степени предполагают инфраструктурное обустройство территории. Это преимущественно экономические и социальные проекты по развитию малого бизнеса, фермерства, сохранению культурного наследия, повышению туристской привлекательности мест.

Ключевые слова: Программа поддержки местных инициатив, Тверская область, местные инициативы, активность сельского населения, сельская местность, программа «ЛИДЕР»

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-151-158

Для тверских исследователей (Лапушинская, 2015; Цуркан, 2016, 2020), включая автора (Смирнова, 2018), Программа поддержки местных инициатив (далее — Программа, ППМИ), действующая в регионе, не раз становилась предметом для исследования. С позиции отдельных наук — экономики, социологии, географии — можно по-разному смотреть на результаты и эффективность Программы.

В настоящее время про опыт Тверской области известно далеко за ее пределами и не только узкому кругу специалистов. Пово-

дом для такой популярности стало периодическое появление на федеральных информационных ресурсах новостей о реализованных проектах. Бурную реакцию общественности получили известия об открытии фонаря в Оленинском районе¹ или площадки для сбора твердых бытовых отходов в Кимрах². Освещение в СМИ подобных событий, с одной стороны, выглядит несколько неуместным: решение небольших инфраструктурных проблем поселения сложно назвать ярким информационным поводом. Однако участие в Программе предполагает обязательным публикации о ходе реализации проекта в качестве оценки успешности работы — это общемировая практика подобных программ. Увы, приложенные к российским реалиям критерии деформируются — вместо позитивного восприятия хода проекта получается ирония над муниципалитетом.

Впрочем, географический интерес к Программе обусловлен тем, что этот механизм дифференцирует поселения в зависимости от активности их участия, помимо количества инициатив муниципалитеты различаются и по тематике проектов. Представление о сложившейся в Тверской области географической картине реализованных проектов дает анализ открытых данных. На их основе — информации о числе реализованных с 2013 по 2018 год в сельских населенных пунктах Тверской области инициатив была составлена карта активности сельского населения (рис. 1). Безусловно, на карте отображена не столько активность самих жителей, сколько сельских администраций: отчетливо видны внутрорегиональные различия, которые отчасти сопряжены с пространственным делением Тверской области. Так, сосредоточение активности наблюдается в примагистральных зонах Вышневолоцкого, Лихославльского, Торжокского районов.

Однако традиционные географические условия (положение по отношению к основным транспортным путям, взаимосвязи центр–периферия и др.) не везде объясняют сложившуюся картину. Там, где на периферии региона возникают «пятна» активности, вероятно, высокое значение приобретают субъективные факторы и характеристики местной власти.

В наиболее крупных городах региона преобладают инициативы, связанные с благоустройством придомовых территорий. В малых городах и сельской местности структура проектов по тематике более разнообразна, как разнообразен перечень имеющихся инфраструктурных проблем. В одних муниципалитетах (например, в Старицком районе) с помощью ППМИ планомерно занимаются улучшением системы водоснабжения, в других (Оленинский район) — освещения (рис. 2). Такая узкая направленность проектов — демонстрация того, что Программа выступает не в качестве механизма поддержки инициатив населения, а как инструмент решения насущных проблем муниципалитета.

1. https://lenta.ru/news/2018/08/05/volshebny_fonar/

2. <https://takiedela.ru/news/2019/09/17/kimry-musorka/>

участия стало также отсутствие необходимого «числа благополучателей» (иными словами — малая численность населения) и средств в местном бюджете на софинансирование проектов.

Среди тематических категорий, которых, по мнению респондентов, не хватает в ППМИ, лидирует борьба с борщевиком. Для пустиющей сельской местности Тверской области эта проблема — одна из наиболее серьезных и заметных, и своими силами местным администрациям ее не решить. Другая актуальная задача — газификация территории, однако объем средств, выделяемых в рамках ППМИ, не в состоянии ее решить.

Интересно, что многие респонденты в качестве предложений по улучшению Программы предложили устранить критерий софинансирования (со стороны муниципалитета и жителей) и увеличить объем самой региональной субсидии. Таким образом, сама идеология Программы как активатора и консолидатора местных сообществ оказалась неприменима при тех бюджетах, которыми располагают небольшие поселения.

Наличие у себя в муниципалитете инициатив вне Программы отметили около половины опрошенных. Самые популярные формы активности на местах — фестивали и краеведческие чтения. Однако есть и нестандартные образцы «непрограммных» инициатив, например, народная мануфактура «Мир гуслей» в селе Пушкино Калининского района или чайная в селе Замытье Рамешковского района.

В ходе экспертных интервью с главами сельских администраций были уточнены главные трудности, с которыми сталкиваются муниципалитеты при работе с Программой. Это в первую очередь работа с населением и сбор средств для реализации Программы. На местах эту последнюю проблему решают по-разному — кто-то вовсе отказывается от участия в Программе на будущий год, кто-то находит другие пути привлечения средств (главным образом через больший объем финансирования от юридических лиц).

Все респонденты подчеркивали, что население неохотно вкладывает даже небольшие суммы в реализацию той или иной инициативы, многие вообще отказываются. Интересно, что связь между уровнем дохода домохозяйства и нежеланием вносить денежные средства не фиксируется. Точнее — наблюдается обратная связь: *«Люди, которые имеют более доход, не дают»*.

Обязательное требование освещения всех этапов проекта сталкивается с барьерами на ментальном уровне: *«У всех есть инициативы, и все мы хотим лучше жить, необязательно это как-то снимать и показывать»*. Провозглашаемая открытость воспринимается с сомнением: *«Процедура показная, можно было, конечно, попроще»*. Сюда же можно отнести и бюрократические сложности. *«Мой бухгалтер говорит — только не через ППМИ»*. Суммы разыгрываются небольшие, а требований к оформлению заявки много.

Требования к конкурсу инициатив, изначально предложенные командой Всемирного банка, несколько трансформировались. В частности, были убраны критерии, связанные с активацией местного сообщества — проведение конкурса рисунков среди детей и другие. Но остались необходимыми мероприятия по проведению общих собраний и анкетированию населения. На собраниях обязательно проводится видеосъемка, прикладываются фотографии. Однако анкетирование жителей по проблемам поселения зачастую оказывается формальным: *«Десять анкет соберем, еще десять — нарисуем»*.

На вопрос о том, почему муниципалитет участвует в Программе, от представителей администраций часто можно было услышать ответ — *«от нашей бедности»*, *«любая программа — это деньги»*. При этом роль жителей как обязательных участников процесса принятия решений отмечалась как номинальная: *«инициативу формирует администрация»*, *«чтобы пришли на собрание, используем административный ресурс»*, *«каждый глава знает, что ему надо»*.

С одной стороны, можно упрекать местные администрации за формализм и в какой-то мере фиктивный характер выполнения требуемых критериев. Но с другой — понимая всю сложность работы на местах в условиях нехватки местных средств и дефицита кадров, нетрудно найти оправдание подобному подходу. Тем более далеко не все муниципалитеты готовы взять на себя обязательства по участию в Программе.

Таким образом, мы можем констатировать определенные недостатки в реализации Программы в Тверской области — в первую очередь это недостаточный объем финансирования и преобладание инфраструктурных проектов. Тем не менее позитивные эффекты от участия в Программе тоже есть, и можно надеяться, что в будущем будет всё больше проектов, направленных не только на поддержание инфраструктуры, но и на развитие территории.

Осознание перспектив и основной идеи ППМИ есть у ее участников, высказавших пожелание реализации в перспективе доходобразующих проектов. В этом отношении для вдохновения и поиска идей может быть полезен пример программы LEADER. В ее рамках в странах Европейского союза реализуются разнообразные проекты по цифровизации сельской местности, организации курсов переобучения для жителей, поддержке сельского предпринимательства, развитию культурного потенциала села и внедрению экологических технологий (Alonso, Masot, 2017; Chevalier et al., 2017; Dax et al., 2016). Программа LEADER («ЛИДЕР») может стать примером и для дальнейшего усовершенствования механизмов ППМИ. Основные положения ее адаптации к российской практике были изложены в статье И. Копотевой и Й. Никулы (2016). По их мнению, Программу следует понимать не как фиксированный набор мер, а как подход к территориальному развитию, связанному с участием местных сообществ.

Из семи принципов, которые лежат в основе подхода «ЛИДЕР», Программа поддержки местных инициатив отвечает только трем — это территориальность, эндогенный подход и партнерские отношения на местном уровне. Первый предполагает реализацию проектов на небольших территориях; второй — инициированных «снизу»; третий — в сотрудничестве власти, бизнеса и населения. С определенной долей условности в ППМИ можно найти проявления этих принципов.

За рамками ППМИ остаются горизонтальные связи (включая межрегиональное сотрудничество), нетворкинг, мультисекторная интеграция и инновации. Выстраивание сети местных инициативных групп и их сотрудничество между собой (в том числе — на межрегиональном уровне) полностью отсутствует как направление деятельности ППМИ, хотя положительные эффекты любого горизонтального взаимодействия очевидны. Мультисекторная интеграция также предполагает взаимодействие, только уже в межотраслевом формате. По замыслу, любой локальный проект должен быть встроен в стратегию местного развития, затрагивающую все сферы жизнедеятельности. Новые форматы организации деятельности или новые технологии — внедрение инноваций должно являться результатом реализации местных проектов. Как уже было сказано выше, по этим пунктам ППМИ проигрывает, поддерживая пока лишь инфраструктурные проекты. Проекты, реализуемые в рамках ППМИ, нельзя назвать местными инициативами в полном смысле этого слова. Пока Программа — это инструмент исполнения местных полномочий, а не формирования активных сообществ. Однако надежда, что количество инициатив перерастет в качество, остается.

Литература

- Копотева И., Никула Й. (2016). От социальных инноваций к инновационным системам. Подход Лидер на европейских и российских сельских территориях // Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение? Сборник статей. Том XXI. М.: Новое литературное обозрение.
- Лапушинская Г.К. (2015). Поддержка развития сельских территорий в условиях структурных реформ в России // Электронный научно-практический журнал «Инноцентр». № 4 (9). С. 11–17.
- Смирнова А.А. (2018). Местные инициативы в малых городах и сельской местности Тверской области // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Пермь: ПГНИУ. С. 347–350.
- Цуркан М.В. (2016). Влияние партисипаторного бюджетирования на возможности развития территорий // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 11. № 3. С. 150–158.
- Цуркан М.В. (2020). Методический подход к оценке эффективности проектов поддержки местных инициатив // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Экономика и управление. № 1. С. 34–41.

- Alonso G.C., Masot A.N. (2017). 25 Years of the Leader Initiative as European Rural Development Policy: The Case of Extremadura (SW Spain) // *European Countryside*. Vol.9. №2. P.302–316.
- Dax T., Strahl W., Kirwan J., Maye D. (2016). The Leader programme 2007–2013: Enabling or disabling social innovation and neo-endogenous development? Insights from Austria and Ireland // *European Urban and Regional Studies*. Vol. 23. P.56–68.
- Chevalier P., Maciulyte J., Razafimahefa L., Dedeire M. (2017). The LEADER programme as a model of institutional transfer: learning from its local implementation in France and Lithuania // *European Countryside*, Vol.9. №2. P. 317–341.

А.А. Смирнова
Свет, вода и детские площадки:
проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории

Light, water and playgrounds: Local initiatives in the Tver Region as reflecting the territorial challenges

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Assistant Professor, Tver State University. Zhelyabova St., 33, Tver, 170100. E-mail: alpresents@mail.ru

The author continues the study of the Local Initiatives Support Program in the Tver Region, which was started in 2016. Based on the rural settlements' participation in this Program from 2013 to 2018, the author drew a map and made conclusions about the rural population activity. However, according to the field data, rural residents rarely propose projects; therefore, the map presents rather the activity of local administrations. The article focuses on contradictions and difficulties in the implementation of local projects in different municipalities. The survey and expert interviews in the municipalities of the Tver Region showed that the general idea of the Program differs from the results of its regional implementation for participation in the Program was very difficult for many municipalities due to bureaucratic obstacles. The proper application and achievement of the required results including involvement of local communities were as difficult for many administrations as ensuring the project information support which was one of the necessary conditions for getting a regional subsidy. Moreover, there are differences in the directions of the rural development compared to the European LEADER approach: LEADER projects usually do not focus on the infrastructural development and aim primarily at the small business development, preserving the cultural heritage and increasing the tourist attractiveness of rural settlements.

Key words: Local Initiative Support Program, Tver Region, local initiatives, rural areas, activity of the rural population, rural development, LEADER approach

References

- Alonso G.C., Masot A.N. (2017) 25 years of the Leader Initiative as European rural development policy: The case of Extremadura (SW Spain). *European Countryside*, vol 9, no 2, pp. 302–316.
- Chevalier P., Maciulyte J., Razafimahefa L., Dedeire M. (2017) The LEADER programme as a model of institutional transfer: Learning from its local implementation in France and Lithuania. *European Countryside*, vol 9, no 2, pp. 317–341.
- Dax T., Strahl W., Kirwan J., Maye D. (2016) The Leader programme 2007–2013: Enabling or disabling social innovation and neo-endogenous development? Insights from Austria and Ireland. *European Urban and Regional Studies*, vol 23, pp. 56–68.
- Kopoteva I., Nikula I. (2016) Ot sotsialnykh innovatsiy k innovatsionnym sistemam. Podkhod Leader na evropeyskikh i rossiyskikh selskikh territoriyakh [From social innovations to

- innovation systems. Leader approach in the European and Russian rural territories]. *Puti Rossii. Novy stary poryadok — vechnoe vozvrashchenie?*, vol XXI, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lapushinskaya G.K. (2015) Podderzhka razvitiya selskikh territoriy v usloviyakh strukturnykh reform v Rossii [Supporting the development of rural areas under the structural reforms in Russia]. *Innotsentr*, no 4, pp. 11–17.
- Smirnova A.A. (2018) Mestnye initsiativy v malykh gorodakh i selskoy mestnosti Tverskoy oblasti [Local initiatives in small towns and rural areas of the Tver Region]. *Prostranstvennaya organizatsiya obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika*, Perm: PGNIU, pp. 347–350.
- Tsurkan M.V. (2016) Vliyaniye partisipatornogo byudzhetrovaniya na vozmozhnosti razvitiya territoriy [The impact of the participatory budgeting on the territorial development]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, vol 11, no 3, pp. 150–158.
- Tsurkan M.V. (2020) Metodichesky podkhod k otsenke effektivnosti proektov podderzhki mestnykh initsiativ [Methodological approach to assessing the efficiency of projects supporting local initiatives]. *Vestnik TGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, vol 1, pp. 34–41.

«Я хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству»

Г.С. Лисичкин, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк

Геннадий Степанович Лисичкин, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Марина Геннадиевна Пугачева, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: puma7@yandex.ru

Светлана Федоровна Ярмолюк (1936-2017), кандидат экономических наук, руководитель проекта Института социологии РАН

Публикуемое ниже интервью с Геннадием Степановичем Лисичкиным было взято 1 февраля 1999 года для книги «Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы». Однако нам кажется, что биография этого известного ученого и публициста, тесно связанная с развитием сельского хозяйства СССР в 1950-1970-е годы, будет интересна читателям журнала «Крестьяноведение». Геннадий Степанович в 1953 году, после окончания МГИМО и работы в Министерстве иностранных дел, добровольно поехал в Казахстан и три года был председателем колхоза. В дальнейшем он сотрудник посольства СССР в Югославии, редактор отдела газеты «Известия», экономический обозреватель «Правды». Он — невольный зачинатель общественной дискуссии по экономическим проблемам сельскохозяйственного производства на страницах центральной печати в 1960-е годы (Подборка документов из РГАНИ опубликована в разделе «За рамками экономической дискуссии в печати»).

Ключевые слова: Сельское хозяйство, освоение целины, немцы в Казахстане, рыночный социализм, «Известия», экономическая дискуссия

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-159-174

— Геннадий Степанович, в 1960-е годы вы были известным публицистом-экономистом, возмутителем спокойствия, «подрывающим» устой общества своими рыночными идеями. Вашу книгу «План и рынок», изданную в то время у нас и за рубежом, одни взахлеб хвалили, другие нещадно ругали, что, собственно, сказа-

1. Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / Авторы и исполнители проекта А.И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк. М.: Московская школа политических исследований, 2000. Раздел «За рамками экономической дискуссии в печати» С.474-479.

лось потом (не лучшим образом) на вашей жизни и научной карьере. Если взглянуть на все это сегодняшними глазами: что вы стремились утвердить, чего добивались — радикальных перемен или определенного совершенствования существовавшей системы?

— Именно вот это слово — совершенствование — мне больше всего нравится, потому что ни о каком слове системы, в которой я жил и иной не знал, естественно, и мыслей не было. А если конкретнее — я лично хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству. Мне казалось тогда, кажется и сейчас, что возрождение России может начаться именно с сельского хозяйства. Понимаю это не так, что нужно лучше сажать картошку, сеять пшеницу и разводить пчел — имеется в виду весь агропромышленный комплекс. Если поднимать сельское хозяйство, то, естественно, нужны трактора, комбайны и заводы, их производящие, необходимы дороги, авиация, химия, короче говоря, такой шлейф к сельскому хозяйству, который вовлекает в себя многое.

Поэтому я считал и сейчас твердо уверен, что Россия начнет возрождаться, если сельское хозяйство поставит в то положение, в котором вчера находился военно-промышленный комплекс. Когда будем давать туда столько, сколько получал он, тогда и начнется подъем. Говоря «давать столько», я имею в виду не только капитал, не только железки. Лучшие умы, которые имелись на Руси, были сосредоточены именно там, в ВПК. Там был Курчатов, там был Сахаров, там были имена, которых мы и не знали (нам было не положено). Уже много позже стали узнавать, какие же это были крупные ученые. Потому и возрождение села, развитие всего агрокомплекса видится мне прежде всего как абсорбция лучших умов. Если посмотреть на все германии, на все японии — там тоже всё начиналось с сельского хозяйства. И стратегическая независимость, безопасность начинается с того, что в стране есть элементарное количество картошки, хлеба, молока, мяса. Вся экономика может выстроиться под сельское хозяйство...

— *Ну, уж вам ли не знать, кем только и сколько у нас не говорилось об этом. Селу надо помочь, его надо «вытащить», «возродить». Возьмите Хрущева, с чего он начал: сентябрьский пленум 1953 года — о подъеме сельского хозяйства.*

— Я ведь говорю не о лозунгах, которых, конечно, было достаточно. А почему все превращалось в лозунги? Потому что два арбуза в одной руке удержать невозможно. Или ты развиваешь военно-промышленный комплекс, поскольку решил «закопать капитализм», да еще миллионы отдаешь на строительство мирового социализма, на подъем экономики Анголы, Кубы, Вьетнама и так далее, или развиваешь свое сельское хозяйство. У нас на него всегда не хватало средств. Всегда сельское хозяйство в иерархии расходов было в конце. Это первое. А второе — даже тогда, когда деньги давали (а их все-таки давали, и значительно больше, чем сейчас), они бестолково использовались. Для наглядности, я помню, мы об-

ратились тогда в газете к знаменитой «бочке Либиха», даже изобразили ее. Немецкий ученый лет двести тому назад сказал, что если в бочке не хватает одной дощечки, или как там ее называют, то вся вода, сколько бы ты ни лил, вытечет. На каком уровне сломано это одно звено, до этого уровня в бочке и сохранится вода, если даже другие звенья окажутся выше. Либих говорил это применительно к агрохимии, но ведь в экономике то же самое. Все затраты должны быть увязаны друг с другом и «упакованы» в одну коробочку, которая называется «предприятие сельского хозяйства». А этого не было тогда, тем более нет сейчас. Всегда у нас та «бочка» была с огромной дырой.

— *Насколько известно, в свое время вы были председателем колхоза, так что все это познавали на практике. А как случилось, что вы, выпускник престижного МГИМО, стали председателем?*

— Молод был (мне было 24 года), жизни не знал и был донельзя политизирован. Мне казалось, что если только поехать в село и быть честным и добросовестным, то все можно там наладить. Но за три года, пока работал в колхозе, я прозрел, увидел, что там работают люди, которые всего-навсего в 10, 20, 30 раз умнее меня, грамотнее меня, если брать не число прочитанных книг, не то, насколько они знают Шекспира и Гёте, а вполне практичные вещи. Когда я все это осознал, когда понял, что этих умных людей просто никто не слышит, потому что не хочет слушать, тогда начал понимать и многое другое.

— *На этой основе и формировались ваши взгляды?*

— Конечно, первое — те догматические вещи, которые дал мне Институт международных отношений. Я был очень политизирован, как уже сказал. И когда попал в реальную жизнь, в колхоз...

— *Но почему вдруг колхоз в Казахстане?*

— Потому что я в свое время читал «Как закалялась сталь» и все такое прочее. А тут 55-й год, освоение целины. Все мы были воспитаны в том духе. Сейчас всё кажется идиотизмом. Но мне, конечно, повезло, потому что проходить такую школу надо именно в этом возрасте — 24-25 лет. Впереди разгон, еще есть время, когда уму-разуму можно учиться. И моими воспитателями были те люди, которыми там был окружен. Единственное мое спасение, что у меня чутье было: я окружил себя очень мощными людьми. Бывший председатель колхоза немец Вильвер. Я преклоняюсь перед ним, потому что вместо того, чтобы как-то ревновать — все же я сел на его место — он стал моей правой рукой. Потом Беллер, тоже немец, он стал моей левой рукой. Эти люди по-настоящему болели за производство и понимали его. А мне хватило ума просто их слушаться. Потому я и смог справиться, удержался, и в общем-то успешно.

— *Это был немецкий колхоз?*

— Я там изучил не только экономику, но и то, как советская власть решила национальный вопрос. Он был, как известно, решен «окончательно и бесповоротно». В колхозе, где я работал, одно село

было немецкое, одно украинское, одно наполовину немецкое, наполовину чеченское. Как-то меня пригласили в Алма-Ату, наградили орденом. Только его вручили, вызывают прямо со сцены за кулисы. Думаю, чего это там, не дали даже на свое место сесть. А мне говорят: «Вы знаете, у вас дома несчастье». Господи, думаю, неужели жена, ребенок. Нет, резня. Зарезали моего заместителя Матвея Дуккарта. Чеченцы. Одного чеченца застрелили. Но сами чеченцы, как чеченцы, были не виноваты в случившемся — обычная пьяная молодежная драка. Когда я приехал на место, именно чеченцы помогли мне успокоить село. Именно в те годы я получал закалку и выработал взгляд, компромиссный, на национальный вопрос.

Благодарен жизни, что прошел эту школу. Если бы шел традиционным путем — а у меня тогда уже был диппаспорт, я был назначен пресс-атташе в Копенгаген — жил бы как у Христа за пазухой. И, конечно, плохо бы кончил... Так что я считаю, академию я прошел в колхозе. Там же написал диссертацию. Потом окончил аспирантуру, вернулся в МИД, и мне предложили два варианта. Первый — ехать в ООН, в Женеву. Недурно, прямо скажу. Перед этим я побывал там, и Женевское озеро мне понравилось, и климат, а от магазинов я вообще обалдел, долго потом лечился, но все-таки вылезлся. И еще предложили Югославию.

Я предпочел Югославию, хотя, конечно, это менее, как говорят, «ситуированно». Но мне хотелось посмотреть эту страну, потому что уже знал кое-что о ней. И это была вторая моя академия. Югославы находились в оппозиции к нам и были более раскованны. Именно там, а не здесь, я познакомился с нашими экономистами 20-х годов. Там я прочитал, кто такой Юровский, его книги, узнал, кто такой Кондратьев. И мои поездки по сельскохозяйственным предприятиям... У меня были исключительные возможности, я всю страну объездил. Быстро освоил язык, поэтому югославская теория и мечта о самоуправлении стали мне тоже интересны и близки.

— *У них ведь тоже тогда шла речь о совершенствовании социализма?*

— Да, но у них уже слово «рынок» не было ругательством, сочетание «рыночный социализм», которое у нас было запрещено до — даже не знаю, до какого времени, фактически до перестройки — у них стало ключевым. Я наблюдал, как они ломали себя, потому что их руководство было коммунистическим похлеще нашего. Как только они поссорились со Сталиным, провели такую коллективизацию (чтобы доказать, что они-то и есть настоящие коммунисты), которая не снилась даже Сталину. Но поскольку страна поменьше и победнее, и Сибири нет, куда ссылать кулачество как класс...

— *А если говорить о теории, вы там имели возможность почитать то, чего у нас не было. Кто вас привлекал тогда — классики (Кейнс, Самюэльсон), либо соцстрановские экономисты? Кто, как вы сами считаете, повлиял на вас в большей мере?*

— Советские экономисты 20-х годов, именно они. Дальше — югославские экономисты, начиная с Бориса Кидрича, одного из крупнейших теоретиков, который тоже шел не от схем, а от жизни. Он впервые, в 51-ом (если не ошибаюсь) году опубликовал тезисы о товарном производстве при социализме, которые потрясли меня и перессорили наших ученых с их учеными. Вот от Кидрича и, конечно, Карделя начинается дискуссия. Она меня очень увлекла. Дальше — Самарджиа, с ним я часто встречался, это были неформальные беседы, открывавшие новый взгляд на многие вещи. Ну, и плюс, как уже говорил, поездки по совхозам, которые подтверждали мои догадки о том, что если всю технологию производства продуктов «упаковать» в предприятие, то будет очень большой эффект. Появились мои статьи (под псевдонимом), целые полосы вышли в «Сельской жизни» о комбинате «Београд» под Белградом, где как раз была осуществлена эта идея. Когда я спрашивал, почему у вас в пять раз выше все показатели, чем у частников, а у нас — наоборот, они говорили: естественно, частник же не может вести на своем огорожке, на своей парцеле, даже на своих 10 гектарах, скажем, селекционную работу; она должна быть вынесена за скобки, этим благородным, но нерентабельным, некоммерческим делом должен заниматься кто-то другой. Тогда я понял, что не форма собственности — главное в решении проблем этой самой трудной отрасли производства.

— *И вот с этим всем вы пришли в газету. Как это, кстати, произошло?*

— Приехала в Белград наша высокая делегация, я был включен в команду, которая ее обслуживала. Тогда и познакомился с четой Аджубеев. Когда уже кончался визит, с ними установились какие-то отношения на почве обсуждения тех же сельских проблем (Рада этим тоже интересовалась). Потом мне поступил сигнал от моего друга, корреспондента «Известий» В. Кривошеева: тебя ждет Аджубей. Я испереживался, исхудал — и хочется, и колется... А в посольстве, чувствую, дипломатическая карьера, чиновничья — не моё. Очень остро почувствовал. Из-за моих симпатий к Югославии мне сразу стали «клеить» всякие ярлычки, а я по-прежнему оставался дурачком: то, что думал, на закрытых совещаниях и говорил. Когда приехал в отпуск, Аджубей предложил стать редактором отдела сельского хозяйства, обещал и квартиру (а у меня двое детей, жилья нет). И я дал согласие.

— *А такой аргумент, что это дело полезное, что есть возможность и высказать свои взгляды и найти новых сторонников — не выдвигался?*

— Да, конечно. Та же юношеская мечта. Если уж я в колхоз поехал, отказавшись от диппаспорта, то хотелось и продолжить. «Му-жик, что бык: втемяшится в башку какая блажь, колом её оттудова не выпрешь — упирается»... Вот уж действительно. Не то, чтобы я сразу рубашку рванул на себе, все бросил, лишь бы пойти в народ — нет. Просто сошлось несколько факторов.

— А наука тогда вас не привлекала? Не она была на горизонте?

— Нет. И на горизонте не было. Я кандидатскую защитил, ну и все. Мне очень понравилось в «Известиях», очень понравилась журналистская работа. Ездил по всей стране, собирал материал, с запалом писал, «проталкивал» на полосу. И меня это полностью удовлетворяло.

— Проводя свои идеи, на кого вы опирались (и в редакции и вне ее)? Какой был резонанс от выступлений в газете? Аграновский, скажем, очень большое значение придавал откликам на свои очерки.

— Что касается сторонников в редакции, то произошла совершенно невероятная вещь. Ведь любой коллектив со сложившейся структурой трудно принимает «новенького», часто отталкивает его. А тут еще такая заметная должность, весьма заметная, как редактор отдела правительственной газеты. Тем более аджубеевской. Но меня хорошо приняли. Опирался я в первую очередь, конечно, вот на таких людей, как Анатолий Аграновский. Как ни странно, мне важно было и много давало общение с людьми, которые очень далеки от экономики сельского хозяйства: Лордкипанидзе, Исмаилова, писавшие о театре, Друзенко, Лацис — «промышленники». И постоянные контакты, и мимолетные даже разговоры подзаряжали. Можно было себя проверить.

И самый тесный «союз» был у нас с Александром Волковым, тогда собственным корреспондентом «Известий». Первое знакомство состоялось заочное: я прочитал его «Поднять или приподнять?» — это была статья! — и понял, что мы единомышленники. А потом пошли наши многочасовые разговоры и о сельском хозяйстве, и о теории, и обо всем на свете. Я-то по природе своей не редактор, любил писать и к чужому письму относился как к чужому. А он — редактор, и над чужими материалами работал как над своими. У нас получилось удачное сочетание: при общем «тяготении» к селу мы сверяли свою практику, свои выводы из нее (он тоже приехал не «с асфальта»).

А сторонники и опора за рамками редакции — это председатели колхозов, другие люди, производственники, с которыми я встречался. По их реакции я чувствовал, что иду в правильном направлении. И разговор — на одном языке. Именно с производственниками, а не с чиновниками. Это естественно. У меня ведь было два искушения в жизни. Первое, как я говорил — когда выложил диппаспорт и поехал в Казахстан. А в Казахстане мне предложили стать кандидатом в члены ЦК компартии Казахстана. Сами понимаем: если бы я в 27 лет стал кандидатом в члены ЦК — открывалась карьера. Но опять-таки Бог меня как-то одернул. Я почувствовал: или нужно «официантом» становиться при властях, «чего изволи-те», или шагать по головам, не оглядываясь. Тогда я в аспирантуру и уехал. Ну, и тоже надо было найти в себе силы, когда к Аджубею ушел, бросив дипломатическую работу второй раз... Иногда нужно себя ломать, хотя это очень трудно.

— *Что вам памятно из того, что удалось сделать в «Известиях»?*

— Первую головоломку я получил за статью, которую мы опубликовали вместе с Доленко, корреспондентом «Известий» по Украине. Мы рассказывали о знаменитом крымском колхозе, о его председателе Герое Социалистического Труда Егудине, и из нашего рассказа следовало, какое сильное это хозяйство, как разумно оно организовано и какой разумный герой Егудин. И я там написал: «Считается, что этот колхоз будто якобы низшая форма собственности». Это «будто якобы» — мое природное ехидство проскочило каким-то образом, заместитель главного не заметил, что я подверг сомнению «высшую» форму, государственную, и в итоге мне было сделано очень резкое замечание как редактору. После этого я «озверел» и опубликовал статью «Жизнь вносит поправки» в 65-м году, в № 49 «Известий» (я сейчас, перед беседой, перебирал свои вырезки, уточнил). Там уже был поставлен вопрос о товарном производстве при социализме, о регулирующей роли закона стоимости. Толкунов, главный в то время, еще до публикации сказал: «Первое. Получи поддержку, поезжай к академику Румянцеву». Ну, он не просто академик, а — все знают — вчерашний «агитпроп». Я приехал, он посмотрел статью; понимая, чем это грозит, очень топтался, топтался, но в конце концов поставил визу. Толкунов предупредил: «Я печатаю статью, только ты готовься к тому, что тебе будет очень плохо. Если хочешь, сними сразу». Но Румянцев же поддержал, снимать не буду. «Тогда пеняй на себя. Если смогу, помогу как-то из этого вылезти»...

Я, конечно, не думал, что будет такой резонанс, просто взрыв, обвал. Масса писем посыпалась.

— *От кого? Председателей, ученых?*

— В первую очередь, естественно, от председателей, бригадиров, всех, кто «на земле». Это меня, конечно, окрылило. А ученые как ученые — на дух не приняли, отвергли. И в том же году в № 64 появилась статья «Что регулирует производство? В чем не прав Геннадий Лисичкин». Подписали ее Атлас, Злобин, Винокур, Кадышев... Имена по тем временам сильные. Они меня просто растоптали. В «Известиях», в моей газете. Дискуссия есть дискуссия. Но ведь тут надо еще отдавать себе отчет: Аджубей ушел, Хрущев ушел, наступил период, когда многое было неустойчивым. Период поиска путей. В этой сумятице можно было что-то и «вякнуть». Поэтому мне дали «вякнуть», то есть я им ответил, потом они выступили еще раз. Я поехал к Л.А. Леонтьеву, и он опубликовал статью в № 67 «В чем суть спора? Ответ критикам статьи «Жизнь вносит поправки», где в значительной степени, процентов на 90 с лишним, встал на мою сторону. Тот Леонтьев, который прошел школу 20-х годов, был бит-перебит, и Хмельницкая, его жена, тоже — все нахлебались по тем временам.

— *Он тогда где работал?*

*Г.С. Лисичкин,
М.Г. Пугачева,
С.Ф. Ярмолюк
«Я хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству»*

— В Институте экономики АН СССР, она — у Арзуманяна, в Институте мировой экономики и международных отношений. Потом выступил Кронрод, который пытался пройти где-то посередине, но по сути — больше против. По крайней мере хоть вежливо. Дискуссия в целом получилась громкая, заметная. Но меня уже несло, я сразу сел писать книжку «План и рынок». Один из аспирантов, с которым я кончал институт, В. Морозов, позвонил мне во время этой дискуссии и предложил опубликоваться в издательстве «Экономика». Книжке дали «зеленую улицу», она вышла небывало быстро по тем временам. И вот уж тут началось...

— *Геннадий Степанович, а вы считаете нормальным, что, собственно, научная дискуссия шла на страницах газеты «Известия»?*

— Я считаю, что это очень хорошо.

— *А почему именно так? Шла ли подобная дискуссия внутри академических институтов или в университете? Почему она не велась в специализированных журналах?*

— Это невозможно было. С такой статьей я не мог прийти, скажем, в «Вопросы экономики» или в любой печатный орган, который находился под наблюдением ученых. Ведь ученые — самые нетерпимые люди, потому что каждый (и это так и положено) считает себя носителем истины в конечной инстанции. Все статьи обычно рассылаются членам редколлегии. Предположим, пришла бы моя статья Гатовскому, директору Института экономики, или тому же Кронроду — они бы ни за что её не пропустили, ибо это не соответствует их убеждениям. И к тому же — официальной доктрине. Поэтому инициатором такой «драки» мог быть только человек со стороны, и не специальный журнал, а газета, редактор которой на что-то решился. Умные люди говорят: «Это слишком серьезный вопрос для того, чтобы поручать его решать специалистам». По-моему, прекрасно сказано. Вот я и был тем дилетантом — чуть-чуть того поглядел, этого почитал — плюс газета, которая имеет мощный резонанс. Я безумно благодарен такому стечению обстоятельств — в «Известиях» я мог начать разговор, который послужил основой книжки «План и рынок». А дальше... Сейчас мне даже немного обидно, что «План и рынок» знают и помнят, а сам я считаю, что гораздо лучше была следующая моя книга — «Что человеку надо?». Она уже не получила такого отзвука. Наступило другое время. Её, кстати, уже почти под нож пустили в издательстве, по указанию свыше. Слава Богу, в ЦК нашелся человек, который сказал: «Ну, сделайте небольшим тиражом, по-тихому пропустите её».

— *Вам кажется, что именно момент играл решающую роль?*

— Конечно. «Дорога ложка к обеду».

— *Вы писали о законе стоимости, спорили о его регулирующей роли. Вы уверены, что те же бригадиры и председатели, которые присылали свои письма, понимали все это?*

— Я как раз писал бытовым языком, на примерах, на пальцах объяснял, что почему. Закон стоимости — это паритет цен, это сколько стоит комбайн и сколько — литр молока. Это — сколько надо отдать гектаров пшеницы за одно колесо какого-нибудь «Кировца». Они это все прекрасно схватывали, сразу на это реагировали. Но, честно говоря, когда я писал статью, вряд ли думал, на какого читателя рассчитываю. Больше всего думал о том, как выйти на полосу. А по существу для меня это значило — «пройти Кирклизову». Она была редактором в секретариате «Известий», очень уважаемым и компетентным. И важна была прежде всего ее оценка: это читается или нет? Пусть ты пишешь правильные и нужные вещи, но если это такая «тягомотина», что не продерешься и через первый абзац... Пройти строгую в этом смысле Кирклизову — было большое дело.

Потом, после «Плана и рынка», у меня в «Новом мире» пошла серия статей.

— Почему именно в «Новом мире»?

— Потому что территориально «Известия» и «Новый мир» были соседями. Ну, и потому, конечно, что там уже был Хитров (мы с ним работали в «Известиях»), я был уже знаком с Лакшиным — в общем, тем людям, которые там работали, я симпатизировал. Я не был регулярным читателем «Нового мира». «Иван Денисович» до меня еще не дошел. Твардовский для меня тоже еще не был общественным авторитетом. Для меня был авторитетом Ефим Дорош, который печатал в журнале свой «Деревенский дневник», и когда проходил там мой текст с таблицами (что для них было непривычно), то самым большим моим защитником как раз оказался Дорош.

А обстановка между тем менялась быстро. Ведь когда вышла моя книжка о плане и рынке, ее запросили в ЦК, обратили на нее внимание и в общем отнеслись положительно. Там, повторю, еще шел поиск, пока ничего не устоялось. Ну, а позднее уже начался откат. И я в «Известиях» как-то «завис». Уже за мной числилось немало «провинностей», начиная с крымской статьи. И кому-то было не совсем понятно, почему меня взял Аджубей, ставленник я его или не ставленник. Вот и в «Новом мире» стал печататься, что не поощрялось. Много накопилось отрицательных моментов. Тогда меня стали «соборовать» корреспондентом «Известий» в мою любимую Югославию. Мне больше подходило остаться здесь, хотя, конечно, Югославия тоже привлекала. Но меня пригласили в «Правду» (там сменилось руководство), а когда я согласился, позволили очень активно работать.

Так получилось, что к нам приехал чешский экономист О.Шик, я с ним общался, это было на виду; Шик пригласил меня на очень представительный форум рыночников всех соцстран. Проходил он в Праге, там была рыночная элита, только-только нарождавшаяся — венгерская, польская. И там, в Праге, перевели сразу на чешский и словацкий языки «План и рынок». В «Руде право», в дру-

гих газетах — комментарии. Моя книжка стала для них как бы зацепкой: не такие уж мы, мол, отщепенцы, вот смотрите — и в Советском Союзе есть люди, мыслящие так же. А потом оккупация. Я в это время от «Правды» был в командировке на Алтае. Когда услышал, что вошли войска, сразу понял, что последует. Меня вызвал Зимянин: «Я тебя не гоню, все, что ты публиковал в «Правде», абсолютно правильно. Никаких здесь претензий не может быть. Но печатать не буду». Я сказал, что все понял. И стал искать, куда податься...

— Как известно, вы работали потом в научных институтах, стали доктором экономических наук и продолжали выступать в массовой прессе. Это оставалось потребностью? Необходимостью? Интересно узнать ваше мнение о связях науки и журналистики, насколько они были и могут быть плодотворными?

— Разная была наука. И та, что обращалась к людям с предложениями, как улучшить и экономику, и жизнь вообще. Она сотрудничала с газетами. И та, что была замкнута в себе, здесь были отработаны свой язык, высокомерное отношение к журналистам. А писали нечто совершенно оторванное от жизни. Для меня такой яркий пример — книга «Труд» Чангли. Маркс написал «Капитал», а она — «Труд»... По сию пору я ощущаю себя чужаком в этой среде — другой язык, другие совершенно задачи. «Чистая» наука. На кого ты работаешь при этом? Для чего? Защита диссертации — ритуал. Я сижу на ученом совете и заранее знаю, как это будет — кто выступит, как выступит, все ранжировано, все отзывы получены, слова, какие должны быть, написаны. Если ты напишешь не теми словами, тогда не здесь, так в ВАКе тебя «зарезут».

— И вы не допускаете, Геннадий Степанович, что может быть крупный ученый, скажем, в области теории социологии?

— Ну, естественно — и может, и есть. Вопрос в том, что такое «ученый» и «не ученый». Тут у меня на полке Николай Бердяев, «Вехи» — это же написано по-человечески. Вот это для меня — наука, вот это — апелляция к людям, по тем проблемам, которые реально существуют. Когда я читаю Маркса и Энгельса, я забываю, наука это или не наука. Это — публицистика.

— «Капитал» Маркса — публицистика?

— Нет, все остальное. Кстати, он его писал, писал, а потом в конце концов забросил и перед смертью все-таки от «Капитала» отказался. Вот пожалуйста, я вам зачитаю (берет книгу — прим. ред.): «История показала, что и мы, и все мыслящие подобно нам были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства». Основа, на которой происходило его развитие, «обладала еще очень большой способностью к расширению». Вот что, перечеркнув «Капитал» и тем более «Коммунистический Манифест», Энгельс, будучи предпринимателем, бизнесменом, сказал, оглядев-

шись: «Ничего подобного, никакая не последняя стадия». Но эти слова, хотя они существуют, нигде же не приводились. «Маркс сказал, Энгельс сказал»... А то, *что* они сказали, кроме Чапаева и Суслова никто не читал. Никто же не читал Маркса! Тогда, не читая, на него ссылались, теперь бездумно и легкомысленно от него отказались.

И второе. Общественные науки (и философия в том числе, и социология, и экономика) были уничтожены, расстреляны. Только сейчас начинается зарождение общественных наук, потому что наука не может быть только советской, нужно соприкоснуться с «той» наукой, а мы от нее были отрезаны начисто.

— *В 60-е годы некоторые были знакомы с западной социологией.*

— Если ты и знаком с западной социологией, то для тебя есть одно направление — критика буржуазных теорий. Да и тут внимательно смотрели, как ты их подаешь. Следили и сразу (по себе знаю): «А, это ты протаскиваешь рыночный социализм!» Так же, как в предвоенное время: если ты, критикуя фашизм, будешь цитировать ту же «Майн кампф», — это преступление. Это ты таким образом пытаешься познакомить читателя с подлинниками и заронить в душу сомнение.

— *Почему все-таки вас лично, Геннадий Степанович, постоянно «рубдили», в чем-то вам отказывали и т. д.?*

— И считаю, что они правы абсолютно.

— *Они?*

— Те, кто и сейчас у власти. Ведь начиная с 17-го года все больше и больше власть брали и окончательно взяли бывшие полухозяева, теперь они стали хозяевами. Я написал об этом в книге «Если ли будущее у России» (М., 1996). Специальная глава: «Когда полухозяин становится хозяином». Дело в том, что Россия — страна чиновничья. В свое время раньше всех нас суть их власти осознал Джилас, когда написал «Новый класс». Чиновник (тот же секретарь обкома), с одной стороны, имел огромную власть, материальное благополучие, но, с другой стороны, это не передашь по наследству, а в любую минуту, если окажешься не угоден высшему начальству, тебя могут лишить всего. Переход к рыночному хозяйству — это вызов, это открытая борьба против чиновничества. Если все можно купить, все можно продать и не спрашивать, как, если еще и открыться мировому рынку — куда чиновнику деться? Чиновнику нужно сохранить право подпустить меня к трубе или не подпустить, дать лицензию или не дать, установить такие налоги или другие. Поэтому у нас идет настоящая гражданская война между рыночниками, которые хотят вот этой свободы и независимости от чиновников, и чиновниками. Они тогда, в 60-х годах, прекрасно сознавали, чем им грозит рынок. И сейчас сознают. Если отдать землю (не будем говорить, каким образом) крестьянам, что чиновнику останется? Ведь сейчас даже для того, чтобы получить участок для дачи, огромные деньги, половину своих рас-

ходов нужно отдать чиновнику. Поэтому борьба идет не на жизнь, а на смерть. И смотрите, как они все поднялись, как грибы после дождя. Почему? Потому что чиновник сейчас имеет большую силу, чем при Сталине, чем при Брежневе и Горбачеве. Поэтому и рыночной экономики, понимаемой всерьез, у нас так и нет, у нас она олигархическая.

Вот я и считаю, что они правомерно тогда боролись и сейчас борются за свое выживание, со всеми опасностями, которые встречаются на их пути. И становятся из полухозяев полными хозяевами, когда свою чиновничью власть соединяют с собственностью.

— *Значит, вы оказались побежденным?*

— Ну, я «один из». Причем еще наиболее удачливый, как-то все время выкручивался. А что случилось с Леном Карпинским? С Леном Кассировым? С Венжером? Что с многими другими, которые «высовывались», а «высовываться» было нельзя? Когда в 40-х годах опубликовали данные нашего отставания от сельского хозяйства США, «погорела» целая группа ученых. И все затаились, стали бормотать то, что от них ждали. Или уходили в другую отрасль. Поэтому я и считаю, что весьма успешно продержался в «своем окопе», а масса людей вообще не имели возможности высказаться, не защитили диссертации, потому что выходили с гораздо более смелыми, может быть, решениями. Скажем, докторскую диссертацию, которую я защитил — третью по счету — мне противно взять в руки. Уже потому, что когда мне сказали: «Ну, ладно, пропустим» — я тяп-ляп что-то сделал, на их языке, под их требования. По сравнению с теми двумя диссертациями, которые написал раньше, еще с верой во что-то, она намного слабее. Но почему все же защищал? Потому что когда идет молодой человек с лейтенантскими погонами, это хорошо, но когда идет обрюзгший пятидесятилетний дяденька и у него лейтенантские погоны, всегда хочется подать копеечку. Если уж оставаться в науке, то надо какой-то элементарный статус обрести, хочешь — не хочешь. Это была своего рода плата за то, что мне удалось сделать в прессе в 60-е годы. Что чего стоит — сейчас сказать трудно. Но думаю, что в целом многие ученые и многие журналисты что-то заронили тогда в сознание людей.

— *Можно ли сказать, что уже тогда, в 60-е, шла или началась борьба за самостоятельную роль прессы в обществе, за право журналистов писать то, что они думают, как понимают события?*

— Может быть, каждый отстаивал такое свое право. Была и солидарность журналистов. Но была и полная ясность, что никакая независимость невозможна. Маневрировали в рамках допустимого. И ЦК КПСС заботился, чтобы каждый нес ответственность не только за себя, но и за коллегу, за подчиненного, вот за ту самую солидарность. Карпинский допустил такие-то ошибки, а Торсуев не прореагировал вовремя и задержался на пять минут с вынесением ему выговора. Что сделали с Карпинским, знаете --исключо-

чили из партии, оставили без работы. А что сделали с Торсуевым? Из директоров издательства вылетел мигом и стал чуть ли не экскурсоводом на ВДНХ. За что? За отсутствие бдительности. Везде действовал этот принцип: если ты не заклевал, если ты просмотрел, погибай вместе с тем, кто «провинился». Поэтому мы прекрасно знаем всех тех редакторов, которые, если «надо», сразу найдут крамолу. Я прекрасно помню одного такого. Передовицу даже напишешь — моментально выискивает строчку... Там 200-300 строк, а он обязательно найдет ту, которую я специально вписал: ну-ка, интересно, пройдет — не пройдет. Нет, не прошла.

— *В журналистике всегда были разные люди: один «пробивает» свои идеи, переживает за каждый абзац, который вычеркнули, а другой заметку напишет, гонорар получит, и это его вполне устраивает. Вам, наверное, тоже приходилось это наблюдать?*

— Ну, тут уже действуют свои ценности. Может, совесть, а может быть, гражданская совесть. Чего не хватало, скажем, Чаадаеву? Жил бы себе и жил. А чего Герцен там маялся? Как-то я читал Поршнева, он выдвинул теорию, согласно которой все люди только кажутся одинаковыми, потому что у нас две руки, две ноги, два глаза, а на самом деле мы произошли от разных животных. Одни — от хищников, вот волки бегают, тигры, готовы любого разорвать. Среди них ходят шакалы. Это другая порода. Есть еще овцы. Куда их погонят, туда они и пойдут. И есть элита, интеллектуалы типа Сахарова, Коперника, Джордано Бруно, Микеланджело, Рублева... Их единицы. Мне это показалось справедливым. Потому что, например, я не могу убить человека, а другому, кажется, — раз плюнуть. Я не могу сделать массу вещей, которые сейчас делают очень близкие наши знакомые. А я прихожу больной совершенно от этого, жалею жену, как будто она что-нибудь в силах изменить: «Как это можно, как это можно?!» А можно, можно. А потом встречаешься с человеком, он смотрит в глаза. Мне неудобно за то, что он сделал. А он — ничего, общается со мной: «Ну, как живешь?». Так что, я думаю, это — ДНК виновата.

— *Но вот социологи задаются вопросом: «Кто и как конструирует наше сознание?» Пресса, на ваш взгляд, входит в этот ряд? Какое вы ей отводите место?*

— Я думаю, в основном сознание все-таки формирует жизнь. Вся, в целом. Мы в какой-то степени помогаем людям, если нам удается сообщить: «Ребята, там рифы есть, осторожнее». Это максимум, что мы можем сделать. Но люди все равно плывут, тонут, бьются об эти рифы, а потом вспоминают: «Вот был голос, между прочим, правильный. Нас предупреждали, что есть рифы». Наша задача, я думаю, заключается в том, чтобы уметь выбирать трезвые голоса из шума толпы, которая мчит куда-то — между прочим, никто не знает, куда она мчится. Но созидательные натуры должны получить при помощи прессы возможность услышать то, что кажется трезвыми голосами. И в общем — это получается в конце кон-

цов. Когда вот «Вехи» написали об интеллигенции — «Из глубин»? До меня лишь сейчас это дошло (только появились книжки, раньше они были в спецфондах). Теперь я читаю и чувствую: значит, я не столь уж заблудился, если люди так же думали столько лет назад. А я просто их продолжаю и не чувствую себя одиноким. И начинаю думать, что, наверное, я на правильном пути.

— *Сейчас много говорят о шестидесятниках, они мол, были романтики, жили иллюзиями... Интересно в этой связи ваше мнение: хотя бы в какой-то мере сказались реально во времена перестройки та ваша борьба за экономические реформы, за рынок?*

— Сказалась, несомненно, сказалась. Конечно, в русском характере — нигилизм, «иваны, не помнящие родства». Мы не знаем своих предшественников, предпочитаем все открывать заново. У меня же иногда опускаются руки: «Но ведь это все давно написано, только гораздо лучше и более аргументированно». Теперь я могу только проиллюстрировать эти мысли еще и нашими примерами, не только времен революции 1905 года, столыпинской реформы и т. д. Сейчас поджигают хозяйство фермера, тогда — хуторянина, который вышел из общины. К сожалению, происходит то же самое, развитие идет по кругу, а не по спирали. Поэтому мне представляется весьма важным хотя бы уже просвещение наших граждан относительно того, что надо делать в экономике. Чем и занималась пресса в 60-е годы — именно газеты, журналы. Если что-то удавалось и тогда, то теперь возможности совсем другие. Вот у меня лежат «Вопросы философии» (слава Богу, теперь возрождаются и философия и журнал). Много западных авторов, которых раньше было просто невозможно прочесть. И выросли люди, которые не «затюканы». Я вспоминаю того же Льва Абрамовича Леонтьева: он боялся, потому что столько его коллег и друзей посадили, всех он помнил, как помнил и то, что с ним не здоровались, его сторонились... И авторы, и читатели уже иные.

— *А вы следите за современной прессой? Какое у вас впечатление?*

— Некоторым авторам я просто завидую — их раскованности, глубине анализа. Уровень выше того, что был в нашу пору. Таких авторов, правда, немного, и им не дают разогнаться, потому что во все времена есть спрос на какие-то вещи, которые мне, например, кажутся неинтересными. Многие материалы (я это вижу) написаны по заказу, в коммерческих интересах. Не с общественной точки зрения, и не с государственной даже — государство и общество я все же разделяю, — проталкивают групповые интересы, какие-нибудь «алюминиевые». Коммерциализация очень большая. Как добиться, чтобы пресса стала общественной, а не «газета Березовского», «газета Ходорковского», «канал Лужкова»? «Нет, мы эту статью в «Новых известиях» печатать не будем, потому что здесь есть выпад против предприятий, входящих в группу Березовского». И как преодолеть «моду» среди власть имущих, среди

чиновников на равнодушие? Раньше напечатали и, как правило, рассчитывали на резонанс, отклик, «действенные меры». Сейчас кажется — никто никакого внимания не обращает ни на что. Гордятся даже: про меня пишут, а я не обращаю внимания.

И еще одно: главный редактор крупной газеты все-таки должен быть общественным деятелем. Общественным деятелем, который прошел какую-то школу. И — личностью, а не просто вчерашним бухгалтером. Вот Твардовский много нес людям, много внес в общественное сознание. Вот про «Новый мир» можно сказать, что он конструировал сознание, потому что он создавал критерии современной нравственности, принципы отношения к жизни.

У нас как-то не разделились коммерция и журналистика, они сплошь и рядом — в одном лице. На Западе, например, это четко разделено.

— *Сейчас в любой, наверное, редакции можно услышать, что никому не нужны «кирпичи», то есть крупные аналитические материалы, которые вы всегда и писали. Их время прошло? Газета — царство информации?*

— Не думаю. Во всяком случае, такие мысли не возникают, когда смотришь западную газету, например «Neue Zürcher Zeitung» или «Die Welt». По объему это 40-50 страниц, по уровню материалов — монография. Я знаю, что здесь найду статьи про экономику, про археологию, про искусство. И всё — квалифицированно. И всё — для своего, заинтересованного читателя. Вы дайте мне эти «кирпичи», и я составлю представление, надо ли мне ждать, когда выйдет монография данного автора, да и стоит ли ей выходить (возможно, задуматься над этим будут основания и у самого автора). Газета и журнал оперативнее, они должны иметь свою «площадку».

Как-то редактор английского «Экономиста» сказал, что это журнал «мнений и анализа». В этом качестве он существует много лет. Я бы хотел такой судьбы для наших периодических изданий.

“I wanted to draw the society’s attention to agriculture”

Gennady S. Lisichkin, DSc (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

Marina G. Pugacheva, Senior Researcher, Center for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: puma7@yandex.ru

Svetlana F. Yarmolyuk (1936-1917), PhD (Economics), Head of the project, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

This interview with Gennady Stepanovich Lisichkin was taken on February 1, 1999 for the book *Press in Society (1959-2000). Estimates of Journalists and Sociologists. Documents*. We believe that the biography of this famous scholar and publicist, which is closely related to the development of agriculture in the USSR in the 1950-1970s, will

*Г.С. Лисичкин,
М.Г. Пугачева,
С.Ф. Ярмолюк
«Я хотел повер-
нуть внимание об-
щества к сельскому
хозяйству»*

be interesting to the readers of the *Russian Peasant Studies*. In 1953, after graduating from the MGIMO University and working at the Ministry of Foreign Affairs, Gennady Stepanovich voluntarily went to Kazakhstan and was the head of the collective farm for three years. Later he worked at the USSR Embassy in Yugoslavia, as an editor of the department in the *Izvestia* and as an economic observer in the *Pravda*. He was an involuntary initiator of the public discussion on the economic challenges of agricultural production in the central press in the 1960s (a selection of documents from the Russian State Archive of Contemporary History was published in the section "Beyond the Economic Discussion in the Press").

Key words: agriculture, virgin lands development, Germans in Kazakhstan, market socialism, *Izvestia*, economic discussion

Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения¹

**Рецензия на книгу: Бэнфилд Э. Моральные основы
отсталого общества. М.: Новое издательство, 2019. — 216 с.
ISBN 978-5-98379-242-5**

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-175-194

С сожалением приходится констатировать, что часто зарубежные работы переводятся на русский язык с огромным опозданием, и российские читатели знакомятся с ними на несколько десятилетий позже (небольшое количество имеющих доступ к зарубежной литературе и в достаточной мере владеющих английским языком вряд ли существенно меняют ситуацию). Книга Эдварда Бэнфилда оказалась самой запоздавшей: с момента выхода в свет в 1958 году этой «классики послевоенной политической науки», отвечающей на вопрос, «откуда в обществе берется неспособность объединяться и координировать свои действия, которая приводит к отсутствию политических институтов и экономического развития (с. 4)», до ее публикации на русском языке прошло более шести десятилетий, а описывает она положение вещей в 1955 году.

У критически настроенного читателя не может не возникнуть вопрос: какое значение эта интересная историческая зарисовка имеет для нас сегодня, если описанного в ней крошечного сельского фрагмента жизненной мозаики уже не существует даже в самой Италии? Если трактовать этот вопрос как риторический, то с ним нельзя не согласиться: действительно, учитывая среднюю продол-

---

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. «Неформальная» экономика сельских домохозяйств: возможности и ограничения хозяйственных практик в повышении потенциала и общей привлекательности сельских территорий.

жительность человеческой жизни, для читателя шесть десятилетий не слишком отличаются от шести столетий с точки зрения отдаленности темпорального горизонта. Но если признать за этим вопросом право на развернутый содержательный ответ, то он будет таков: книга представляет для любого социолога (в первую очередь, но и для всех представителей социальных наук) удивительную находку, показывающую устойчивость множества социальных практик и особенности эмпирического исследования социокультурных детерминант экономического поведения.

Фактически перед нами наглядная иллюстрация тех теоретических дебатов, которые набрали масштаб и популярность несколькими десятилетиями позже выхода книги в свет — о соотношении двух «маловероятных партнеров — экономики и культуры — ... в прозаическом контексте повседневной жизни», которые затрагивали вопросы соотношения экономики и культуры и как учебных/научных дисциплин, и как отдельных сфер человеческих интересов. Хотя нужно уточнить, что «ряд экономистов пытались, эксплицитно или имплицитно, понять то, что можно назвать “культурным контекстом” экономической деятельности еще с тех пор, как Адам Смит заложил основы современной экономической науки»². Иными словами, книга Бэнфилда эмпирически реконструирует тот жизненный уклад, социально-экономическую организацию которого автор объясняет определенным этосом, убедительно показывая на «живых примерах», что «взгляд на экономику, исключая культурный аспект деятельности индивидуальных экономических агентов и институтов, в которых они участвуют, скорее всего будет страдать от серьезных недостатков в объяснении и понимании поведения»³. Забегая вперед, следует отметить, что взгляд наблюдателя, сформированный иным культурным контекстом, страдает смещениями, но все же «видит» воздействие на экономические реалии социокультурных ценностей.

Поскольку небольшая по объему книга вряд ли нуждается в детальном изложении своего содержания, имеет смысл кратко его охарактеризовать и сосредоточиться на тех несомненных достоинствах и недостатках работы, что наградили ее новыми преимуществами благодаря столь отсроченному переводу на русский язык. Итак, перед нами описанное на конкретном поселенческом примере (коммуна на юге Италии) устойчивое во времени имплицитное противостояние государству (далеким «тем из Рима») локального

-
2. *Тросби Д.* (2018). Экономика и культура / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 9–11. См. также: *Бегельсдейк Ш., Маселанд Р.* (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности / Пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. В.С. Автономова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
  3. *Тросби Д.* (2018). Экономика и культура. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 58.

сообщества со слабыми внутренними связями и дефицитом паттернов самоорганизации (имплицитный характер противостояния обусловлен отсутствием отсылок к нему в начале книги, помимо эпиграфа из гоббсовского «Левиафана» и токвилевской «Демократии в Америке»), хотя ближе к концу повествования о нем говорится прямо). Девять глав книги призваны обосновать авторскую интерпретацию жизни в итальянской коммуне, специфику которой Бэнфилд объясняет особым этосом (сегодня мы бы предпочли термин «неформальная культура», и автор во Введении говорит о культуре⁴), показывая его «работу» в теории и на практике, в прошлом и будущем, в семье и сообществе, а также на разных уровнях социальной иерархии (сегодня мы предпочитаем говорить о стратах, а не о классах применительно к столь небольшому сообществу без огромного разрыва в уровне доходов). Автор объясняет «крайнюю бедность и отсталость» коммуны «во многом (но не целиком) неспособностью жителей объединить усилия ради общего блага и вообще ради любой цели, кроме краткосрочного материального интереса нуклеарной семьи... обусловленную этосом “аморального фамилизма”, сформировавшимся под совокупным влиянием трех факторов: высокой смертности, определенных особенностей систе-

4. Во Введении автор уточняет трактовку этоса, ссылаясь на У. Самнера: это «совокупность характерных обыкновений, идей, стандартов и кодов, посредством которых группа отличается и индивидуализируется по характеру от других групп» (с. 12). Цит. по: Самнер У.Г. (1998). Народные обычаи: исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж. № 12. С. 29. Эта трактовка согласуется с определениями культуры как «комплекса ценностей, обычаев, убеждений и практик, составляющих образ жизни специфической группы»; «всего того, что не передается генетически», «практических идеологий, позволяющих обществу, группе или классу переживать, определять, интерпретировать и осмыслять условия существования»; «неявных знаний мира, при помощи которых люди вырабатывают образ действий, подходящий в тех или иных особых контекстах» (Иглтон Т. (2019). Идея культуры / Пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. Дом ВШЭ. С. 56-57. Работа Иглтона, рассматривающая разные трактовки культуры, их историческую эволюцию и стратегии модификаций применительно к разным аспектам действительности, позволяет конкретизировать культурную «специфику» используемого Бэнфилдом понятия «этос»: «Культура обозначает область социальной субъективности, более широкую, чем идеология, но более узкую, чем общество, менее осязаемую, чем экономика, но более материальную, чем теория» (Там же. С. 63). То, что автор говорит именно о культуре, подтверждают и другие работы, посвященные ее воздействию на экономические результаты группы по трем основным направлениям: на экономическую эффективность — через поддержку общих групповых ценностей, которые определяют включение в экономические процессы; на справедливость — прививая общие моральные принципы и поощряя создание механизмов передачи социального и культурного капитала; на экономические и социальные цели группы (Тросби Д. (2018). Экономика и культура М.: Изд. дом ВШЭ. С. 95-96).

мы землепользования и отсутствия института расширенной семьи» (с. 12), которые и способствовали «отсутствию вкуса к совместной деятельности» (с. 26).

Порождаемые книгой значимые исследовательские ассоциации сложно упорядочить, поэтому представим их в формате простого перечисления, начав с наиболее очевидных. Первое, что бросается в глаза уже во Введении, — общеизвестная проблема субъективно-предвзятого восприятия иного социального опыта. Автор — американец, не знающий итальянского языка, он записал свои наблюдения за коммуной, где жил в течение девяти месяцев с семьей, и опирался на результаты опроса его женой местных жителей, в основном крестьян, с помощью студента-итальянца. По сути, автор сразу позиционирует себя как представителя «Европы и Америки», за пределами которых «согласованное поведение в рамках политического объединения и корпоративной организации — явление редкое и недавнее. Отсутствие согласованного поведения — важный фактор, препятствующий экономическому развитию на большей части земного шара. У народа⁵, неспособного к организации, не может быть современной экономики... Неспособность к организации препятствует также и политическому прогрессу. Успешное самоуправление зависит среди прочего от способности объединять усилия большого числа людей для дел, представляющих общественный интерес» (с. 9). Автор считает ошибочным представление, что экономические и политические формы коллективного действия основаны на технических навыках и природных ресурсах, и настаивает на решающем значении культуры: «Люди живут и мыслят очень по-разному, причем образ жизни и мыслей многих из них прямо противоречит требованиям формальной организации. Так, невозможно создать мощное объединение там, где для удовлетворения своих потребностей достаточно протянуть руку и сорвать кокос [проявление «западного колониализма»]. Не создашь мощного объединения и там, где никто не станет выполнять приказы или инструкции» (с. 10).

Автор подчеркивает, что говорит о «незападных культурах», в способности которых достичь высокого уровня организации (создать современную экономику и демократическое политическое устройство) он сомневается, и уточняет, что даже эффективные вооруженные силы — не доказательство способности решать «бесконечно более сложную задачу создания индустриального общества, способствующего защите и развитию человеческой личности [с этим описанием индустриального общества сложно согласиться]» (с.11). Свои сомнения автор объясняет тем, что важны не столько размеры и количество объединений, которые «могут иметь в своем составе

5. Учитывая, что способность к подобной самоорганизации автор признает у других итальянских коммун, видимо, речь все же идет не о «народе» в его этнической или национально-государственной трактовке, а просто о людях (иной перевод английского слова «people»).

много членов, охватывать большую территорию, но при этом почти ничего не делать» [прекрасное описание многих российских объединений, которые эффективны только в административной отчетности] (с. 11), сколько цели и ценности объединений, а также соотношение затрат на их деятельность и отдачи от нее (затраты и отдача носят здесь не только материально-финансовый характер).

Подобные уточнения не спасают работу от отстраненного этноцентричного взгляда автора на небольшую южно-итальянскую коммуну с населением в 3400 человек, которая состоит из «городка, белыми пчелиными сотами прилепившегося на вершине горы, и 27 квадратных миль полей и лесов вокруг, а треть населения живет в мелких хозяйствах, раскиданных у подножья горы и в долине» (с. 17). Его осмотр носит имплицитно и эксплицитно сопоставительный характер: в первом случае речь идет об упоминаниях «привычной для американцев бурной коллективной деятельности, направленной, по крайней мере отчасти, на укрепление благополучия местного сообщества» (с. 16), — в коммуне нет организованной благотворительности, коммерсанты не надеются достучаться до властей, чиновники возмущаются, когда кто-то лезет в их дела, никто не задумывается об общей пользе и т. д. (с. 19); во втором случае — о сопоставлении статистических и опросных данных с иным типом социальной организации в Италии и американским кейсом (провинция в Северной Италии и небольшой городок в американском штате Канзас).

Видимо, социокультурная дистанция и опора на наблюдения «чужака» (в страновом, языковом и социально-классовом смысле) и (в антропологическом смысле) «непроверенных проводников» (переводящих содержание речи, но не растолковывающих ее суть) заставили Бэнфилда высказать сомнительные утверждения, слишком упростив сложные феномены, которые удобно интерпретировать в контексте якобы «простого» (отсталого) общества. Так, он полагает, что мужчины коммуны «традиционно настроены антиклерикально», и объясняет это тем, что в прошлом «церковь имела на юге Италии обширные земельные владения, а ее служители славились жестокосердием и безнравственностью... многие упорно считают вообще всех священников стяжателями, лицемерами, а то и кем похуже» (с. 19). Вряд ли позиции католической церкви в сельской итальянской коммуне в середине XX века были столь шатки (да и сегодня тоже), а мифы-стереотипы о недостойных священниках — часть народного фольклора (российские стереотипы здесь мало отличаются от сельских итальянских полувековой давности, поскольку мифы о «плохих» священниках устойчивы даже тогда, когда известные нам лично — «люди отзывчивые и весьма достойные» — с. 19).

Другой пример: постоянные упоминания автором, часто с подтверждающими цитатами информантов, что, по мнению большинства, в коммуне «никто особенно об общей пользе не задумывается»: «Даже если кажется, что кто-то хочет всем добра, на самом деле он ищет свою выгоду и обделывает свои дела, ведь и свя-

тые — смиренные-смиренные, а о себе не забывали... а многие еще и рады помешать успехам другого» (с. 19). Странно, что автор воспроизводит подобные утверждения информантов как само собой разумеющиеся описания реального положения дел, не принимая во внимание целый ряд обстоятельств: он совершенно внешний человек, который вскоре уедет, поэтому ему можно высказать все, что накопилось, не опасаясь санкций; он представитель более высокого (имущего) класса, поэтому перед ним лучше (на всякий случай) приbedняться; если он прав в том, что коммуна организована по принципу аморального фамилизма, а эгоизм по определению не может быть социально одобряем в традиционном (и итальянском) контексте, то для оправдания эгоистических паттернов информанты презентуют их как вынужденные — по бедности и социальному принуждению (все такие, включая представителей церкви). Последнее обстоятельство подтверждает и то, что, по наблюдениям автора и свидетельствам его информантов, для коммуны характерны «нормальные» классовые отношения — патерналистски-сочувственные со стороны местной аристократии (слишком индивидуалистична и горда, не пытается изменить положение дел, отказываясь заниматься даже «фальшивой» политикой, но не прибегает к гиперэксплуатации) и клиентелистски-закискивающие со стороны крестьян.

Несколько смещенная «оптика» автора нередко приводит его к странным выводам. Например, постулировав и даже «каузально» объяснив «аморальный фамилизм/эгоизм» представителей коммуны, он почему-то удивляется внезапным переходам функционеров из одной партии в другую, непостоянству электорального поведения от выборов к выборам и превращению недавних сторонников кандидата на выборную должность в его ярких критиков сразу после избрания. Все эти якобы «удивительные» формы поведения (с. 28-29) — очевидные следствия просчитанного эгоизма и действий исключительно ради краткосрочной личной/семейной выгоды (отсюда недовольство избранным чиновником, если его избрание не принесло ожидаемой личной выгоды мгновенно). Столь же странно выглядят постоянно задаваемые автором вопросы, почему местные политические деятели не объединяют усилия для решения насущных местных проблем, почему ничего не делают, чтобы улучшить ситуацию со школами и т. д. Но если описываемая коммуна действительно такова, какой ее видит автор (сменяющие друг друга поколения эгоистов-фамилистов), то не социальное безразличие и политическая индифферентность местных жителей выглядят странно, а авторские вопрошания о причинах и истоках таковых.

Во-вторых, книга — прекрасный пример эмпирического исследования, реализованного, в современной терминологии, с помощью кейс-стади и этнографического исследования. Отдать предпочтение какой-то одной из двух традиционных стратегий качественно-го исследования сложно. В пользу этнографического подхода гово-

рит то, что автор рассматривает культуру «как ограничивающий фактор, который определяет степень и характер организованности и тем самым прогресса в менее развитых частях света», книгу называет «исследованием культурных, психологических и моральных предпосылок возникновения политических и иных объединений», а исследование позиционирует как, по сути, познание «культурного другого» — «доскональное изучение факторов, препятствующих коллективным действиям в культуре, не вполне нам чуждой, но тем не менее отличной от нашей и в некоторых отношениях очень сходной с культурами Южного Средиземноморья и Леванта» (с. 11).

В пользу кейс-стади говорит сразу несколько обстоятельств: условно прикладной характер исследования (как бы ни был смещен взгляд наблюдающего, для него характерен гуманистический настрой — попытка понять, чтобы помочь людям жить лучше); сочетание множества источников информации (переписные листы, статистические данные, автобиографические записки, семейные бюджеты доходов и расходов, включенное наблюдение и тематические апшерцептивные тесты, которые мы бы назвали проективной методикой, — 16 информантов рассказали 320 историй); отказ от репрезентативной выборки в пользу «типичности»; отказ от попыток найти единое объяснение в пользу «плотного» описания (причины бедственного положения и отсутствия самоорганизации — целый ряд факторов, включая бедность, безграмотность, систему землепользования и др.); презентация результатов исследования в виде типологий (семь «объективных» групп населения по роду деятельности объединены в три «общественных класса» — крестьяне, ремесленники и коммерсанты, высший класс преимущественно «благородных по происхождению»); отказ от «доказательств» в пользу «изложения и иллюстрации теории, которую может тщательно проверить любой желающий». Результаты исследования представлены «исключительно как гипотеза», имеющая ограниченное поле применения: «Аморальный фамелизм — это тип поведения или синдром; общество, в котором наблюдаются отдельные симптомы этого синдрома, очевидным образом отличается от общества, в котором все такие синдромы налицо. Кроме того, важна степень поражения: несмотря на своекорыстие и беспринципность большинства его членов, общество не становится аморально-индивидуалистическим (или аморально-фамелистическим), если в нем хоть сколько-то силен дух гражданской солидарности или хотя бы “просвещенного” эгоизма» (с. 14). Что касается сочетания разнотипных данных, то показательно включение в книгу визуального компонента: представлены черно-белые изображения, на большинстве из них — лица людей, как бы визуализирующие информантов, на остальных — зарисовки из их повседневной жизни, не столько показывающие жизненный уклад, сколько убедительно воспроизводящие царящие в нем настроения смирения и неизменности.

Опора на разнородные данные позволила автору составить список причин отсутствия проявлений самоорганизации в итальянской коммуне, который он справедливо считает «привлекательным с точки зрения здравого смысла» (с. 35). Это страшная бедность большинства жителей («в настолько бедном обществе на политическую жизнь не остается времени»); необразованность — «крестьянин невежественен, как его осел, а ремесленник едва ли образованнее» («столь невежественный народ не может иметь понятия о том, чего можно добиться политическими средствами, и не способен осмысленно выбирать между партиями и кандидатами»); классовые противоречия, делающие невозможным сотрудничество; консервативность и политическая индифферентность мелких землевладельцев, стремящихся сохранить статус-кво (свой сколь угодно маленький участок земли); патологическое недоверие к государству и к любой власти вообще, выработанное за годы угнетений (характерная черта крестьянства, поскольку «государство гораздо дальше, чем небо, и гораздо вреднее», — все это делает жителя коммуны «мрачным фаталистом, считающим, что положение его безнадежно и ему лишь остается терпеливо и безропотно дожидаться новых несчастий») (с. 37).

Перечисленные причины выполняют двойную функцию: с одной стороны, придают исследованию прикладной характер — понимание причин, по мнению автора, очевидным образом предполагает необходимые действия, в качестве которых назван рост доходов, улучшение доступа к образованию, развитие системы государственного социального обеспечения и т. д. С другой стороны, многофакторность и разнородность источников информации заставляет автора признать, что по отдельности и все вместе приведенные объяснения справедливы лишь отчасти, поэтому нет никаких гарантий, что его «рецепты» сработают уже хотя бы потому, что ничего не мешало их реализовать прежде: даже самый нищий крестьянин мог несколько дней работать на благо коммуны; невежественность не мешает крестьянам разумно оценивать политические обещания партий; в истории значительно более бедные и невежественные люди проявляли «редкостную способность к самоорганизации и взаимовыручке» (с. 39). Кроме того, недоверие крестьян к государству не «патологическое», а скорее «нормальное» и «здоровое», и если они когда и получали какую-либо помощь, то именно от него.

Проблему автор видит в том, что «пессимизм южан распространяется только на коллективные, а не на индивидуальные действия; южный крестьянин... скорее реалист, чем фаталист» (с. 42): сложно быть оптимистом с отсутствующим горизонтом планирования жизни своей семьи. «Сельскохозяйственным работникам... живущим на скудные и ненадежные доходы, постоянно угрожают непредвиденные неприятности, справиться с которыми в их экономическом положении непросто: из-за болезни или несчастно-

го случая глава семьи может потерять трудоспособность, град может уничтожить урожай зерновых, осел и свинья могут сдохнуть, даже в отсутствие крупных несчастий от мелких затруднений все равно никуда не деться» (с. 59). Повсеместная устойчивая бедность (постоянное балансирование на грани выживания) заставляет усомниться в том, что отсутствие традиции и моральных основ самоорганизации — главное объяснение разобщенности итальянской коммуны. С одной стороны, «попавшей в беду семье остается надеяться только на родственников, друзей и соседей, но те сами бедны, и к тому же обычай не требует от них брать на себя ответственность за благосостояние других» (с. 60). С другой стороны, хроническое уныние крестьян объясняется и праздностью — люди могли бы работать больше, чтобы сделать сбережения и не жить в постоянной тревожности за свое будущее, но у них нет такой возможности. Следует подчеркнуть, что речь идет не о субкультуре бедности (одна из общепризнанных сегодня концепций), а о повсеместном объективно низком уровне жизни, когда структура потребления разнородных групп отличается не качественно, а скорее количественно (чуть больше еды, чуть больше вещей).

Таким образом, исследовательски-эмпирический потенциал книги очевиден, что делает ее исключительно важной и полезной для тех, кто занимается социологическим анализом локальных кейсов как типичных проявлений влияния социокультурных особенностей на экономическую деятельность и самоорганизацию сообществ. Порождаемые книгой концептуально-теоретические ассоциации менее очевидны, но она удивительно созвучна целому ряду вышедших относительно недавно работ, посвященных роли культуры в экономике. Этот тип ассоциаций хуже срабатывает даже у погруженного в соответствующую проблематику читателя, потому что книга Бэнфилда организована и структурирована иначе, чем характерные для обозначенного тематического направления работы. Как правило, они представляют собой терминологически насыщенные и теоретически нагруженные повествования, в которых примеры приводятся в качестве показательных иллюстраций и/или убедительных пояснений концептуальных изысканий (без таких примеров-пояснений читателю иногда сложно обнаружить реальные обыденные аналоги сложных теоретических конструкций). Книга Бэнфилда, напротив, представляет собой один большой пример в его подробнейшем описании, в которое встроены отдельные объяснения: по признанию автора, они лишь отчасти носят каузальный характер, в большинстве своем представляя «места, где разум удовлетворенно замирает, отыскав общие черты в явлениях, вроде бы никак между собой не связанных» (с. 12), — если менее метафорически, то речь, видимо, идет об аналитической индукции в ее классической версии, предложенной чикагскими социологами.

Спектр теоретических ассоциаций, порождаемых столь насыщенной эмпирикой книгой, может быть весьма широк, поэтому назовем несколько самых очевидных. Во-первых, реконструируя и иллюстрируя этос аморального фамилизма рутинными практиками, проговариваемыми и воплощаемыми в жизнь ценностными ориентациями и целями, Бэнфилд, по сути, говорит о социальном/культурном капитале в его современной трактовке (совокупность поведенческих паттернов, ценностей и социальных связей) и констатирует его неразвитость или даже отсутствие (а потому отсталость коммуны) вследствие неспособности людей сотрудничать и координировать усилия ради общего блага (прогноз, что такой тип социального капитала ведет к стагнации, оказался верен, по крайней мере для южной Италии). Благодаря этому капиталу устойчивость сохраняют, в том числе социально-экономические практики: «Именно потому, что люди считают культуру данностью и не сомневаются в своей культурной идентичности, культура может мобилизовывать людей и заставлять их принимать культурно специфичные институты, которые не всегда служат им самим на благо»⁶. Но тогда чрезмерная сосредоточенность очень бедных людей на собственной семье (в ущерб социальным связям и общему благу) оказывается не аморальным фамилизмом, а скорее «межпоколенческой/межвременной справедливостью». Это «справедливость в распределении благосостояния, полезности или ресурсов между поколениями... и его практический интерес сосредоточен, что неудивительно, на заботе ныне живущих о благополучии будущих поколений. Понятие межпоколенческой справедливости применимо в отношении культурного капитала — это то, что мы унаследовали от наших предшественников и что передадим будущим поколениям»⁷.

Во-вторых, книга Бэнфилда написана вполне в духе работы известного экономиста Т.К. Шеллинга, который, по собственному признанию, сформулировал массу идей, «когда наблюдал за любопытным поведением других. Когда эти примеры появляются в книге, читатель может решить, что идея у меня уже была, а пример — это просто ее иллюстрация, но очень часто пример порождал идею»⁸. Будучи насыщенной эмпирическим материалом, книга Бэнфилда выступает и своего рода иллюстрацией теории игр — «изучения того, как рациональные индивиды делают выбор, когда лучший выбор из двух возможностей, или самый лучший выбор из нескольких возможностей,

6. *Бегельсдейк Ш., Маселанд Р.* (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. 24.

7. *Тросби Д.* (2018). Экономика и культура. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 84-85.

8. *Шеллинг Т.К.* (2016). Микромотивы и макроповедение / Пер. с англ. И. Кушнаревой; ред. Д. Шестаков. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 9.

зависит от того, какой выбор сделают или уже сделали другие», т. е. речь идет о «взаимозависимом выборе»⁹. Конечно, Бэнфилд, утверждая «отсталость» южно-итальянской коммуны, вряд ли рассматривает ее жителей как «рациональных игроков», однако его описания того, как они принимают решения о выстраивании круга постоянных контактов и как его поддерживают, соответствуют современной экономической теории игр. А одно из ее следствий — «то, как каждый приспосабливается к своей социальной среде, — не то же самое, насколько удовлетворительна социальная среда, которую они вместе создают для самих себя»¹⁰ — иногда кажется более «объяснительной гипотезой», чем версия Бэнфилда об аморальном фамилизме. Приведем еще одно высказывание Шеллинга, которое хорошо объясняет жизненный уклад описанной Бэнфилдом коммуны: «Большая часть видов деятельности, по существу, во многих обществах... свободна от центрального управления или же подчинена санкциям и предписаниям, которые действуют косвенно. И хотя людей может волновать то, как все это складывается в целом, их собственные решения и их собственное поведение в обычном случае мотивируются лишь их собственными интересами (на самом деле люди часто видят и подстраиваются не к числу тех или иных выборов, а к их последствиям), а потому на них часто воздействует лишь локальный фрагмент общей схемы» (с. 32).

В-третьих, «смещенный» взгляд Бэнфилда как проводящего включенное наблюдение чужака в последние десятилетия, как правило, концептуализируется в формате критики западного «колониализма», причем именно через понятие культуры. Например, такой критически-дискурсивный подход представлен в работе Т. Иглтона «Идея культуры», который приводит ошибочное, на его взгляд, мнение Р. Рорти, согласно которому «у вас может быть воображение, только если вы достаточно богаты. Именно материальная обеспеченность освобождает нас от эгоизма. В состоянии нищеты нам трудно подняться над материальными нуждами; только с появлением материального излишка мы можем переключиться на тот излишек воображения, который подразумевает знание о том, что такое быть другим человеком... Только западный человек сегодня может проявлять истинную эмпатию, поскольку только у него есть время и внутренний импульс к тому, чтобы вообразить себя аргентинцем или овощем... т. е. у угнетенных обществ слишком мало времени на то, чтобы представлять себе чувства других людей»¹¹. По мнению Иглтона, сложилась устойчивая традиция «считать культуру чем-то особенно релевантным для незападных стран... Западные державы могли легитимизировать свое господство тем фактом, что они олицетворяли универсально желательный,

9. Там же. С. 8.

10. Там же. С. 25.

11. *Иглтон Т.* (2019). Идея культуры. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 75.

рациональный, цивилизованный тип поведения и мышления. Перед ними стояла задача вывести “других” из плена их уникальных культурных привычек. Культура в империалистическом мире стала уделом необразованных¹². Это высказывание созвучно рассуждениям Бэнфилда о не способствующем общему благу и социально-экономическому развитию этосе «отсталого общества».

В этом контексте предложенные Бэнфилдом меры по усмирению аморального фаунизма и его замещению просвещенным эгоизмом вполне укладываются в призыв Иглтона (хотя он говорит о несколько ином) «поставить на место культуру, которая приобрела политическое значение и стала слишком нахальной и самонадеянной»: «Культура — не только то, чем мы живем, она в большой степени и то, ради чего мы живем (привязанности, отношения, память, родство, место, сообщество, эмоциональное богатство, интеллектуальное удовольствие, чувство наивысшего смысла: большинству из нас они ближе, чем хартии прав человека или торговые договоры)¹³. Иглтон критикует такое восприятие западной цивилизацией «культур» «отсталых обществ» как «эмпатические заблуждения»: не только потому, что западная цивилизация постоянно демонстрирует «удручающую неспособность вообразить другие культуры», но и потому, что она претендует на универсальность и считает себя вправе вторгаться в иные культуры, якобы «наводя порядок в доме человечества», хотя есть масса примеров того, что «собственное угнетение и побуждает к сочувствию». Иглтон приводит в качестве подтверждения неспособности вообразить иные культуры инопланетян, которых обычно изображают как аналог человека (физиологический, социальный и даже технологически непредсказуемый). Этот пример оказывается созвучен и современному восприятию крестьян (как «инопланетян» для большей части горожан), и описанию Бэнфилдом южно-итальянской сельско-крестьянской коммуны («коллективной партикулярности»), которая претерпевает модернизационные трансформации и потому начинает «воспроизводить “тиранию” универсального консенсуса [западной потребительской культуры] в миниатюре в своем закрытом, автономном, строго кодированном мире [и потому крестьяне коммуны плохо себе представляют, кто же они теперь такие]»¹⁴.

Особняком стоит еще одна ассоциация, которая может возникнуть у читателей, погруженных в вопросы крестьяноведения

12. *Бегельсдейк Ш., Маселанд Р.* (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности / Пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. В.С. Автономова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. 51.

13. *Иглтон Т.* (2019). Идея культуры. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 189-190.

14. *Иглтон Т.* (2019). Идея культуры. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 84.

ния и сельской социологии. В своих описаниях Бэнфилд упускает из вида одну эмпирическую деталь — что изучает не просто иное сообщество, но сельско-крестьянское. Конечно, он неоднократно подчеркивает, что в основном оно состоит из крестьян, мелких землевладельцев и сельскохозяйственных рабочих, постоянно уточняет, что практически вся экономическая деятельность коммуны сводится к сельскохозяйственной (главные источники доходов — сельское и лесное хозяйство) и пр., однако не рассматривает коммуну именно как сельскую, хотя именно эта ее особенность определяет устойчивое воспроизводство ее привычного уклада, потому что такова сельская жизнь (цикличность и преемственность). Например, автор критически оценивает убеждение жителей коммуны, что «настоящего успеха помогают добиться либо везение, либо благосклонность святых, а никак не бережливость, трудолюбие и предприимчивость... Идея, что благополучие человека почти полностью зависит от неподвластных ему обстоятельств... а сам он может в лучшем случае только развить удачу, а не добиться ее, без сомнения мешает проявлению инициативы» (с. 117). Но люди, занимающиеся доиндустриальным сельским хозяйством, могут надеяться только на везение (погоду), а поскольку большинство живет натуральным хозяйством, то урожай определяет пропитание, доходы и уровень жизни семьи. И сегодня аграрии следят за климатическими условиями, а жителям сельской коммуны в середине XX века оставалось надеяться только на везение и помощь святых.

Соответственно, вряд ли отсутствие у них инициативы — проявление аморального фамилизма, скорее оправданный фатализм крестьян до начала эпохи индустриализации. Кстати, странно выглядят упоминания об антиклерикальности жителей коммуны, поскольку они «получают лишь самое зачаточное религиозное образование» (с. 131). Вряд ли роль образования столь важна: крестьянский расчет на покровительство святых носит вполне языческий характер (святых выбирают по практическим соображениям «подведомственных областей», могущества, «восприимчивости к просьбам» и даже характера — могут быть враждебно-агрессивными и требовать задабриваний), а воцерковленность, вера и упование на везение под святым покровительством — очень разные вещи в любом сельском жизненном мире (и городском тоже).

Бэнфилд как будто игнорирует тот факт, что описываемое им сообщество переживает сложный период трансформации, которую принято называть модернизацией¹⁵. Он упоминает, что зна-

15. См., напр.: Троцук И.В. (2007). The post-socialist agrarian question. Property relations and the rural condition // Социологический журнал. № 2. С. 167-176; Троцук И.В. (2015). Правомерно ли говорить о крестьянстве в современной Восточной Европе? // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4. С. 173-180.

чительная доля крестьян с собственным клочком земли вела натуральное хозяйство, практически ничего не выращивая на продажу (что вскоре станет невозможно даже в отдаленных сельских коммунах «незападной» части западного общества), и что небольшая доля коммерческих хозяйств поставляла на местные рынки некоторое количество оливкового масла и вина, нанимая для работы других людей, «поскольку ручной труд считается унизительным» (что странно для крестьянской коммуны), отмечает фундаментальные изменения потребительских практик, обусловленные не ростом благосостояния (многие крестьяне стали беднее, чем были поколение назад), а приходом новых моделей поведения и внешнего облика, но не учитывает эти модернизационные трансформации, интерпретируя рассказы крестьян (а их утверждения, что исключительная фокусировка на собственной семье — историческая традиция, передающаяся из поколения в поколение, может быть поставлена под сомнение как самооправдательная стратегия).

Об этом пишет в послесловии Э. Панеях, отмечая, что взгляду Бэнфилда предстал не устоявшийся уклад (самовоспроизводящаяся «отсталость»), а «уклад распадающийся», и этого распада он не сумел увидеть за тем «фасадом», что для него, богатого образованного городского чужака-иностранца, возвели местные крестьяне¹⁶. Даже «изнутри» чужак-наблюдатель не смог понять, что видит момент, «когда бывшая традиционная община, прошедшая через потрясения, настолько глубокие, что о них не говорят, трансформируется в сообщество, пусть провинциальное, но уже организующееся по образцу современного современного массового общества... и большая традиционная многопоколенческая семья преобразовывается в нуклеарную, еще сохраняя ценности и картину мира, характерные для жизни в расширенной семье» (с. 208-209). Вероятно, этим и объясняется пассивность, безрадостный пессимизм и постоянная тревожность сельской коммуны — расхождением между тем, как ее члены вынуждены жить в новых социально-экономических реалиях (рутинизирующийся образ действий), и теми традиционными социокультурными паттернами, что совсем недавно считались моральными императивами — буквально вчера лежали в основе рутинного образа действий, а сегодня вдруг стали «отсталыми» и даже постыдными, поэтому в их сле-

16. Если бы книга была написана недавно, то, вероятно, подверглась бы аналогичным критическим замечаниям, но за игнорирование глобализационных тенденций, которые породили примерно те же проблемы для локальных сельских сообществ: «Мир, возможно, стал более эффективным и продуктивным, но он не стал справедливее... Последствия глобализованной экономики создали мир победителей и проигравших... Студентам говорят, что двойная проблема, с которой имеет дело экономика, — это эффективность и справедливость; однако большую часть времени они изучают первую проблему, а второй обычно уделяется меньше внимания» (Тросби Д. (2018). Экономика и культура. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. С. 215).

довании отказано предшествующим поколениям в рамках своего рода самооправдания¹⁷.

Безусловно, в тексте встречаются имплицитные отсылки к тому, что модернизационные тенденции исключают крестьян из хозяйственного (у них нет сбережений, нет работы, они вынуждены ничего не делать) и культурного контекста (чувствуют свою ничтожность и нелепость, общество считает их «отсталыми») все быстрее осовременяющегося общества, в котором население растет, мелкие хозяйства из-за разделов между наследниками становятся еще мельче (сочетание демографических и капиталистических трендов), «каждая семья находится под постоянной угрозой того, что следующее поколение опустится ниже по социальной лестнице» (с. 74), хотя одновременно «у представителей всех классов имеется шанс, пусть и слабый, продвинуться вверх в социальной иерархии» (с. 75). Однако автор не считает этот модернизационный контекст ключевым объяснительным фактором экономического положения коммуны, несчастья ее членов и рассказов о якобы традиционном аморальном фамилизме. Бэнфилд замечает в послевоенном экономическом и модернизационном кризисе не переход от одного жиз-

И.В. Троцук
Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения

17. Речь не идет об осознании крестьянами своей культурной инаковости или семантической исключенности из современной культуры, хотя их настроения в целом объясняются тем, что «культурными» оказываются городские жители, а те, кто действительно возделывает землю, — нет. Те, кто культивирует землю, все меньше и меньше способны окультуривать самих себя. Агрικультура не оставляет свободного времени для культуры» (Иглтон Т. (2019). *Идея культуры*. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 9). Жители коммуны чувствуют, что всеобщее «окультуривание» превращает их в «отсталых»: «Культура требует определенных социальных условий, а поскольку эти условия могут включать в себя государство, она тем самым получает политическое измерение. Окультуривание идет рука об руку с торговлей, потому что именно торговля подрывает деревенскую неотесанность, втягивает людей в сложные отношения, которые их «шлифуют» (Там же. С. 21). Это одна из возможных трактовок культуры — как противопоставленной цивилизации, и в этом оценочном контексте цивилизация (материальный прогресс) начинает конфликтовать с культурой как традицией (пусть до определенной степени это «война понарошку») (Там же. С. 23). По мнению Иглтона, разговор об отсталости с использованием понятия «культура» стал возможен, потому что оно стало описательным (а не оценочно-дискриминирующим) — как бы констатирующим отличие жизненных форм и укладов «дикарей» от «цивилизованных людей», особенно в антропологии. Бэнфилд смешивает элементы разных трактовок культуры — дескриптивные и нормативные, что позволяет ему вынести в название книги слово «отсталый». В тексте прослеживается и отмеченное Иглтоном представление о культуре, которым «мы в основном обязаны национализму и колониализму, а также развитию антропологии на службе у имперской власти» (Там же. С. 43). Отсюда высокомерно-смешенно-оценивающий взгляд Бэнфилда как наблюдателя за «отсталым обществом» (Панеях справедливо подчеркивает, что этот наблюдатель — еще и представитель страны-победителя в войне, где Италия в группу победителей не вошла).

ненного уклада к другому, а «устойчивое и воспроизводимое ущербное состояние, слабость организации общества» (с. 210). Это тем более удивительно, что автор открыт для критики: сам обозначает слабые места своей «прогностической гипотезы» («жители коммуны поступают так, как если бы следовали правилу: добивайся максимальной краткосрочной материальной выгоды для своей нуклеарной семьи; исходи из того, что все остальные поступают так же»), отмечает неуклюжесть и отчасти неточность предложенного понятия «аморальный фамилизм» (если у человека нет семьи, он становится «аморальным индивидуалистом»), осознает различие «идеального» и «реального» поведения и признает, что соответствие поведения жителей коммуны гипотезе ее не доказывает, а лишь делает объяснительной (превращает поведение в понятное и предсказуемое).

Получается, что работа Бэнфилда как бы развенчивает миф о доминировании общинных отношений в сельских сообществах, которые принято противопоставлять индивидуалистической разобщенности городской жизни (кстати, автор почему-то считает, что в сельской России привязанность ребенка к общине была настолько сильной, что потеря родителей была не так уж страшна, что вряд ли можно считать универсальным правилом). Но на самом деле автор описывает сельскую коммуны, которая уже испытывает давление последствий индустриализации сельского хозяйства и городской потребительской культуры, которые не могут не отражаться на социальных связях и взаимодействии в условиях ограниченных доходов (когда «дружба — недоступная роскошь»). Эмоциональность авторских описаний свидетельствует о том, что, как многие из нас сегодня, попадая из города в номинально сельский мир, он, видимо, ожидал увидеть царство Gemeinschaft-отношений и коммунальности.

Несмотря на эмпирические основания своих концептуальных построений, автор постоянно балансирует между недооценкой (модернизационных веяний и сельско-крестьянского контекста) и переоценкой наблюдаемого. Примером второго выступает то, что сначала автор убедительно, на множестве примеров, показывает, насколько низок уровень доверия жителей коммуны к представителям власти, насколько государство воспринимается как единственный источник хоть какой-то помощи и сдерживания коррупцированных чиновников (от которого, впрочем, лучше держаться подальше), как аморальный фамилизм вынуждает членов коммуны выстраивать сложные взаимоотношения с ближним и дальним окружением на основе неформально кодифицированной системы межличностных и межсемейных взаимодействий, а в конце книги внезапно квалифицирует местный якобы традиционный этос как ненормальное, неестественное и промежуточное состояние «войны всех против всех», катастрофические последствия которого сдерживает лишь внешняя сила в лице государства, и призывает вне-

шные силы (церковные и политические) целенаправленно изменить этос (церковь и партии — формальные институты, деятельность которых регулируется государством, и получается, что оно должно «сглаживать обиды и облагораживать чувства»¹⁸). По мнению автора, этос «не может поменяться благодаря тому, что его решат изменить сами жители коммуны» (с. 167), требуемые преобразования мировоззрения могут оказаться неосуществимыми в принципе, «особенно когда речь идет о сдвиге в сторону более сложной и требовательной морали» (с. 168).

Видимо, здесь вновь проявляется взгляд «чужака», который с позиций собственного общества выносит оценку иному жизненному укладу и считает необходимым его изменение «сверху» во вполне конкретном «правильном» направлении (в частности, предлагается переход от аморального фамилизма к «просвещенному эгоизму», хотя, вероятно, мы уже наблюдаем его южноитальянскую версию в локальной модификации). Впрочем, автор признает рискованность таких преобразовательных воздействий: «Целенаправленное изменение этоса, если оно вообще возможно, связано с определенным риском — устранение причин, обусловивших характерные особенности существующего этоса, не гарантирует, что этос, который его сменит, не будет еще хуже» (с. 173). Вероятно, опасения автора связаны не только с его убеждением, что лучше оставить в покое то, что пусть плохо-бедно, но как-то работает, а и с его, как бы сегодня выразились представители критического дискурса-анализа, «колониальным взглядом» на «отсталые» реалии. Вот как Бэнфилд завершает свою книгу «на безрадостной ноте»: «Возможно, благодаря предлагаемым мерам (разным формам «старомодного просветительства»¹⁹) тяготящий крестьянина груз унижений делается немного легче, и в результате этого развеется мрачная меланхолия, испокон века одолевающая жителей коммуны. Но... останутся голод, усталость и тревоги. Как бы удачно ни складывались впредь обстоятельства, пройдет еще очень много времени, прежде чем у всех в коммуне будет вдоволь еды. Не произойдет благодаря этим мерам и радикального изменения этоса коммуны. Даже при самом благоприятном развитии событий, для естественного восстановления и оживления социальных связей, которые более чем столетие только чахли и сохли, должны смениться два, три или четы-

18. *Иглтон Т.* (2019). *Идея культуры*. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 16.

19. Автор высказывает сожаление о невозможности применения в качестве меры воздействия широкой проповеди протестантизма по причине недопустимости «протестантского прозелитизма» на католическом юге Италии, т. е. трактует поведенческие паттерны как результат мировоззренческих трансформаций в духе известной концепции Макса Вебера: *Вебер М.* (1990). *Протестантская этика и дух капитализма* // *Избранные произведения* / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс.

ре поколения. И, наконец... эти меры вряд ли когда-нибудь будут приняты... Народы не больше отдельных коммун способны к целенаправленным коренным переменам» (с. 179). Примерно то же самое говорят скептики-пессимисты о сельской России, но безрадостные пророчества не сбываются.

С одной стороны, признание автором ограничений его, по сути, мини-теории аморального фамилизма — прекрасный образец того, как нужно социологически-эмпирически изучать влияние культуры на (экономический) уклад и представлять результаты качественного исследования. С другой стороны, автор не контекстуализирует свои наблюдения как социально-типичные для модернизационных процессов, уничтожающих сельско-крестьянский образ жизни, и иногда делает слишком серьезные обобщающие выводы, например (с. 88-106): в обществе, состоящем из аморальных фамилистов, никто не действует в общих интересах, если не видит в этом личной пользы/материальной выгоды (но этому противоречат проявления взаимопомощи и услуг²⁰); только должностные лица занимаются общественными делами, для частных лиц это считается ненормальным или неподобающим (но ведь важна трактовка «общественного дела»); отсутствует общественный контроль за представителями власти (но жители коммуны прекрасно контролируют выборных чиновников своим электоральным выбором); закон соблюдается только под угрозой наказания (но автор приводит мас-

20. Автор признает, что «иногда крестьяне помогают друг другу в работе, одалживают немного хлеба или мелкие суммы денег», но убежден, что «делают они это не из симпатии и не по доброте душевной, а ради собственной выгоды. Никто из них не ждет, что ему поможет человек, которому такая помощь будет чего-то стоить. Работая на благо другого, крестьянин аккуратно записывает потраченное на это время. Даже самые пустяковые услуги порождают обязательства, по которым потом приходится платить... Дружья и соседи — угроза не только для семейного бюджета, но и для семейной безопасности... От друзей и соседей зависти стоит ожидать скорее, чем от посторонних, потому что они больше знают о хозяйственных успехах семьи и живее чувствуют необходимость с ней конкурировать» (с. 123-124). Это показательный пассаж: автор признает наличие неформальных форм взаимопомощи, но считает ее расчетливо-корыстной, хотя объяснение скорее кроется в банальном отсутствии ресурсов. Скажем, удушающая бедность — причина того, что люди стараются выстраивать только те социальные сети взаимных обязательств, которые помогут выжить в сложной ситуации. Автор интерпретирует свои наблюдения и высказывания информантов в пользу гипотезы аморального фамилизма, но можно предложить для них и иное объяснение. Кроме того, когда речь идет об ожидании зависти и иных «опасных» проявлений со стороны друзей и соседей, применимо понятие самоисполняющегося пророчества — «некоторые ожидания носят такой характер, что провоцируют тот вид поведения, который приводит к тому, что ожидания исполняются» (*Шеллинг Т.К.* (2016). Микромотивы и макроповедение / Пер. с англ. И. Кушнаревой; ред. Д. Шестаков. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 152).

су примеров четкого действия неформальных санкций); а равнодушные бюрократов, когда «ревностного чиновника встретить труднее, чем белую муху», демонстрирует не только отсутствие солидарности с местным сообществом, но и стереотипные ожидания (реакция на недоверие крестьян любой власти, которая априори считается коррумпированной, и восприятие «народа» как априори отсталого и неблагодарного).

Нельзя не согласиться с Э. Панеях, что книга Бэнфилда — это богатейший эмпирический материал, собранный высокомерным антропологом и позволяющий «будто под микроскопом увидеть общество, которое уже давно перестало существовать» (с. 213). Но отчасти не согласиться все же придется — данного конкретного общества действительно уже не существует, но описанные проблемы культурной детерминации социально-экономического уклада слишком социально-типичны и потому прекрасно воспроизводятся до сих пор, пусть и в несколько осовремененном виде. Поэтому книга интересна и полезна не только с ностальгических позиций познания исторического прошлого, но и как прекрасный пример «изложения важных идей, не прибегая к формальным моделям и к математике»²¹, и реконструкции «культурного контекста экономики как системы мысли [отсюда — не нейтральный взгляд наблюдателя] и как системы социальной организации»: «Формальная точность современной экономики с ее теоретической абстракцией, математическим анализом и опорой на беспристрастный научный метод для проверки гипотез о том, как ведут себя экономические системы, может создать впечатление, что экономика как дисциплина не имеет культурного контекста, что она действует в мире, который не определяется культурными феноменами и сам их не создает. Но... экономика... не может быть свободной от культуры»²². В этом смысле книга Бэнфилда — потрясающе современное эмпирическое исследование по экономической социологии: «Настоящая экономическая теория занята универсальными принципами рационального поведения, а экономическая социология должна дополнять эту теорию, изучая конкретный социокультурный контекст экономических процессов»²³.

21. Шеллинг Т.К. (2016). Микромотивы и макроповедение / Пер. с англ. И. Кушнаревой; ред. Д. Шестаков. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 7.

22. Тросби Д. (2018). Экономика и культура. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 25.

23. Бегельдейк Ш., Маселанд Р. (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. 65.

The social-economic meaning of culture: Conceptual and methodological findings of an imperfect observation**Review of the book: Banfield E.C. *The Moral Basis of a Backward Society*. Moscow: New Publishing House, 2019. 216 p.**

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Уроки Кулунды

Fruhauf M., Guggenberger G., Meinel T., Theesfeld I., Lentz S. (Eds.) KULUNDA: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use. Cham (Switzerland): Springer, 2020 — XXVI+ 522 p.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-195-203

Под редакцией немецких ученых из университетов Галле, Ганновера, Лейпцига (ФРГ) и Астаны (Казахстан) увидел свет внушительный научный трактат, название которого на русском могло бы выглядеть, допустим, так: «Кулунда: как с умом приспособить сельское хозяйство к климатическим условиям». С подзаголовком проще: «Первопроходцы исследования устойчивого землепользования в Южно-Сибирской степи». Сам научно-исследовательский проект, результаты которого пытаются обобщить редакторы этого мощного издания, также поражает масштабом организации и амбициозностью задач. Редакторы книги сформулировали это в предисловии следующим образом.

«Вследствие глобальных перемен наука сегодня — равно как и экономика, общество и политика — лицом к лицу сталкиваются с проблемами невероятного масштаба. Одна из таких проблем — неуклонный рост численности населения в мире. В связи с острой необходимостью достижения и поддержания известного уровня всеобщей продовольственной безопасности и ростом потребления природных ресурсов требуется специальное исследование по методам управления в области землепользования, направленным на сохранение и защиту природных ресурсов. Для достижения устойчивого развития различных регионов такое исследование должно принимать во внимание признаки и последствия климатических изменений, воздействие социально-экономических факторов землепользования. Важнейшим условием воплощения результатов исследования является научно обоснованное принятие решений с учетом как социально-экономических и экологических факторов земле-

пользования в их динамике, так и необходимости солидарного участия главных заинтересованных сторон региона.

В настоящей книге представлены основные изыскания в рамках междисциплинарного исследовательского проекта, нацеленного на поиск этих решений на материале сельскохозяйственного региона юго-западной Сибири. Научный проект «Кулунда — как избежать следующей глобальной пыльной бури?» (короткое название: «КУЛУНДА») финансировался Федеральным министерством образования и науки ФРГ» (р. VII).

Книга прекрасно издана, изобилует различного рода графиками, диаграммами, таблицами, схемами, картами, иллюстрациями, фотографиями, что, безусловно, позволяет более сжато и наглядно подать обширный и многоплановый материал, тематически сгруппированный в 5 частей и 39 глав. А на тот случай, если кому-то из профессионалов в области аграрных наук, почвоведения, наук о климате и окружающей среде, физических и экономических географов, экономистов и историков представленный в издании материал покажется излишне лаконичным, у проекта существует специальный сайт, материалы которого дают возможность углубленно ознакомиться с разработкой того или иного из многочисленных аспектов комплексного исследования¹.

Последовательность, в какой рецензируемая книга раскрывает эти аспекты, вполне логична. 14 глав первой части составляют тот естественно-научный и исторический фон, на котором, по мнению соредакторов, должны быть представлены основные результаты исследования социально-экономических факторов землепользования в регионе, оптимальных технологий устойчивого земледелия, мотивов и интересов основных участников аграрного производства в связи с возможностями внедрения технологий землепользования, приспособленных к местным почвенно-климатическим условиям. Такие результаты содержатся в главах частей II–IV.

Заключительная часть V имеет название «Помимо Кулунды» (р. 509-522) и состоит из одноименной главы 39. Здесь кратко и четко изложены те выводы, которые можно сделать по всему проекту в целом — помимо тех, что сформулированы авторами каждой из предшествующих 38 глав. И материал главы, по-моему, имеет тройкий посыл к читателю. Во-первых, это напоминание, что Кулунда — лишь часть (хотя и весьма важная) степного пояса Евразии, протянувшегося от Черного моря на западе континента до Желтого моря на востоке. Причем в США и Канаде также имеется значительная территория со сходными почвенно-климатическими условиями. Меньшим сходством обладают исторические обстоятельства сельскохозяйственного освоения этих территорий людьми разных культур и традиций, однако результаты этой деятельности вполне сравнимы хотя бы по уровню эрозии почв. По-

1. <http://www.kulunda.eu/?q=de/biblio>

этому многое из того, что сделано учеными в Кулунде, имеет международное значение.

Во-вторых, бесценен сам опыт организации такого рода комплексного междисциплинарного исследования. Ему предшествовало полтора десятилетия плодотворного сотрудничества между университетами и академическими институтами в области географических, аграрных исследований и преподавания, а также в области согласования интересов основных участников процесса аграрных преобразований в регионе. Поэтому помимо Кулунды исследовательский проект имеет методологическое значение для других российских регионов, берущих курс на устойчивое аграрное развитие: исследование природных, технических, социально-экономических, институциональных аспектов таких преобразований целесообразно посредством осуществления тщательной хорошо подготовленной организации подобных комплексных междисциплинарных проектов, ориентированных на взаимообогащение коллег-участников опытом и знаниями.

В-третьих, аграрное развитие — неотъемлемая часть региональной программы в современной РФ. Так, сопоставление рекомендаций, которые были разработаны участниками проекта для сельского хозяйства Кулундинской степи, с положениями стратегической программы, принятой руководством Алтайского края в 2003 году под названием «Алтай 2025», обнаруживает, что исследования по проекту осуществлялись в резонанс как минимум с тремя из тех основных направлений, что намечены в этом политическом документе (р. 518-520). Например, «задача 6 (обеспечить ускоренное развитие сельскохозяйственного сектора, не допуская избыточную нагрузку на природные ресурсы региона») или «задача 7 (рациональное использование природных и земельных ресурсов)», может и формулировались составителями «Алтая 2025» «помимо Кулунды», но, если всерьез думать о том, какие конкретные шаги следует предпринимать для их решения, мимо «КУЛУНДЫ» никак не пройти.

Возвращаясь к содержанию предыдущих глав, прежде всего хотел бы отметить, насколько серьезно редакторы тома подошли к исторической составляющей всего того, с чем исследователям пришлось сталкиваться в современной Кулунде. Авторы шестой главы «800 лет перемен в сельскохозяйственном землепользовании азиатской (восточной) России» (р. 67-87) пишут о том, что до середины XIX века масштабы ведения земледелия в этих местах были пренебрежимо малы. Перемены наметились в связи с реформой 1861 года, а в последующем — с Великим переселением в Сибирь, серьезный толчок которому дала столыпинская аграрная политика. Авторы явно стараются избегать идеологических формулировок, что делает им честь. Однако при изложении столь острого исторического материала это крайне сложно, поэтому присутствует там и «решительное свертывание нэпа», и массовый убой скота крестьянами

как реакция на насильственную коллективизацию, и катастрофический голод 1932–1933 годов (р. 75), который в этом событийном ряду приобретает определенную смысловую нагрузку.

Поднимая неизбежный в данном случае вопрос о том, почему в схватке за пост верховного правителя между Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущёвым победил последний, авторы главы резонно указывают, что возобладали хрущёвские убеждения по аграрному вопросу — ключевому вопросу дальнейшей партийной политики. А вот комментируя — пусть даже и предельно кратко — причины этой идейно-политической победы, они вольно-невольно вторгаются в область острейшей полемики в отечественной историографии по целинной кампании. «План Хрущёва одержал верх, — пишут авторы, — вероятно, из-за отсутствия у Советского Союза капитала в достаточном количестве для интенсификации сельскохозяйственного производства в аграрных регионах Европейской России; однако вполне резонно и то, что расширение посевных площадей было связано также с задачей дальнейшего заселения слабо демографически освоенной Азиатской России (подробнее об этом см. главу 7)» (р. 77). Чтобы подчеркнуть остроту упомянутой полемики, скажу, что даже по вопросу об этом заселении необжитых территорий не так все однозначно: некоторые вполне уважаемые специалисты убежденно пишут о том, что целинная кампания сильно ослабила в кадровом отношении колхозы и совхозы в тех регионах, что традиционно считаются «житницами» России².

По капиталоемкости предложенного Хрущёвым аграрного курса в сравнении с нереализованной альтернативой тоже не все просто. Только ли потому победила эта политическая линия, что она была более разумной? Ведь авторы сами заключают из своего исторического очерка, что «расширение посевных в ходе противоречивой целинной кампании, развернутой с целью снизить остроту нехватки продовольствия в Советском Союзе, создало половину запланированного прироста сельскохозяйственной продукции ценой очень больших экономических затрат на единицу продукции и экологических проблем». Причем долгосрочные экологические последствия этого масштабного и решительного вторжения в экосистему местные фермеры вынуждены наследовать и сегодня (р. 84). Однако история, как известно, не знает сослагательного наклонения, и авторы двух следующих глав далеки от размышлений, как все могло бы быть. Они довольно дотошно рассматривают историю заселения этого региона, а также историю самой целинной кампании и ее роль в дальнейшем развитии советского сельского хозяйства.

Остальные главы первой части книги посвящены рассмотрению очень специальных проблем, связанных с биологическим разнооб-

---

2. См.: *Науцацкий В.В.* (2018). Целинная кампания Н.С. Хрущёва: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов-на-Дону. С. 134-135.

разием региона, влажностью почв, их эрозией и деградацией, суммарным испарением, недостатком в почве органического углерода.

Из глав, составивших содержание частей II–IV, мое внимание привлекли прежде всего работы, посвященные проблемам земле- владения, землепользования, а также тем формам, которые при- нимают сегодня взаимоотношения основных участников процес- сов сельскохозяйственного производства. Причем в обоих случаях особенно интересно посмотреть на формальную и неформальную сторону дела и соотношение этих сторон. Для историка аграрных отношений в России — будь то пореформенный период или любой из советских этапов — не секрет, что любая серьезная попытка вла- стей юридически формализовать эти отношения неизменно сталки- валась с тем, что большинство участников поземельных отношений продолжали осуществлять их неформально. В крестьяноведении последних десятилетий такие вещи с подачи Дж. Скотта проходят по категории «оружия слабых». В классической работе В.П. Дани- лова «Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.)» почти треть объема статьи отведена тому, как, что называется «правда- ми и неправдами», вчерашние колхозники пытались противостоять духу и букве президентского Указа от 27 декабря 1991 года «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»³.

В главе 18 «Институциональный анализ системы землевладения в постсоциалистической России: действующие лица, правила и зем- лепользование» (р. 259–273) показано, что с течением десятилетий это противостояние стабилизировалось, приняв, если можно так выразиться, неформально-институциональный характер: этакий институт необязательности исполнения иных российских законов. Как соавторам главы удастся уловить столь тонкую материю, взры- вающую рамки модернистских доктрин? Ответ можно найти в том, что они пишут о методах своего исследования: «Сбор информации включал архивные исследования с целью выявления государствен- ных нормативных актов по земельной реформе, включенное иссле- дование на протяжении периода работы проекта с 2013 по 2016 год, ряд неформальных бесед и взаимодействий, полуструктурирован- ные интервью с ключевыми информаторами по очень специальным вопросам, ряд рабочих совещаний с участием местных представи- телей заинтересованных в работе кулундинского проекта сторон» (р. 261–262).

Да, «поймать» эту реальность в области поземельных отноше- ний можно только путем достижения достаточной степени откро- венности в таких беседах и интервью, а установить масштабы яв- ления — через новые и новые беседы и профессиональный анализ их содержания. Именно так поступают авторы монографии «Кре-

3. См.: Данилов В.П. (2006). Судьбы сельского хозяйства в России (1861– 2001 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. М.: Дело. С. 21–27.

стьянские жизненные практики»⁴, у каждого из которых за плечами десятки бесед с обитателями сельской местности в самых разных регионах страны. И это дает им возможность не только рекомендовать историкам-аграрникам советского периода не упускать из виду неформальную сторону взаимодействия общественного хозяйства колхозов и ЛПХ колхозников⁵, но и сформулировать приблизительно ту логику развития в этом плане, что подтверждается и кулундинскими исследованиями.

У соавтора главы о землевладении и землепользовании О.П. Фадеевой опубликована примерно на ту же тему статья на русском языке, на которую есть ссылка в тексте главы для подтверждения приводимых аргументов. Мне представляется здесь уместным привести небольшую выдержку из этой статьи — интервью 2003 года с директором сельхозпредприятия (надо полагать, бывшего колхоза или совхоза) в Новосибирской области: «Я считаю справедливым то, как было раньше при колхозах. Трудисься ты на земле, пользуешься всеми благами, которые здесь производятся, — можешь все здесь купить по дешевке (и сено, и зерно, и другие продукты). Но если ты ушел, бросил работать на земле — тогда уж извини, ни на что не претендуй»⁶. Ключевое слово здесь — «справедливость». Можно даже сказать, что оно улавливает саму суть тех неформальных практик в области землепользования, на которые обращают внимание авторы главы. А выводы по главе отражают некое связанное с этим диалектическое противоречие. По мнению авторов, для более целенаправленной государственной поддержки устойчивого землепользования, технологии которого могут быть довольно дорогостоящими, требуется установить «...2) менее обременительные процедуры легализации права собственности (с компенсацией затрат на геодезическую съемку и регистрацию земельных участков, особенно в районах с проблемными природно-климатическими условиями) и введения покинутых и бесхозных земель в оборот; и 3) более понятную и долгосрочную защиту прав собственников земли — особенно в случае с общей долевой собственностью, равно как и землепользователей — особенно тех, кто может и не потянуть высокие операционные издержки современной системы землепользования» (р. 271-272). Противоречие в том, что движение по этим направлениям законодательного регулирования поземельных отно-

4. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* (2013). Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991-2012. Саратов.

5. Я особо подчеркивал это в рецензии *Бабашкин В.В.* (2015). Рец. на книгу «Морально-аморальная экономика» // *Российская история*. № 4. С. 184-188, поскольку полагаю, что формально-доктринальный разрыв между этими явлениями оказывал медвежью услугу кому-то из коллег-историков советского времени и продолжает ее оказывать в нынешней «постсоциалистической России».

6. *Фадеева О.П.* (2013). Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // *ЭКО*. № 5. С. 32.

шений, вероятно, будет сокращать возможности для существования неформальных отношений в этой области — а не они ли являются на сегодняшний день залогом стабильности и даже в известном смысле справедливости?

Риску предположить, что, если бы это было не так, сами авторы этих выводов не стали бы уделять в тексте главы столько внимания неформальным отношениям по поводу земли как чему-то, существующему по инерции, по традиции, однако же очень важному, даже принципиальному. При желании можно обнаружить это и в других главах рецензируемой книги. Скажем, в главе 32 констатируется факт, что рынок земли в степной Кулунде пока толком не сложился, кроме прочего, из-за все той же дороговизны процедур геодезии и регистрации, в результате номинальные собственники земельных долей вступают с фермерами в нерегламентированные, но в общем-то устраивающие обе стороны отношения (р. 442). С другой стороны, оптимизация здравоохранения в селах региона и просчеты властей при реализации федеральной программы «Земский доктор» (р. 443) не устраивают никого, но в каждом конкретном случае люди как-то приспособляются.

А в тексте главы 35 мы обнаружим чрезвычайно интересное признание исследователей. Размышляя о возможных долгосрочных сценариях социально-экономического развития районов Алтайского края, первый из них, пессимистический, они выводят из постоянно звучащего в беседах с респондентами мотива: деревня умирает, народ из нее бежит в города (р. 471-473). И это несмотря на то что в принятой краевым руководством программе развития давно уже записано, что необходимо формировать положительное отношение к деревне (р. 436). О втором здесь для краткости умолчим. А вот третий они основывают на том, что обнаруживают их источники информации (неформальные беседы и частично формализованные интервью с участниками аграрных отношений, аграрного производства): в исторической памяти многих жителей современной Кулундинской степи осталось то чувство коллективной причастности к созданию национального богатства, которое в свое время как часть национальной идеи поднимало их и их предков на освоение целинных и залежных земель. Отсюда особое отношение к резкой смене экономической парадигмы и приоритетов общественного развития на рубеже 1980–1990-х годов, что поставило на карту основные достижения предшествующих десятилетий.

«Однако, — подчеркивают авторы главы, — в большинстве своем сельские территории продолжают сохранять некую внутреннюю силу, коллективную жизнестойкость, даже когда молодежь бежит в города, инфраструктура разваливается, специализированный большой бизнес увольняет рабочую силу... Кулундинские респонденты отмечают, что и те, кто остался без работы, хотели бы остаться в регионе и втянуться в местное производство» (р. 477-478). И в этом усматривается прочный социальный ресурс для сце-

нария, который обозначен здесь как «устойчивое социально-экономическое развитие территорий».

У авторов глав 32 и 35 есть публикации на кулундинских материалах, которые позволяют более подробно и детально осмысливать эту линию в степных исследованиях. О.Я. Виноградская и А.М. Никулин анализируют стратегии приспособления двух фермерских хозяйств к новым реалиям 1990–2010-х годов. Стратегии, можно сказать, полярные, тем не менее в обоих случаях успешные. Мне кажется, что симпатии авторов на стороне первого из анонимных героев их статьи, хотя исследователям по статусу положено оставаться беспристрастными, констатируя выявленные факты сельского бытия. При этом в обоих случаях имеется явное сходство: оба фермера местные по происхождению, оба стремятся выстраивать правильные, с их точки зрения, отношения с местным населением, у обоих имеется мечта. Просто в первом случае и эти взаимоотношения со своими работниками, и отношения с хозяевами земельных паев, и эта мечта куда глубже укоренены в недавнем колхозно-совхозном прошлом края, шире — в наших базовых представлениях о справедливости и несправедливости⁷.

А.А. Куракин идет дальше в своем анализе именно в этом направлении, рассматривая вопрос о том, какие сложились сельхозпредприятия на территории исследования и как они стараются участвовать в жизни местных сельских сообществ. Исследованные пять типичных случаев он обозначил следующим образом: «Государственное предприятие в новых условиях»; «Приватизация с советским хвостом»; «Приручение агрохолдинга»; «Фермеры: пределы личных интересов» и «Административные барьеры». И во всех этих случаях отчетливо просматривается советское прошлое: «Можно сказать, что советское наследие еще живо и помогает сельским муниципалитетам получать дополнительную помощь от местных сельскохозяйственных предприятий»⁸. В первых двух случаях люди даже привычно именуют крупные предприятия «совхозами», удачно минуя тарабарщину современных ЗАО и ООО и, очевидно, помня о происхождении приходящих в упадок объектов инфраструктуры. В размышлениях о взаимоотношениях муниципалитетов и предприятий респонденты употребляют слово «совесть», на что автор статьи резонно обращает внимание, а далее обобщает: «Итак, отношения между предприятием и муниципалитетом со-

7. Виноградская О.Я., Никулин А.М. (2013). Инновационные стратегии двух кулундинских фермеров: между государством, рынком и засухой // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. М.: Дело. С. 302–324.

8. Куракин А.А. (2014). «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. М.: Дело. С. 176.

стоят из сложной смеси разнообразных мотивов, расчетов и чувств. Их трудно описать с помощью какого-либо одного термина»⁹.

А по-моему, термин «моральная экономика» как раз и подходит, тем более что Куракин делает ссылку на классическую книгу Дж. Скотта с этим названием, обосновывая теоретический подход этой своей работы. Я не раз писал, насколько уместна эта скоттовская теория при размышлении о том, что происходило в российской деревне на протяжении всего пореформенного периода. Совершенно убежден в ее релевантности и при анализе эволюции колхозно-совхозного строя в нашей стране. И наличие сильных поводов говорить об этом сегодня лично для меня — главный из уроков Кулунды.

В.В. Бабашкин
Уроки Кулунды

Lessons of Kulunda

Fruhauf M., Guggenberger G., Meinel T., Theesfeld I., Lentz S. (Eds.) KULUNDA: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use. Cham (Switzerland): Springer, 2020 — XXVI+ 522 p.

Vladimir V. Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

---

9. *Куракин А.А.* (2014). «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. М.: Дело. С. 182.

Инновационное развитие в России: Agriculture 4.0

И.К. Полещук

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-204-207

В апреле и мае 2020 года в рамках распределенного формата в НИУ ВШЭ состоялась XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики. Большинство секций конференции прошло в формате онлайн. 29 апреля в рамках презентации нового доклада НИУ ВШЭ «Инновационное развитие агропромышленного комплекса в России. Agriculture 4.0» совместно с Национальной ассоциацией трансфера технологий и Фондом «Сколково» были подняты вопросы о ключевых вызовах и перспективных направлениях развития российского аграрно-промышленного комплекса. Так, было отмечено, что в современном сельском хозяйстве все большую роль играют инновационные факторы социального и технического развития. На вооружение аграриев поступают различные передовые технологии почти из всех областей науки, будь то биотехнологии, цифровые решения, промышленная химия, инженерные и технические проекты и многие другие. И хотя за последние годы российский агропромышленный сектор добился довольно впечатляющих как количественных, так и качественных результатов, но сельскому хозяйству России необходимо переходить на новые ступени развития, главным фактором которых станет именно инновационный экономический рост.

Институт аграрных исследований НИУ ВШЭ провел исследование, в задачи которого входило определение ориентиров передовых российских производств при инновационном развитии: что они считают главным? что делает государство для поддержки сейчас и что ему необходимо делать? как поменять политику государства в отношении инновационного роста в АПК? В презентации и были озвучены ключевые вызовы и перспективные направления развития российского АПК, предпосылки, факторы роста и барьеры его глобальной конкурентоспособности.

Секция открылась докладом руководителя отдела инноваций в сельском хозяйстве Министерства сельского хозяйства РФ *Н.В. Орловой* «Инновационное развитие в России: Agriculture 4.0». Стоит отметить, что под «Agriculture 4.0» понимается новый этап технологического развития, основанный на внедрении «умных» решений (робототехника, «точное» земледелие, интернет вещей), биотехнологий, альтернативных технологий источников сырья. Сегодня и для АПК России и всего мира критически важным стало внедрение достижений науки и техники. Если Россия не предпримет решительных шагов в этом направлении, некоторые перспективные аграрные рынки станут для нее труднодоступными.

Главными вызовами для АПК сегодняшнего дня докладчик назвал: дефицит ресурсов и кризис предыдущей модели АПК; промышленная революция; новые ценностные ориентиры; политико-экономические и структурные вызовы. Именно поэтому предлагается переход к АПК 4.0, и в России уже сложились для этого конкретные предпосылки: исчерпание факторов роста прошлого периода; актуализация барьеров роста; глобальная конкурентоспособность; загрязнение окружающей среды неликвидным сырьем. Среди российских конкурентных преимуществ отмечаются: хорошие стартовые позиции отечественного АПК; относительно благоприятная социально-демографическая среда; большой запас биоемкости природных ресурсов.

Авторы доклада пришли к выводу, что Россия имеет большой инновационный потенциал, поскольку занимает второе место в Европе после Германии по объему финансирования сельскохозяйственной науки. Однако главными проблемами для нашей страны остаются низкая эффективность отдачи от затрат на фундаментальные аграрные исследования, а также слабый уровень подготовки отечественных сельскохозяйственных кадров.

Немаловажна в инновационном развитии российского АПК и роль бизнеса, так, в 2018 году доля компаний, внедряющих инновации в сельском хозяйстве, составила всего 5,4%. В интервью с представителями бизнеса главный тезис респондентов звучал как: «Мы не готовы играть вдолгую».

Все это позволяет определить главные барьеры инновационной трансформации АПК: несовершенство нормативно-правовой базы; бюрократизм; отсутствие диалога бизнеса и науки; неэффективность поддержки трансфера технологий. Поэтому были предложены следующие решения: модернизировать институциональную среду; смотреть и думать на шаг вперед; развивать систему поддержки трансфера технологий; реорганизовать систему аграрного образования; обеспечить прозрачность координации ФОИВов.

Следующим докладчиком стала врио исполнительного директора национальной ассоциации трансфера технологий *А.С. Хворостяная*, которая сосредоточилась на воздействии отечественной науки на конкурентоспособность АПК. Государственные деньги

составляют 60% в развитии аграрной науки России, и 90% из них идет в НИИ и университеты, однако в настоящее время большое количество патентов в аграрном секторе России являются недействительными. В результате проведенного исследования стало ясно, что имеется ряд сложностей при росте инновационной активности бизнеса: административные барьеры; отсутствие диалога бизнеса и науки; проблемы финансирования ИР. Были также особо выделены факторы, затрудняющие сотрудничество науки и бизнеса, на основании интервью с исполнительными директорами 500 компаний: отсутствие потребности в сотрудничестве у обеих сторон; недоступная для бизнеса цена научных разработок; слабый спрос бизнеса на инновации; недостаточность информации о потребностях бизнеса и т. д.

Для решения подобных проблем организованна Национальная ассоциация трансфера технологий, задача которой — объединить основных участников рынка трансфера технологий для того, чтобы наладить совместную работу по совершенствованию механизмов развития инфраструктуры технологического трансфера. Главным итогом работы данной ассоциации можно считать разработку двух инструментов, которые помогут решить поставленную задачу. Это, во-первых, система управления результатами интеллектуальной собственности, которая уже запущена в некоторых университетах и корпорациях. И во-вторых, создание цифровой платформы, способной обеспечивать единое информационное пространство для поддержки коммуникации между участниками рынка трансфера технологий.

Последним свой доклад представил *А.А. Чулок*, директор центра научно-технологического прогнозирования НИУ ВШЭ. Темой выступления стал технологический форсайт для сельского хозяйства после 2025 года. Докладчик выделил три основные ошибки при исследовании будущего: изменение спроса рассматривается в узком контексте; динамика развития науки и проникновения технологий воспринимается линейно; недооценивается роль экосреды и коммуникаций. Все эти упущения были учтены при составлении форсайта с помощью системы анализа больших данных iFORA. Подобный анализ позволил выделить основные тренды в 2018–2019 годах с точки зрения системы: городское сельское хозяйство; точное земледелие; интернет вещей; органические пищевые продукты; новые типы удобрений.

На основе анализа больших данных ученым удалось обрисовать контуры ближайшего будущего: состав и масштабы поддержки экономики; восстановление прежних или формирование новых логистических и производственных цепочек; роль инноваций и технологий; борьба «суверенитетов» производителя и потребителя; состав факторов конкурентоспособности компаний; замена «умными» технологиями не только рутинного труда, но и высококвалифицированных специалистов; образование.

После основных докладов на секции развернулась дискуссия, в рамках которой некоторые представители агрокомпаний поделились своим опытом по организации инновационного роста, а представители научного сообщества сосредоточились на критике недостаточной квалификации современных специалистов в сфере АПК, предлагая собственные пути решения данной проблемы. Особенно иронично прозвучал вопрос: а решили ли мы все задачи, связанные с АПК 3.0, прежде чем стремиться переходить к АПК 4.0.

В целом и презентации, и дискуссионные выступления по ним органично дополняли друг друга. Сопоставленные друг с другом опыт научных работников и представителей бизнеса говорят о том, что России нужны качественные изменения в АПК, требующие нового научного, социального, институционального, технологического и образовательного развития.

Innovative Development in Russia: Agriculture 4.0

Ilya K. Poleshchuk, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

Крестьяноведение

2020. Том 5. № 2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2020. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 461.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ